

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография

2023 № 4

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

СЮЖЕТОЛОГИЯ И СЮЖЕТОГРАФИЯ

2023. № 4

Научный журнал
Основан в 2013 году. Периодичность – 2 раза в год
Выходит на русском языке

Редакционная коллегия

доктор филологических наук *Е. В. Капинос* (ИФЛ СО РАН) –
главный редактор
доктор филологических наук *Е. Ю. Куликова* (ИФЛ СО РАН) –
ответственный редактор
кандидат филологических наук *И. Е. Лоцилов* (ИФЛ СО РАН)
кандидат филологических наук *Л. А. Курьешева* (ИФЛ СО РАН)
доктор филологических наук *Е. Н. Проскурина* (ИФЛ СО РАН)
член-корреспондент РАН,
доктор филологических наук *И. В. Силантьев* (ИФЛ СО РАН)
доктор филологических наук *Л. П. Якимова* (ИФЛ СО РАН)

Редакционный совет

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
В. Е. Багно (ИРЛИ РАН)
доктор филологии *В. Вестстейн* (Universiteit van Amsterdam, Нидерланды)
член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН)
доктор филологии *О. Меерсон* (Джорджтаунский университет, США)
доктор филологических наук *В. И. Тюпа* (РГГУ)
доктор филологических наук *Ю. В. Шатин* (НГПУ)

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
zhurnal.syuzhet@yandex.ru

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство Эл № ФС77-84792 от 17 февраля 2023 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Сюжет, мотив, жанр

- Яранцев В. Н.* (Новосибирск)
Роль, функции и значение жанра фельетона в развитии сибирской литературы последней четверти XIX века в связи с деятельностью Н. М. Ядринцева, писателя и редактора 5
- Полторацкий И. С.* (Новосибирск)
Элементы орнаментальной прозы в творчестве Венедикта Матвеева (Марта). «Мартелии. Истории моей смерти» 24
- Нурхаметова В. О.* (Москва)
Поэтика «романа в письмах» Б. Пастернака и М. Цветаевой (Статья первая) 33
- Абрамова К. В.* (Новосибирск)
«Детство» Л. Н. Толстого в романе Марины Степновой «Сад» 55

Сюжеты и судьбы

- Дружинин П. А.* (Москва)
Фальсификаты рукописей Григория Распутина Новейшего времени и их распознавание 70
- Рубинчик О. Е.* (Санкт-Петербург)
«Помогите мне в моем великом горе». О хлопотах Ахматовой по освобождению сына (новые детали). Статья вторая 112

CONTENTS

The Genre, Plot and Motive

- Yarantsev V. N.* (Novosibirsk)
The Role, Functions and Significance of the Genre of the Feuilleton in the Development of Siberian Literature of the Last Quarter of the 19th Century in Connection with the Activities of N. M. Yadrintsev, Writer and Editor 5
- Poltoratsky I. S.* (Novosibirsk)
The Elements of Ornamental Prose in the Works of Venedikt Matveev (Mart). “Martelias. Stories of My Death” 24
- Nurkhametova V. O.* (Moscow)
The Poetics of the “Novel in Letters” of B. Pasternak and M. Tsvetaeva (Article 1) 33
- Abramova K. V.* (Novosibirsk)
“Childhood” by L. N. Tolstoy in Marina Stepnova’s Novel “The Garden” 55

Plots and Destinies

- Druzhinin P. A.* (Moscow)
Modern Falsifications of Grigory Rasputin’s Manuscripts and Their Identification 70
- Rubinchik O. E.* (St. Petersburg)
“Please, Help Me in My Great Sorrow”. Concerning Akhmatova’s Efforts to Free Her Son (New Details). Article two 112

Сюжет, мотив, жанр

Научная статья

УДК [821.161.1.09 «18»+655.4](571.1/.5)(092)

DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-5-23

Роль, функции и значение жанра фельетона в развитии сибирской литературы последней четверти XIX века в связи с деятельностью Н. М. Ядринцева, писателя и редактора

Владимир Николаевич Яранцев

Государственная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

yarantsevvn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3143-0017>

Аннотация

Сибирский фельетон 1870–1880-х гг. рассматривается как жанр, способствующий развитию сибирской литературы. Областные и «народнические» взгляды Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина на литературу, анализируются в соотнесении с воздействием сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина. Исследуется деятельность Н. М. Ядринцева в газете «Восточное обозрение», совместно с «Сибирской газетой» повлиявшей на становление литературы в Сибири. Делается вывод о роли фельетона в распространении сибирских романов и повестей как основы любой полноценной литературы.

Ключевые слова

фельетон, сибирская литература, Н. М. Ядринцев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. Н. Потанин, беллетризация, роман, «Восточное обозрение», издательства

Для цитирования

Яранцев В. Н. Роль, функции и значение жанра фельетона в развитии сибирской литературы последней четверти XIX века в связи с деятельностью Н. М. Ядринцева, писателя и редактора // Сюжетология и сюжетология. 2023. № 4. С. 5–23. DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-5-23

© Яранцев В. Н., 2023

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетология. 2023. № 4. С. 5–23
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 4, pp. 5–23

The Role, Functions and Significance of the Genre of the Feuilleton in the Development of Siberian Literature of the Last Quarter of the 19th Century in Connection with the Activities of N. M. Yadrintsev, Writer and Editor

Vladimir N. Yarrantsev

State Scientific and Technical Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
yarrantsevv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3143-0017>

Abstract

In studies devoted to the activities and creativity of N. M. Yadrintsev, a journalist and writer, until now not much attention has been paid to the genres of his journalism, which gave impetus to the development of Siberian literature – one of the goals of the regional program of Siberians. This work shows the considerable potential that the feuilleton genre revealed in the run-up to the emergence of the literature of Siberia as a phenomenon of all-Russian literature. An analysis of the feuilletons of the *Sibirskaya Gazeta* and *Vostochnoye Obozreniye* shows that this purely newspaper genre in the 1880s. was influenced by prose, developing along the path of “fictionalization” and creating the preconditions for novels. This confirms the work of F. V. Volkhovsky and K. M. Stanyukovich, where the cyclization of feuilletons and the modification of cycles into a novel are found. A similar process is observed in the work of N. M. Yadrintsev, who published a book in 1872 on the basis of a series of his articles, *The Genesis of a Feuilleton* by N. M. Yadrintsev had a complex nature, combining the main “regional” impulse and the influence of M. E. Saltykov-Shchedrin. The activities of G. N. served as a counterweight to it. Potanin and his idea of the novel “Taizhane”, “tendentious” and “feuilleton” at the same time, with an emphasis on the “Siberian consciousness” and the prototype in the form of N. I. Naumov. M. E. Saltykov-Shchedrin acted as a unifying principle for the tendencies of regionalism and fiction, an example of which is the feuilleton “The Flying Intelligentsia” in the spirit of Shchedrin’s “Lords of Tashkent”. Both trends complemented each other, and with the relocation of the newspaper “Eastern Review”, edited by N. M. Yadrintsev, to Siberia, showing the need for synthesis in the development of Siberian literature. This process was also developed in connection with the practice of “appendices” to newspapers in the form of “scientific and literary” collections, where the mobility of the genre framework became the norm. In the same 1880s. showed its significance and initially “technical” problem of publishing periodicals and books in local publishing houses. Related issues of distribution and reading – subscriptions and libraries – revealed them as additional factors in the development and formation of Siberian literature. This is proved both by the increase in demand for a feuilleton in the newspaper, and by the intention of N. M. Yadrintsev to publish a book of feuilletons, carried out only after his death by V. M. Krutovsky. In the book, the universality of the genre is confirmed by the publication of feuilletons in a circle of other articles and poems and by the publisher’s definition of a feuilleton as a “special genre”: both “artistic and literary” and “accusatory”. The phenomenon of the priority of the feuilleton, which has become a synthetic genre, can be interpreted as a symptom of the acceleration of the development of Siberian literature against the background of the all-Russian in overcoming the backlog: the creation of a developed genre system, the literary process, the replacement of almanacs by periodicals. An independent factor was the need for local publishing houses, which strengthened the feeling of Siberian self-awareness for both writers and readers, when demand largely depended on the

connection of literature with local interests and needs. The feuilleton genre inspired by M. E. Saltykov-Shchedrin and modified by N. M. Yadrintsev in collaboration with G. N. Potanin, played an important role in this.

Keywords

feuilleton, Siberian literature, N. M. Yadrintsev, M. E. Saltykov-Shchedrin, G. N. Potanin, fiction, novel, "Eastern Review", publishers

For citation

Yarantsev V. N. The Role, Functions and Significance of the Genre of the Feuilleton in the Development of Siberian Literature of the Last Quarter of the 19th Century in Connection with the Activities of N. M. Yadrintsev, Writer and Editor. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 4, pp. 5–23. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-5-23

Творчество Н. М. Ядринцева и его общественно-политическая деятельность сибирского патриота-«областника» являются предметом многочисленных исследований на протяжении десятков лет, оно имеет свою обширную библиографию. Предлагаемая здесь тема лежит в русле «истории разработки основных принципов организации провинциальной печати в России Н. М. Ядринцевым», которая, однако, согласно И. Г. Чердниченко, «до сих пор не была обобщена в отдельных исследованиях, за исключением «некоторых фрагментов темы в работах» известных ученых, например М. К. Лемке, В. П. Крутовского, И. И. Попова, Ю. С. Постнова, В. Г. Коржавина, В. Г. Одинокова, Н. Н. Яновского, Л. С. Любимова, С. Ф. Коваля, С. И. Гольдфарба, А. Нагибиной и др. [Чердниченко, 2003]. Анализ отечественной историографии XIX–XX вв. привел автора статьи к выводу, что «в работах исследователей основное внимание уделялось публицистике Н. М. Ядринцева, его деятельности в качестве издателя и редактора “Восточного Обозрения”, его помощи в становлении “Камско-Волжской газеты” и активному сотрудничеству с сибирскими изданиями: “Томские губернские ведомости”, “Сибирь”, “Сибирская газета”» [Там же]. Близки к такому историко-культурологическому подходу к изучению проблемы творчества Н. М. Ядринцева и недавние работы И. С. Черновой [2020], Ю. Б. Костяковой [2019], Р. А. Григоренко [2018], Ю. А. Асояна [2012], А. В. Головинова [2012]. Из литературоведческих работ по данной теме следует отметить статью И. А. Айзиковой «Образ писателя в литературной критике Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева (1870–1900-е гг.)», где отмечается «неразвитость или отсутствие пунктов сибирской местной печати» как серьезное препятствие «для становления местного авторского корпуса» [Айзикова, 2017, с. 87]. Серьезной литературоведческой работой является статья Р. А. Григоренко «Роман Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева “Тайжане” как предопределенный неуспех: поэтика замысла» [2018], не учитывающая, однако, жанровой эклектичности этого произведения, задумывавшегося как «роман-фельетон». В итоге обзора современных публикаций в рамки сформулированной здесь темы входят: книга Н. В. Жиляковой [2020] с точки зрения литературной составляющей темы и книга С. И. Гольдфарба [1997] как источник по истории и изданию газеты «Восточное обозрение». Это определяется целью настоящей работы, исследующей тесную взаимосвязь литературы и издательских практик в аспекте жанра фельетона на стадии формирования сибирской литературы, обусловленной задачами развития сибирской литературы и ролью личности Н. М. Ядринцева, органи-

затора местной журналистики и литературы на новом, более высоком уровне, близком к столичной.

Методика исследования включает в себя элементы сравнительно-типологического и структурно-функционального методов с использованием системного, исторического и биографического подходов. Материалом служат статьи, книги, письма Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, М. Е. Салтыкова-Щедрина, газеты «Восточное обозрение», в основном 1870–1880-х гг.

1880-е гг. – решающий этап в становлении сибирской литературы (далее – СЛ), оформившейся в начале XX в. Процесс демократизации в целом в литературе, отдававший первенство «изображению не отдельной личности, а народной массы», «быту народа», «народному мирозерцанию» [Очерки русской литературы..., 1982, с. 420], демократизировал и писателей, развернул их интересы в сторону «народничества», народных, особенно крестьянских, тем. Это совпадало с развитием «малых» литературных форм, к которым «писатели Сибири чаще всего обращались» [Там же, с. 421], и востребованных прежде всего периодикой, газетами. Поэтому данное десятилетие проходит под знаком роста, количественного и качественного, сибирской периодики и журналистики, получившей мощный импульс в 1870-е гг. благодаря деятельности газеты «Сибирь». Поддерживались эти жанры и творчеством известных русских писателей, приезжавших в Сибирь для написания очерков о судьбах переселенцев (Г. И. Успенский, Н. Д. Телешов), крестьян, рабочих, каторжан (Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. П. Чехов, В. М. Дорошевич). Много дала СЛ и политическая ссылка, открывшая немало талантливых авторов, в первую очередь В. Г. Короленко, породившего целое «течение» в СЛ [Там же, с. 443]. Все эти процессы предопределили быструю эволюцию газетных жанров сибирской периодики, развивавшихся в русле художественности, беллетризации жанров, в них буквально зарождались произведения будущей СЛ. Особенно способствовал этому жанр фельетона, обнаруживший большой потенциал с точки зрения как публицистических, так и литературных целей. В 1870–1880-е гг. этот жанр стал ведущим благодаря деятельности как общерусских писателей, например В. М. Дорошевича, написавшего романы «Сахалин» и «Каторга», которые М. А. Азадовский характеризовал как «ряд фельетонов» [ССЭ, 1932, с. 180.], так и сибирских – Н. М. Ядринцева и его газеты «Восточное обозрение» (далее – ВО), Иркутск, и «Сибирской газеты» (далее – СГ), Томск, и ее авторов Ф. В. Волховского и К. М. Станюковича. Некоторые моменты становления этого жанра в Сибири освещены в данной статье.

Тенденции в развитии сибирского фельетона и сибирский роман; роль М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. Н. Потанина в генезисе фельетона Н. М. Ядринцева

В СГ фельетон в большей мере отвечал своей роли как жанра литературного. Этому способствовало творчество автора газеты Ф. В. Волховского, создававшего свои фельетоны как «оригинальный синтез публицистики, поэзии и сказки» при акценте на сказку в двух ее разновидностях: «типологически восходящая» к сатирическим сказкам М. Е. Салтыкова-Щедрина и «сказка волшебная, сказка для детей» [Жилякова, 2020, с. 22]. Усложняя этот синтез публицистики, поэзии и сказки, Ф. В. Волховский вводил в текст «стихотворные вставки», «сатирические

баллады, басни, отдельные стихотворения, сатирические куплеты», «неоднократно придавал фельетонам форму «драматической фантазии», выступал от лица «сказочника-балагура “Дяди Федула”» [Жилякова, 2020, с. 22], подписывал свои тексты оригинальными псевдонимами «В тиши расцветший василек» или «Иван Брут». Объединенные в фельетонные циклы, они «несли в себе ярко выраженное игровое начало», а введение в СГ сатирической рубрики «Крапива» (по образцу «Искры» В. С. Курочкина) только усиливало литературный характер фельетона, делало его дополнительным способом «“поиграть” с читателем» [Там же, с. 30]. Подчеркивало этот характер данного жанра в СГ и последующее введение другой рубрики: «Фельетон “Сибирской газеты”», куда входили наряду с фельетонами «рассказы, путевые заметки, литературные обозрения, главы романа “Не столь отдаленные места” К. М. Станюковича» [Там же, с. 35]. Появление этого романа, родившегося в фельетонной рубрике, свидетельствовало, с одной стороны, о большом синтезирующем потенциале жанра, с другой стороны, о том, что фельетон оказывается одним из источников становления и развития СЛ. Не случайно автор монографии о сатирической журналистике в Томске рубежа XIX–XX вв. Н. В. Жилякова называет это явление «беллетризацией фельетонов СГ», выросшей из тенденции в одну из отличительных особенностей СЛ, так как процесс беллетризации был тотальным – «происходил на нескольких уровнях» бытования и функционирования фельетона» [Там же, с. 35–36]. Вершиной такого олитературивания газетного жанра явилась эволюция цикла фельетонов К. М. Станюковича в самостоятельную книгу – роман «Не столь отдаленные места». С другой стороны, «фельетонизация» литературы несла в себе опасность легализации «массовой», развлекательной, коммерческой литературы. Однако, по мнению Б. А. Чмыхало, такая «массовая» беллетристика «способствовала самой организации СЛ, формируя связи системного характера», и «применительно к 90-м гг. XIX в. есть все основания говорить о литературном развитии Сибири именно как о процессе» [Чмыхало, 1992, с. 99].

Потенциально близок был к этому, т. е. к созданию романа, и Н. М. Ядринцев, у которого также были циклы фельетонов с одним, «сквозным», главным героем, с чьей помощью исследуется сибирская действительность. Так, ряд фельетонов о типе сибирского купца с условным именем Кондрат, публиковавшихся в ВО 1883 г., уже при публикации объединился в цикл с общим названием «Очерки общественной жизни на окраинах». Тем самым декларировался жанровый синкретизм с неразличением жанров фельетона и очерка как более близких литературно-художественной поэтике. В то же время такое обобщающее ряд газетных текстов название имплицитно предполагало издание этих текстов книгой. Тем более что опыт циклизации ряда беллетризованных очерков, воплощенных затем в книгу, у Н. М. Ядринцева был в начале 1870-х гг. Так, главы книги «Русская община в тюрьме и ссылке» публиковались в журналах «Дело» («Бродячее население Сибири» – 1868, № 8, 10, «Секретная» – 1869, № 5, «Община и ее жизнь в русском остроге (Записки, веденные в тюрьме)» – 1869, № 7, 9; «Типы сибирского острога» – 1870, № 5; «Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений – 1870, № 10; «Колонизационное значение русской ссылки (исторический очерк)»; «Исправительное значение русской ссылки (исторический очерк)» – 1871, № 1, 2), а также в «Искре», газете «Сибирский вестник». Издать книгой свои фельетоны из «Камско-Волжской газеты» и «Восточного обозрения»

Н. М. Ядринцеву не удалось, лишь в 1919 г., к 25-летию со дня смерти, они были опубликованы в журнале «Сибирские записки» В. М. Крутовским.

Близость двух сибирских газет, СГ и ВО, в том числе и в жанровом аспекте, очевидна. Н. В. Жиликова предполагает, что томской газете оказал определенную помощь в выдвижении на лидирующие позиции фельетона не кто иной, как Н. М. Ядринцев. «Именно пример Ядринцева», публиковавшего «буквально с первых номеров ВО» свои фельетоны, «убедил Адрианова <ведущего сотрудника СГ. – В. Я.> ввести в СГ новую рубрику». Это предположение «обосновывается и своеобразной “перекличкой” псевдонимов сибирских публицистов: “Добродушный Сибиряк” была подпись Ядринцева; “Проснувшийся Сибиряк” подписывал свои фельетоны Адрианов». При этом «типологически» фельетоны А. В. Адрианова, «соотносились с фельетонами Н. М. Ядринцева», по мнению Н. В. Жиликовой [2020, с. 20].

Фельетон у Н. М. Ядринцева имел к тому времени свои основы и генезис. Во-первых, он создавался одним из идеологов и вождей областничества, имевшего целый план действий по преобразованию Сибири. Еще в середине 1860-х гг. группа единомышленников всерьез думала о «просвещении, гражданском преуспевании», введении «гласного суда, земства, поощрении промышленности, большей равноправности инородцу» [Дело..., 2002, с. 30], вспоминал Н. М. Ядринцев, о том, что затем карающие органы представили как сепаратизм и уголовное преступление. Позднее, с развитием «народничества» в 1870-е гг., сформировались другие пункты программы: свободный труд крестьян, право на «вольнонародную колонизацию» [Ядринцев, 2003, с. 163], «свободный земледельческий класс России» из числа переселенцев [Там же, с. 186], крестьянская община и, наконец, местная интеллигенция вместо случайных приезжих, ориентированных на Центр, и своя, сибирская литература. Во-вторых, фельетон предполагал иные язык и стиль, нацеленные на художественное, литературное воплощение темы с сатирическим заданием. В-третьих, этот жанр у Н. М. Ядринцева развивался под решающим влиянием гражданственно-сатирической прозы М. Е. Салтыкова-Щедрина. Более широко это влияние можно было бы оценить как «искровско-щедринское направление» [Очерки русской литературы..., 1982, с. 425], учитывая роль журнала «Искра» и его редактора В. С. Курочкина, что уже отмечалось нами в связи с фельетонами Ф. В. Волховского. На наш взгляд, роль М. Е. Салтыкова-Щедрина заметнее в аспекте типизации, создания общественно значимых типов – героев его очерков и книг.

В этом смысле М. Е. Салтыков-Щедрин, его творчество, стало для Н. М. Ядринцева необходимым при осуществлении как областнической программы, так и предпосылок создания СЛ. Особенно очевидно это в сопоставлении с деятельностью его соратника и единомышленника Г. Н. Потанина, чья попытка создания романа «Тайжане» на сугубо идеологических началах, как образца «тенденциозной» СЛ, без учета литературно-сатирического опыта М. Е. Салтыкова-Щедрина, оказалась безуспешной. К середине 1870-х гг. Г. Н. Потанин имел уже сложившийся областнический взгляд на развитие СЛ: писатель должен родиться и жить в Сибири, знать «состав сибирского общества» [ЛНС, 1986, с. 220], его «сознание», так как «прочно только то, что основано на сознании самого общества» [Там же, с. 225], не глядеть свысока на сибирскую жизнь, как это делает герой романа И. В. Омулевского «Шаг за шагом» Светлов, и не переносить впечатления от си-

бирской жизни «на почву европейской России», как это сделал в романе «Николай Негорев» И. А. Кушевский. Необходимым для современной литературы является «верное изображение крестьянской жизни» [ЛНС, 1986, с. 232], что отличает книгу рассказов Н. И. Наумова «Сила соломѣ ломит», и потому именно с его рассказов и «начинается сибирская беллетристика» [Там же, с. 236]. Осуществить эту программу Г. Н. Потанин и попытался своим романом «Тайжане», в основу которого положен очерк «О рабочем классе в ближней тайге». О процессе создания этого романа можно судить по переписке Г. Н. Потанина с Н. М. Ядринцевым. Столкнувшись с литературными трудностями («Придумав много деталей, недоработал еще фабулы и остановился за недостатком плана» [Письма Г. Н. Потанина, 1988, с. 85–86]), Г. Н. Потанин попросил Н. М. Ядринцева доработать роман по его рекомендациям, т. е. добавить в роман типы «чиновника конца 50-х» и «добродушного взяточника» [Там же, с. 115] и постараться, «чтобы из героя произведения Ванькина не вышел Светлов», т. е. только «пропагандист» [Там же, с. 136]. Характерно, что, благословляя своего соратника, Г. Н. Потанин писал: «Пусть это будет фельетонный роман; задаваться большой художественностью нам нечего, главное тенденция» [Потанин, 1997, с. 112]. Эту художественность определяли главы о прибытии Ванькина в Томск и о детстве и учебе героя в гимназии, написанные Н. М. Ядринцевым еще в 1873 г. (публикация и датировка Н. Ф. Юшина и Н. В. Серебренникова [Сибирский текст..., 2007, с. 252]) и демонстрирующие романский стиль и масштаб произведения. Найденные и опубликованные в 2010 г. главы под названием «Начало романа “Тайжане”», датирующиеся 1872-м г., написаны в стиле, близком к очерковой прозе книги «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872). Очевидно расхождение двух областников в понимании жанра фельетона, основанном на разном толковании «тенденции», которая у Н. М. Ядринцева подразумевала литературно-сатирическую форму в духе М. Е. Салтыкова-Щедрина, а у Г. Н. Потанина очерковую публицистику пестрого состава с «элементами очерка, повести, драмы, заметок и просто письма к приятелю, взятые в некое целое», какими должны были быть, по его мнению, «фельетонные» «Тайжане» [Потанин, 1997, с. 7]. Текст завершенных Н. М. Ядринцевым в 1885 г. «Тайжан» не сохранился, известно только, что он гордился («хвастался») «художественной обработкой предмета» [Там же, с. 117]. И не без основания, так как уже имел опыт синтеза очерков-рассказов («Тюремные записки») с исследованием (изучением тем «ссылочно-бродячего населения Сибири» и «опыта разных систем наказания») в книге «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872). Этот метод сам Н. М. Ядринцев так и определял: «Сведения, добытые личными наблюдениями и расспросами, автор признал необходимым проверить исследованием об историческом значении русской ссылки» [Сибирский текст..., 2007, с. 48]. В окончательном виде «Тайжане» были переработаны не столь радикально: «Ядринцев решил оставить основой романа потанинскую повесть» [Сибирский текст..., 2010, с. 224], что свидетельствует о непоследовательности Н. М. Ядринцева в осуществлении им намерения «беллетризации» публицистических жанров.

Несомненно, стиль беллетризованной публицистики Н. М. Ядринцева обогатили и такие особенности поэтики М. Е. Салтыкова-Щедрина, как «деловой» характер его «беллетристики» в «форме повествовательных размышлений», «характеристичный стиль», т. е. «приискание самого живописного слова для своей мысли», по словам П. В. Анненкова [М. Е. Салтыков-Щедрин..., 2013, с. 245–

247]. Это оказалось весьма близко Н. М. Ядринцеву и как областнику в решении задач формирующейся идеологии сибирского патриотизма. Особенно большой отклик у него нашли статьи М. Е. Салтыкова-Щедрина из «ташкентского» цикла, объединенные затем в книгу «Господа ташкентцы» (1873). Главной причиной этому явилась едкая сатира на капитализм как еще более хищнический, грабительский уклад жизни, чем свергнутое крепостничество. Для Сибири, где крепостничество отсутствовало, олицетворявшее капитализм купечество являло еще более неприглядное явление в силу своей первобытной дикости. Негативного отношения к капитализму добавляла уверенность идеологов «областничества» в решающей роли крестьянской общины и поддерживавшего ее «народничества» как главной силы для народной свободной, а не штрафной колонизации Сибири. Изобретенный М. Е. Салтыковым-Щедриным термин «ташкентцы» имел слишком широкое толкование: «Наш Ташкент, о котором мы ведем здесь речь, находится там, где дерутся и бьют» [Салтыков-Щедрин, 1970, с. 27], т. е. воруют и бесчинствуют; «ташкентство» является понятием географическим только отчасти – по тому месту, где в новообретенных территориях Российской империи чиновничество особенно много злоупотребляло своим положением. В итоге М. Е. Салтыков-Щедрин пишет: «Нравы создают Ташкент на всяком месте: бывают в жизни минуты, когда Ташкент насильно стучится в каждую дверь и становится на неизбежную очередь для всякого существования!» [Там же, с. 28].

В статье «Летучая интеллигенция» 1873 г., когда вышли «Господа ташкентцы», Н. М. Ядринцев замечает, что Сибирь сближает с Ташкентом отдаленность от России, и поэтому данный термин М. Е. Салтыкова-Щедрина вполне применим и для Сибири. «Но даровитый сатирик, – возражает Н. М. Ядринцев, – изображая “ташкентцев”, изобразил только одну черту его – “наживу, хищническое стремление”». И далее: «Он взял как *сатирик* <курсив мой. – В. Я.> одну дурную страсть человеческой природы, проявляющуюся вообще в человечестве и в частности в русском обществе» [Сборник..., 1919, с. 95]. Н. М. Ядринцев явно отделяет здесь М. Е. Салтыкова-Щедрина как преимущественно сатирика, русского и «общечеловеческого», от себя как представителя областничества и преобразует щедринский термин в собственный, в соответствии с целью своей статьи: «Всю “летучую интеллигенцию”, постоянно меняющую место, назвать “ташкентскою” было бы несправедливо и неверно, ибо далеко не вся интеллигенция руководствуется наживой и хищничеством» [Там же, с. 95]: «их труды – обрывки, знания – отрывочны, а постоянная перемена мест не позволяет изучить народную жизнь» [Там же, с. 96].

Н. М. Ядринцев, испытывая к М. Е. Салтыкову-Щедрину симпатию, был, однако, немногословен, называя его «даровитый» и «благородный» сатирик, а его очерки – «даровитыми». Причина такой сдержанной оценки деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина в том, что она, несмотря на ее общественно-политический характер, была все-таки литературной, рассчитанной на широкую, разного социального состава читающую публику, в то время как Н. М. Ядринцев и его соратники и единомышленники преследовали иные цели: бились над вопросами улучшения положения Сибири как полноправной в политическом и культурном отношении области России. При этом большие надежды возлагались на журналистскую деятельность, особенно на газеты. Учреждение «Камско-Волжской газеты» в начале 1870-х гг. эти надежды укрепило, особенно при сближении и совме-

стной работе с Г. Н. Потаниным, который, с другой стороны, был для Н. М. Ядринцева определенной альтернативой М. Е. Салтыкову-Щедрину и его литературной публицистике в виде романов и повестей. Именно в эти годы, когда М. Е. Салтыков-Щедрин писал «Господ ташкентцев» и «Историю одного города», Н. Ядринцев думал об общине как средстве спасения Сибири от упадка и невежества, находя в Г. Н. Потанине идейную поддержку: «Я удивляюсь Вашей проницательности в силу и способность крестьянской общины, высказанной на экономической почве, но так превосходно поддерживающейся и на политической. Да, в ней залог будущего и по ней можно предсказать историю государства. Она – источник автономии» [Письма..., 1918, с. 40].

Но в статье «Летучая интеллигенция» в положительном контексте упоминается только М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. Н. Потанину же в это время Н. М. Ядринцев помогает в написании романа «Тайжане». То, что М. Е. Салтыков-Щедрин значил тогда для Н. Ядринцева не меньше, чем Г. Н. Потанин, говорит некролог, написанный через несколько лет после завершения им «Тайжан», в 1889 г. В нем Н. М. Ядринцев проницательно отметил исключительное владение сарказмом и умение, «обобщив какое-нибудь отрицательное явление, довести его до абсурда», его «эзопов язык», а также все более широкий охват «сатирами» российской жизни и требования к ней «в области государственной практики и в сфере нравственной философии» [ЛНС, 1980, с. 123]. Следующие слова Н. М. Ядринцева об авторе «Ташкентцев» рисуют образец и для самого себя: «Он следил шаг за шагом за внешним и внутренним ходом нашей государственной и общественной жизни, и каждый шаг, кажущийся ему неверным, каждая фальшивая черта в общественной психологии находила в нем неуловимую черту» [Салтыков-Щедрин, 1976, с. 124].

В пору расцвета своего литературного творчества Н. М. Ядринцев мог бы назвать М. Е. Салтыкова-Щедрина своим учителем. Неслучайно Н. М. Ядринцев неоднократно приносил свои статьи в «Отечественные записки», лично М. Е. Салтыкову-Щедрину. Их обличительный характер был вполне в духе не только направления журнала, но и творчества самого сатирика. В 1876 г. М. Е. Салтыков-Щедрин напечатал две статьи Н. М. Ядринцева «Нужды и условия жизни рабочего населения Сибири (исследование о сибирской кабале, монополии и мироедстве)» и «Современная мания к путешествиям»; в 1879 г. напечатана «Судьба русских переселений за Урал» – целый исследовательский очерк с цифрами и фактами, обличающий правительство. И при этом был заинтересован в сотрудничестве, спрашивая у Н. А. Некрасова: «Почему Ядринцев не участвует у нас? Я в “Вестнике Европы” читал его статью <«Положение ссыльных в Сибири». – В. Я.> – очень хорошая» [Там же, с. 27]. В это время – с 1873 по 1876 и с 1881 по 1885 г. – он жил в Петербурге и имел возможность лично общаться с М. Е. Салтыковым-Щедриним и печататься в других петербургских журналах и газетах: «Вестник Европы», «Дело», «Голос», «Неделя», «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости» и др. Об этом периоде своей жизни и творчества, как и о М. Е. Салтыкове-Щедрине, Н. М. Ядринцев не оставил воспоминаний. Можно только предположить, что причиной этому была привычка М. Е. Салтыкова-Щедрина исправлять и даже переписывать рукописи произведений авторов, особенно молодых, в число которых попадал и 33–35-летний Н. М. Ядринцев, обладавший взрывным темпераментом. Отношение Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина

к М. Е. Салтыкову-Щедрину отличалось той же сложностью, что и их взгляды на суть и содержание сибирской литературы: с одной стороны, областники осмеливались «посягнуть на авторитет Щедрина», «для многих непререкаемый» [Серебренников, 2004, с. 96], с другой стороны, «Ядринцев перенял его <Щедрина. – В. Я.> прием, позаимствовал его ярлыки». А также «тяготел к сведению воедино художественных и публицистических элементов», по выражению Н. В. Серебренникова [Там же, с. 104–105], что подчеркивает основной тезис нашей статьи о значимости такого «сведения» – особенно явного в жанре фельетона – для развития СЛ в целом.

Отмеченные тенденции в функционировании жанра фельетона: литературно-сатирическая М. Е. Салтыкова-Щедрина и областнически-тенденциозная Г. Н. Потанина, конкурируя, в итоге дополняли друг друга и тем самым способствовали росту СЛ, все более требовавшей сибирской почвы для своего развития. Неслучайно именно в эти годы так остро встал вопрос местных издательств, обслуживавших потребности «местной», сибирской словесности. До сих пор наиболее талантливые сибирские писатели публиковались в Петербурге и Москве, подстраиваясь под вкусы столичной публики, в ущерб СЛ, о чем писал Г. Н. Потанин в цитированной выше статье: «Черты и воспоминания из сибирской жизни он <И. И. Кушевский, автор романа «Николай Негорев». – В. Я.> перенес на почву европейской России», причем старался, «насколько это возможно, затереть, уничтожить с внешней стороны сибирскую почву романа» [ЛНС, 1986, с. 228]. «Разрыв со средой, в которой провел писатель свое детство и юность» [Там же, с. 238], «абсентизм мысли» [Там же, с. 228], т. е. ее ориентированность на Центр, ощущались как все более отрицательные для развития СЛ.

«Восточное обозрение» Н. М. Ядринцева как фактор развития местного издания и областной литературы

Издание ВО, газеты, с 1882 по 1887 г. выходившей в Петербурге и после трех предупреждений со стороны правительства переехавшей в Сибирь – в Иркутск, стало ключевым событием и для Н. М. Ядринцева, и для развития СЛ. ВО сразу стала ведущей газетой в Сибири конца XIX в., объединив главные литературные силы и сделав уступку власти, переключившись с общественно-политических тем на преимущественно литературно-публицистическую деятельность. Как справедливо отмечал исследователь творчества Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина С. Ф. Коваль, «увлекшись публицистикой <Н. М. Ядринцев. – В. Я.> и научными занятиями <Г. Н. Потанин. – В. Я.>, они ограничили сферу своей общественной деятельности рамками общедемократической программы» [Письма Г. Н. Потанина, 1987, с. 26]. В этом была и заслуга М. Е. Салтыкова-Щедрина, приемам и стилю которого Н. М. Ядринцев неуклонно следовал в своих статьях. Он создавал собственные литературные типы (таков тип купца Кондрата в разных его ипостасях: «Кондрат у себя дома», «Кондрат благодуществующий и Кондрат утопающий», «Кондрат на поприще литературы» и т. д.), вводил, по примеру «учителя», гоголевских Чичикова и Ноздрева или щедринского Балалайкина в свои фельетоны в ВО, вплоть до копирования великого сатирика, как в фельетонах «Из летописи скорбящего града» (1884, № 9) и «Держи-Ухо» (1886, № 5), напоминающих «Историю одного города».

Возможно, такой уклон в большую литературность стал следствием жизни Н. М. Ядринцева в Петербурге в 1881–1885 гг. и в его литературной среде с надеждами на то, что сибирская газета ВО поднимется на уровень петербургской литературы и разбудит сибирскую провинцию, а главное – сибирскую печать, издательства. Этой теме Н. М. Ядринцев посвятил одну из первых своих статей-фельетонов в ВО с характерным названием: «Воспоминания и грезы восточного фельетониста» (1882, № 2). Думая над участью «провинциального областного писателя, явившегося в столицу» и не знающего, как и о чем писать (о надеждах и разочарованиях, грезах или курьезах?), в итоге автор надеется на появление местного, областного писателя, преодолевшего свое молчание в борьбе за гласность. Характерно, что и здесь Н. М. Ядринцев вспоминает М. Е. Салтыкова-Щедрина, точнее, названия глав его цикла «Помпадуры и помпадурши», но уже как пример «однообразного “Прощаюсь, ангел мой, с тобою!” и “Здравствуй, милая, хорошая моя!”», что отражает «только одну черту жизни» [Ядринцев, 2004, с. 38]. На самом деле сибирский писатель должен быть не только сатириком, но и общественным деятелем, патриотом Сибири, знающим свой край на научном уровне. Не зря ВО планировалась как газета общественно-политическая и литературная, желающая «дать по возможности правдивую картину жизни Востока <...>, попытаться определить роль русской национальности на азиатском Востоке и ее общечеловеческое признание, а также желая выразить нужды и потребности русского общества на окраине»; «подобное областное изучение России может оказать известную услугу и не являться лишним в среде русской периодической печати» [Гольдфарб, 1997, с. 45].

Но уже в 1885 г. Н. М. Ядринцев, стремясь примирить «областничество» с «наукой» и «литературой», писал в редакторской статье: «...я желаю для поддержки издания обратить внимание на другие отделы более серьезного и положительного характера, как то: научный, критический, а также описательные статьи, заместив ими тот интерес, который потеряла газета в других отделах» [Там же, с. 60]. Это было необходимо и для примирения разногласий с «иносибиряками», например Д. А. Клеменцем, по вопросу степени «местного патриотизма» у коренных сибиряков и приезжих, ссыльных. Тем более что в 1880-е гг. существовали такие газеты, как «Сибирский вестник», выражавший антиобластническую, провластную точку зрения. Своеобразным компромиссом и моделью для ВО послужило приложение к газете – «Литературный сборник» (1885 г.), объемистый том статей-исследований, «научных и литературных», «о Сибири и Азиатском Востоке» на следующие темы: «поземельная община в Тобольской губернии», «начало оседлости (исследование по истории культуры угро-алтайских племен)»; изучение географии, уклада, быта Олекминских приисков; «хозяйственный быт сибирского крестьянина»; «миросозерцание и народное творчество сибирских инородческих племен» и т. д., всего около 500 страниц.

Статья Н. М. Ядринцева «Начало печати в Сибири», имея также характер исследования (см. его же статью в «Сборнике» «Начало оседлости...»), касалась актуальных для самого автора вопросов типографий, тиражей, распространения сибирской периодики. Так, в главе о журналах Тобольска конца XVIII в. Н. М. Ядринцев сообщает о подписной цене журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», количестве экземпляров (186) и подписчиков (106), их процентном составе (80 %), материальном положении издателей – типографии Корнильева.

Особое место в статье отведено газете «Сибирь», сыгравшей большую роль в развитии печати в Сибири еще до ВО. Этот «орган», пишет автор, «начинается без всяких средств, единственно с помощью и дружными усилиями всех и каждого (...). Газета начала печататься в кредит в местной типографии, бумага была выслана пожертвованная» [Литературный сборник, 1885, с. 387], поскольку велика была потребность разобраться в «экономических вопросах» Сибири – торговле сырьем, крестьянском вопросе и землевладении, «интересах городских жителей», казачества, «иностранцев», земстве. Таким образом, эта «местная газета» «Сибирь», «первая внесла дух и идею в сибирское общество, научив уважать печать и искать в ней заявления общего мнения». Без этого, без появления начал сибирского самосознания, «молодая печать не могла дать сразу художественных произведений, но она не могла игнорировать этого рода литературу, особенно открыв столбцы для местных авторов» [Там же, с. 400], писал Н. М. Ядринцев, заинтересованный не только в развитии сибирской периодики, но и в появлении произведений сибирской литературы, чтобы «областная редакция <...> не дала измельчать местной печати до уличных листков, а соблюла достоинство и литературное чутье» [Там же, с. 401].

Характерно, что «Сибирь», как затем и ВО, издавала собственный сборник, где печатался роман «Магистр» М. В. Загоскина (незаконченный), «монографию по истории завоевания Сибири Шестунова» <...>, исследование о быте бурят и воспитании их детей миссионера Дуброва» [Там же]. Из статьи Н. М. Ядринцева становится очевидно, что сибирская литература обязана своим интенсивным развитием в первую очередь сибирским газетам, где сразу задавалась самая высокая планка, не ниже общероссийской, петербургской. Главную роль в этом играл Иркутск, куда ВО было перенесено неслучайно: Н. М. Ядринцев объяснял это тем, что «Западная Сибирь <где строился первый в Сибири университет. – В. Я.> в проявлениях умственной жизни отстает от Восточной, в городах Западной Сибири нет сплотившегося интеллигентного общества, нет твердого общественного мнения, городскими делами здесь заправляют часто невежественный кулак и бездельный елабужец» [Там же, с. 403–404]. В доказательство большей умственной развитости, подготовленности Иркутска для перенесения туда ВО газета печатала статистику: за 1889 г. – из 2 152 названий периодики ВО заказывали в библиотеке 313 раз, «Сибирскую газету» – 248 раз, «Сибирский вестник» – 565, «Вестник Европы» – 393, «Дело» – 125» и т. д. [Гольдфарб, 1997, с. 25]. Лидировал Иркутск и в численности книжного фонда библиотеки (2 700 томов и 184 названия за 1885 г.), посещаемости (из 32 789 населения города на 1885 г. посетило библиотеки 4 027 человек, 12,3 %), не намного отставая от городов европейской России (Казань – 16,6 %, Москва – 16,3 %, Петербург – 19,4 %). Такие данные ВО печатало в 1888–1889 гг., показывая, насколько пристально, на научном уровне, его главный редактор Н. М. Ядринцев следил за отношением сибиряков к сибирской словесности, надеясь на ее востребованность и рост популярности и подготавливая ее будущий расцвет в начале XX в.

Таким образом, можно отметить важную закономерность – взаимосвязь и даже зависимость развития сибирской литературы не только от местной печати, но и от местных издательств. Особенно очевидной эта закономерность была в Томске, благодаря неутомимой деятельности выдающегося сибирского издателя П. И. Макушина, организовавшего первый сибирский книжный магазин в 1873 г. с обяза-

тельством присылки требуемой книги из Петербурга «прямо по адресу покупателя в самом непродолжительном времени» [Петр Иванович Макушин..., 2018, с. 151] и первую городскую частную типографию (1876), издававшего частную еженедельную «Сибирскую газету», отличавшуюся своей «литературоцентричностью» [Жиликова, 2020, с. 16] во многом благодаря вхождению в редакцию политссыльных Ф. В. Волховского, Д. А. Клеменца, С. Л. Чудновского и др., а в начале XX в. П. И. Макушин сотрудничает с Г. Н. Потаниным, мечтавшим «создать орган, в котором отражалась бы артистическая жизнь Томска» [Петр Иванович Макушин..., 2018, с. 290]. В Иркутске, куда было переведено ВО в 1888 г., тенденция к опоре сибирских литераторов на местное издание газет и книг усилилась благодаря также субъективно-личностному фактору – редактору газеты Н. М. Ядринцеву и его авторитету. И если первоначально газета издавалась в иркутской типографии К. И. Витковской, то с 17 июля 1888 г. ВО стала печататься на мощностях, перешедших от закрывшейся газеты «Сибирь». К ВО «перешла типо-литогрaфия», вместе с ней «редакция приобрела книжную торговлю, переплетное и линовальное заведения, бывшие при типо-литогрaфии (...). Редакция выступала еще и как организатор книжной торговли», но не в коммерческих целях, а в просветительских: «Сделать доступным большинству читателей приобретение лучших произведений отечественной литературы по возможно низкой цене» [Гольдфарб, 1997, с. 79]. Первоначального капитала, около 10 тысяч рублей, Н. М. Ядринцеву не хватало, положение газеты на всем протяжении ее существования было трудным, порой критическим. Выручала материальная поддержка общественности и желание сотрудников и корреспондентов работать без гонораров, в соответствии со своей гражданской позицией, часто оппозиционной властям.

Также во имя СЛ, ее развития на местной почве, а не в столицах и столичных издательствах, был создан и сильный авторский коллектив: «Н. М. Ядринцеву удалось в довольно короткий срок заручиться поддержкой многих известных писателей и ученых, журналистов России. В литературном приложении принял участие до 200 профессиональных писателей» [Там же, с. 86]. При этом «за время существования газеты в ней было опубликовано более 400 стихотворений, более 420 прозаических произведений и более 300 статей критического и историко-литературного характера» [Кунгуров, 1965, с. 114]. С другой стороны, появление такого приложения в виде сборника статей и произведений говорит об отсутствии четкой границы между журналистикой и литературой, а также между лояльностью власти и оппозиции к ней. Так, Н. М. Ядринцев привлекал к сотрудничеству и политических ссыльных-литераторов: «С переводом В. О. <«Восточное обозрение». – В. Я.> в Иркутск политическая ссылка, особенно с 90-х гг., чрезвычайно широко развернула свою политическую деятельность», – вспоминал Н. С. Романов (цит. по: [Гольдфарб, 1997, с. 77]). А СЛ в целом в 1880-е гг. приобретала такую особенность, как стирание «граней между писателями-сибиряками и русскими художниками слова, которые (...) оказываются в Сибири и пишут о ней» [Очерки русской литературы..., 1982, с. 418]. Показательно, что именно ссыльный каторжанин В. С. Ефремов в начале 1890-х стал «одним из редакторов ВО, до этого выпуская вместе с Г. Осмоловским на Карийской каторге в Забайкалье рукописную сатирическую газету «Кукиш» (или «Кара и кукиш»), распространявшейся в тюрьме и содержавшей «бытовые зарисовки из тюремной жизни, карикатуры, стихи» [Очерки книжной культуры..., 2000, с. 199].

Жанр фельетона, ставший в 1880-е гг. поистине сибирским, сыграл в этом процессе формирования стиля и языка единой СЛ свою важную роль. Имея высокий читательский спрос (например, в 1890 г. в ВО произошел резкий рост числа публикаций фельетонов, «с 3 до 7» и «путевых очерков, зарисовок, корреспонденций с дороги с 1 до 7» [Гольдфарб, 1997, с. 89]), он стал больше, чем просто фельетон, жанр сатиры или развлекательного чтения. Большой мастер этого жанра, издатель и редактор ВО Н. М. Ядринцев вложил в него опыт и «областнического» публицистического очерка на грани политических манифестов, и «деловой беллетристики», «повествовательных размышлений» и сатирической типизации («ташкентцы») М. Е. Салтыкова-Щедрина, и проповедь деятельного «областничества» и крестьянской общины в духе «народничества» и «родиноведения» («концентрического» описания своей малой родины, от «города, городских окрестностей» к «окрестным деревням», уезду и данной области в целом) [Письма Г. Н. Потанина, 1988, с. 87] Г. Н. Потанина, укрепившейся при сотрудничестве с ним в «Волжско-Камской газете» в первой половине 1870-х гг.

Подтверждением этой многогранности, энциклопедичности творчества Н. М. Ядринцева служит издание В. М. Крутовским в 1919 г. 224-страничного сборника его фельетонов, в соответствии с давним намерением Н. М. Ядринцева. Показательно, что собственно фельетоны помещены здесь в «Отдел II», причем вместе со стихами («Избранные стихотворения и фельетоны», где рубрика «Фельетоны» располагалась в конце книги, на с. 175–223). Большую же часть книги занял «Отдел I», «Избранные статьи», написанные на грани фельетона. В свою очередь, тексты отдельных фельетонов из «Отдела II» содержат признаки научно-публицистических статей. Составитель книги В. М. Крутовский в предисловии наметил две группы текстов «Отдела II»: фельетоны, которые «носят художественно-литературную форму», и те, где очевиден «обличительный и сатирический» характер, «в которых он описывал типы сибирских общественных деятелей» [Сборник..., 1919, с. 159]. При этом фельетон В. М. Крутовский называет «особой формой», которая, вместе с «эзоповским языком», позволяла «обличать» тех, кто тормозил развитие Сибири. Тем самым более ста лет назад была найдена «формула» этого многогранного жанра, ставшего для СЛ поистине судьбоносным.

* * *

Таким образом, фельетон обнаруживает большую подвижность своих границ, способность интегрировать признаки и черты других, в том числе нехудожественных жанров, например научных. Тем самым фельетон именно в период 1870–1880-х гг. демонстрирует, в отсутствие литературного процесса в СЛ, необходимость быстрого, «догоняющего» освоения достижений общероссийской литературы. При этом часто непосредственно в произведениях, создавая тексты синтетического (включающего фрагменты текстов разных жанров) характера. В издательском аспекте это поддерживалось выпуском главным образом сборников и альманахов, отражавших не литературный процесс, а творчество отдельных писателей, не имевших навыков к написанию жанрово оформленных произведений прозы и поэзии. Отсюда их рассказы, повести, романы, помещенные в альманахи, не были оригинальными и жанрово определенными. Свою роль играла и необходимость литературы прежде всего прикладного, исследовательского характера, направленного на изучение Сибири как *terra incognita*, с точки зрения географии

и экономики, природных ландшафтов и ресурсов, ее экономического и демографического развития.

Газета, близкая к альманаху структурно (например, в рубрикации отделов) и содержательно (в очерковой злободневности текстов, неприязнательности стиля и т. п.), как издание более мобильное и востребованное, стала в Сибири фактором ускоренного развития и решения как общественно-политических задач, так и литературных, в их тесной взаимосвязи. Н. Ядринцев, представлявший поначалу, с подачи Г. Потанина, СЛ сугубо тенденциозной, по сути искусственной, сконструированной, постепенно пришел к мысли о возможности литературных произведений на стыке с газетными жанрами, наиболее пригодным из которых оказался фельетон. Появление местных, сибирских издательств стало дополнительным фактором, подготавливавшим образование СЛ как литературы в полной мере сибирской, – издаваемой уже не в Центре, как это было долгие годы, а на родной почве. Деятельность выдающегося сибирского издателя П. И. Макушина, обеспечившего семь лет существования СГ, стала в этом процессе таким же «субъективным» фактором, как и разносторонняя работа Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина. Их фельетоны и статьи выходили, в том числе, и книгами, не в Сибири, но они многое сделали для того, чтобы произведения сибирских писателей издавались на их родине, тем самым подтверждая тезис о том, что развитие СЛ не только зависело от местного, сибирского книгоиздания, но и получало благодаря этому значительное ускорение. Жанр фельетона, вдохновленный М. Е. Салтыковым-Щедриным и модифицированный Н. М. Ядринцевым в сотрудничестве с Г. Н. Потаниным, сыграл в этом свою важную роль. Итак, 1) для успеха в развитии СЛ нужны были яркие, энергичные люди, личности; 2) являясь таковыми, Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин стремились издаваться в Сибири, зная, что СЛ начнет развиваться быстрее, если появится сибирское книгоиздание; 3) фельетон стал центральным, ведущим жанром в СЛ благодаря Н. М. Ядринцеву и Г. Н. Потанину при мощном влиянии творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Список литературы

Айзикова И. А. Образ сибирского писателя в литературной критике и публицистике Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева (1870–1900-е гг.) // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 49. С. 83–97.

Асоян Ю. А. «Сочинитель самобытных культур» (идея культуры в сибирском областничестве Н. М. Ядринцева) // Вестник культурологии. История и археология. 2012. № 1. С. 29–39.

Головинов А. В. Идеология сибирского областничества: синтез политической программы и культурной платформы // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3. С. 103–107.

Гольдфарб С. И. Газета «Восточное обозрение (1882–1906). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997. 219 с.

Григоренко Р. А. Роман Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева «Тайжане» как предопределенный неуспех: поэтика замысла // Вестник Том. гос. ун-та. 2018. № 427. С. 24–32.

Дело об отделении Сибири от России. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 388 с.

Жилякова Н. В. «Обличать, колоть и жалить». Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX в. Томск: Изд-во ТГУ, 2020. 388 с.

Костякова Ю. Б. Публикаторская деятельность Н. М. Ядринцева в ссылке: причины и результаты (по письмам Г. Н. Потанину за 1872–1873 гг.) // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2019. № 62. С. 45–53.

Кунгуров Г. Ф. Сибирь и литература. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965. 205 с.

ЛНС – Литературное наследство Сибири: В 8 т. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. Т. 5. 408 с.

ЛНС – Литературное наследство Сибири: В 8 т. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986. Т. 7. 344 с.

Литературный сборник: Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб.: Изд. редакции «Восточного обозрения» (Тип. И. Н. Скороходова), 1885. 494 с.

М. Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra: Антология. СПб.: РХГА, 2013. Т. 1. 1008 с. (Русский путь)

Очерки книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 1. Конец XVIII – середина 90-х гг. XIX вв. Новосибирск, 2000. 316 с.

Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 1: Дореволюционный период. 608 с.

Петр Иванович Макушин: новый взгляд на легенду: Коллективная монография. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2018. 536 с.

Письма Г. Н. Потанина: В 4 т. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987. Т. 1. 280 с.; 1988. Т. 2. 344 с.

Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г. Н. Потанину. Вып. 1 (С 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Красноярск: Изд. редакции журнала «Сибирские записки» (Типография Енисейского губернского союза кооперативов), 1918. 232 с.

Потанин Г. Н. Тайжане. Историко-литературные материалы. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 304 с.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 10. 839 с.; 1976. Т. 18, кн. 2. 367 с.

Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Николая Михайловича Ядринцева. Газ. «Камско-Волжское слово», «Сибирь» и «Восточное обозрение» за 1873–1884 гг. Изд. журнала «Сибирские записки». Красноярск, 1919. 224 с.

Серебренников Н. В. Опыт формирования областнической литературы. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 308 с.

ССЭ – Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: ОГИЗ, Зап.-Сиб. отд-ние, 1932. Т. 3. 432 с. (804 стлб.).

Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: Коллективная монография. Красноярск: СФУ, 2010. 237 с.

Сибирский текст в русской культуре: Сб. ст.. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. Вып. 2. 276 с.

Чередниченко И. Г. Николай Михайлович Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати: Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003.

URL: <https://www.dissercat.com/content/nikolai-mikhailovich-yadrintsev-publitsist-teoretik-i-organizator-provintsialnoi-pechati> (дата обращения 11.07.2023).

Чернова И. С. Н. М. Ядринцев как журналист и лидер сибирской печати в воспоминаниях современников. // Изв. Иркут. ун-та. Серия «История». 2020. Т. 33. С. 80–87.

Чмыхало Б. А. Молодая Сибирь. Регионализм в истории русской литературы. Красноярск: КГПИ, 1992. 200 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. Вып. 3. 556 с.

[Ядринцев Н. М.] «Я сын девственной и могучей страны...»: Сборник статей, очерков, фельетонов Н. М. Ядринцева. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. 244 с.

References

Aizikova I. A. Obraz sibirskogo pisatelya v literaturnoy kritike i publitsistike G. N. Potanina i N. M. Yadrintseva (1870–1900-e gg.). *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philology], 2017, no. 49 pp. 83–97. (in Russ.)

Asoyan Yu. A. “Sochinitel’ samobytnykh kul’tur” (ideya kul’tury v sibirskom oblastnichestve N. M. Yadrintseva). *Vestnik kul’turologii. Istoriya i arkheologiya* [Bulletin of cultural studies. History and archeology], 2012, no. 1, pp. 29–39. (in Russ.)

Cherednichenko I. G. Nikolay Mikhaylovich Yadrintsev – publitsist, teoretik i organizator provintsial’noy pechati [Nikolai Mikhailovich Yadrintsev – publicist, theorist and organizer of the provincial press]. Cand. of Hist. Sci. Diss, 2003. (in Russ.) URL: <https://www.dissercat.com/content/nikolai-mikhailovich-yadrintsev-publitsist-teoretik-i-organizator-provintsialnoi-pechati> (accessed 11.07.2023).

Chernova I. S. N. M. Yadrintsev kak zhurnalist i lider sibirskoy pechati v vospominaniyakh sovremennikov. *Izvestiya Irkutskogo universiteta. Seriya “Istoriya”* [Proceedings of the Irkutsk University. Series “History”], 2020, vol. 33, pp. 80–87. (in Russ.)

Chmykhalo B. A. Molodaya Sibir’. Regionalizm v istorii russkoy literatury [Young Siberia. Regionalism in the history of Russian literature], Krasnoyarsk, KSPI Press, 1992, 200 p. (in Russ.)

Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii [The case of the separation of Siberia from Russia]. Tomsk, TSU Press, 2002, 388 p. (in Russ.)

Goldfarb S. I. Gazeta “Vostochnoye obozreniye” (1882–1906) [Newspaper “Eastern Review” (1882–1906)], Irkutsk, ISU Press, 1997, 219 p. (in Russ.)

Golovinov A. V. Ideologiya sibirskogo oblastnichestva: sintez politicheskoy programmy i kul’turnoy platformy. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2012, no. 3, pp. 103–107. (in Russ.)

Grigorenko R. A. Roman G. N. Potanina i N. M. Yadrintseva “Tayzhane” kak predopredelennyy neuspek: poetika zamysla. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2018, no. 427, pp. 24–32. (in Russ.)

Kostyakova Yu. B. Publikatorskaya deyatel’nost’ N. M. Yadrintseva v ssylke: prichiny i rezul’taty (po pis’mam G. N. Potaninu za 1872–1873 gg.). *Vestnik Tomskogo*

gos. un-ta. Istoriya [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2019, no. 62, pp. 45–53. (in Russ.)

Kungurov G. F. *Sibir' i literatura* [Siberia and literature], Irkutsk, East Siberian Book. Publ., 1965, 205 p. (in Russ.)

Literaturnoye nasledstvo Sibiri [Literary heritage of Siberia], Novosibirsk, West Siberian Book. Publ., 1980, , vol. 5, 408 p. (in Russ.)

Literaturnoye nasledstvo Sibiri [Literary heritage of Siberia], Novosibirsk, Novosibirsk Book Publ., 1986, , vol. 7, 344 p. (in Russ.)

Literaturnyy sbornik: Sobraniye nauchnykh i literaturnykh statey o Sibiri i Aziatskom Vostoke [Literary collection. Collection of scientific and literary articles about Siberia and the Asian East], St. Petersburg, Edition of the editors of the Eastern Review (Printing house of I. N. Skorokhodov), 1885, 494 p. (in Russ.)

M. E. Saltykov-Shchedrin: pro et contra [M. E. Saltykov-Shchedrin: pro et contra]. Anthology. St. Petersburg, RkhGA, 2013, vol. 1, 1008 p. (in Russ.) (Russian way)

Ocherki knizhnoy kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka [Essays on the book culture of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, 2000, vol. 1: Late 18th – mid 90s. 19th century, 316 p. (in Russ.)

Ocherki russkoy literatury Sibiri [Essays on Russian literature of Siberia]. In 2 vols. Novosibirsk, Nauka, 1982, vol. 1, 608 p. (in Russ.)

Petr Ivanovich Makushin: novyy vzglyad na legendu [Petr Ivanovich Makushin: a new look at the legend]. Collective monograph. Novosibirsk, State Public Scientific and Technical Library SB RAS, 2018, 536 p. (in Russ.)

Pis'ma G. N. Potanina [Letters to G. N. Potanin]. In 4 vols. Irkutsk, ISU Press, 1987, vil. 1, 280 p.; 1988, vol. 2, 344 p. (in Russ.)

Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G. N. Potaninu [Letters from Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to G. N. Potanin]. Krasnoyarsk, Edition of the editors of the journal "Siberian Notes" (Printing house of the Yenisei provincial union of cooperatives), 1918, iss. 1, 232 p. (in Russ.)

Potanin G. N. Tayzhane. Istoriko-literaturnyye materialy ["Tayzhane", historical and literary materials]. Tomsk, TSU Press, 1997. 304 p. (in Russ.)

Saltykov-Shchedrin M. E. Collected works. In 20 vols. Moscow, Fiction, 1970, vol. 10, 839 p.; 1976, vol.18, dook 2, 367 p. (in Russ.)

Sbornik izbrannykh statey, stikhotvoreniy i fel'yetonov Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva. Gaz. "Kamsko-Volzhskoye slovo", "Sibir'" i "Vostochnoye obozreniye" za 1873–1884 gg. [Collection of selected articles, poems and feuilletons by Nikolai Mikhailovich Yadrintsev. Gas. "Kama-Volga Word", "Siberia" and "Eastern Review" for 1873–1884], edition of the journal "Siberian Notes", Krasnoyarsk, 1919, 224 p. (in Russ.)

Serebrennikov N. V. Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury [Experience in the formation of regional literature], Tomsk, Publishing House Vol. un-ty, 2004, 308 pp. (in Russ.)

Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya [Siberian Soviet Encyclopedia]. Novosibirsk, OGIZ, West Siberian Branch, 1932, vol. 3, 432 p. (804 columns). (in Russ.)

Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve [Siberian text in the national plot space]. Collective monograph. Krasnoyarsk, SFU Press, 2010, 237 p. (in Russ.)

Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture [Siberian text in Russian culture]. Articles. Tomsk, NSU Press, 2007, iss. 2, 276 p. (in Russ.)

Yadrintsev N. M. Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. Istoriya Sibiri. Pervoistochniki [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. History of Siberia. Primary sources]. Novosibirsk, Siberian Chronograph, 2003, iss. 3, 556 p. (in Russ.)

Yadrintsev N. M. "Ya syn devstvennoy i moguchey strany...": Sbornik statey, ocherkov, fel'yetonov N. M. Yadrintseva ["I am the son of a virgin and mighty country...". Collection of articles, essays, feuilletons N. M. Yadrintsev]. Omsk, OSPU Press, 2004, 244 p. (in Russ.)

Zhilyakova N. V. "Oblichat', kolot' i zhalit'". Satiricheskaya zhurnalistika Tomskskoy kontsa XIX – nachala XX v. ["Rebuke, stab and sting", Satirical journalism of Tomsk in the late 19th – early 20th century]. Tomsk, TSU Press, 2020, 388 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Николаевич Яранцев, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Vladimir N. Yarantsev, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 19.10.2023;
одобрена после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 23.10.2023
The article was submitted on 19.10.2023;
approved after reviewing on 23.10.2023; accepted for publication on 23.10.2023*

Научная статья

УДК 82-32

DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-24-32

**Элементы орнаментальной прозы
в творчестве Венедикта Матвеева (Марта).
«Мартели. Истории моей смерти»**

Иван Сергеевич Полторацкий

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

ipoltora@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1565-6451>

Аннотация

В историко-теоретическом контексте проанализирован цикл орнаментальных миниатюр («мартелий») «Истории моей смерти» (1918) видного представителя литературы дальневосточной эмиграции Венедикта Матвеева (Марта). Используя авангардные композиционные и стилистические приемы, он создает цикл из коротких рассказов, отображающих характерные особенности нового мифопоэтического художественного мышления, характерного для модернистской литературы начала XX в.

Ключевые слова

Венедикт Март, дальневосточная эмиграция, мартели, нарратология, орнаментальная проза, Владивосток, Харбин

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Полторацкий И. С. Элементы орнаментальной прозы в творчестве Венедикта Матвеева (Марта). «Мартели. Истории моей смерти» // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4. С. 24–32. DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-24-32

© Полторацкий И. С., 2023

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4. С. 24–32

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 4, pp. 24–32

The Elements of Ornamental Prose in the Works of Venedikt Matveev (Mart). “Martelias. Stories of My Death”

Ivan S. Poltoratsky

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ipoltora@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1565-6451>

Abstract

Venedikt Matveev (Mart) is a prominent figure in the literature of the Far Eastern Russian emigration. His cycle of ornamental miniatures (“martelias”) “The Story of My Death” reflects the original features of the new mythopoetic thinking corresponding to the modernist literature of the early 20th century. In this article we analyze avant-garde compositional and stylistic techniques employed in these short stories in the historical and theoretical context.

Keywords

Venedikt Mart, Far Eastern emigration, martelia, narratology, ornamental prose, Vladivostok, Harbin

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East in the first half of the 20th century as a space for literary transfer”

For citation

Poltoratsky I. S. The Elements of Ornamental Prose in the Works of Venedikt Matveev (Mart). “Martelias. Stories of My Death”. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 4, pp. 24–32. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-24-32

Венедикт Матвеев (1896–1937) – один из ключевых представителей литературы дальневосточной эмиграции, писавший под псевдонимами Венедикт Марьин и Венедикт Март. Он родился и жил во Владивостоке вплоть до переезда в Харбин в 1920 г. Насыщенная мультикультурная среда дальневосточного фронта определила китайско-японскую тематику и особую орнаментальную стилистику его прозы.

В доме его отца – известного поэта и краеведа Николая Матвеева¹, прекрасно знавшего японский язык и культуру, собирались представители научной и литературной интеллигенции Владивостока: «Николай Амурский слыл в городе либералом, а в его доме бывали известные ученые, исследователи края, писатели, художники, революционная молодежь <...> В 1910–1920-х гг. у Матвеевых побывали известные поэты-символисты и футуристы К. Бальмонт, Н. Асеев, Д. Бурлюк, С. Третьяков...» [Кириллова, 2020, с. 228]. Знакомство с выдающимися представителями авангарда повлияло на футуристический вектор творчества Венедикта Матвеева. Сочетание восточной экзотики и модернистских эксперимен-

¹ Подробнее о жизни и творчестве Николая Матвеева см.: [Хисамутдинов, 2017].

тов впоследствии стало отличительной чертой поэтики Венедикта Марта и других представителей обширной семьи Матвеевых ².

Известные исследовательницы литературы дальневосточной эмиграции А. А. Забияко и А. А. Левченко в большой статье о художественной этнографии Венедикта Марта пишут о его творческом методе: «Март одновременно проявляет себя и как скрупулезный очеркист-этнограф, и как захватывающий беллетрист, и как мастер орнаментальной прозы – продолжатель Ремизова и Белого, и как талантливый стилизатор японской литературы» [Забияко, Левченко, 2014, с. 156]. Действительно, Венедикт Март интересен исследователям прежде всего как человек с уникальной био- и географией, оригинальный бытописатель, знаток культуры и мифологии. Его оригинальные художественные открытия и эксперименты служат фоном для обсуждения вопросов, связанных с особенностями взаимодействия культур Востока и Запада. В среде футуристов Венедикт Матвеев не был принят за своего, к нему относились как к экзотическому гостю, неведомым образом занесенному в советскую действительность: «В начале 1920-х гг. Март примкнул к футуристам, сам таковым не являясь..» [Там же, с. 153], «...футуризм его (и символизм) был немного “доморощенный” – сказывалась, очевидно, провинциальная почва, на которой он возрос. Надо признать четко и определенно: несмотря на несомненный интерес к словотворчеству, визуализацию образов, заумь, футуристические опыты, равно как и символистско-абсурдистские, Марту не удавались» [Там же]. О том, что и сам Венедикт Матвеев разочаровался в поэтике футуризма, говорит смена его художественной стратегии после возвращения в Советский Союз: он постепенно переходит от авангардных художественных экспериментов к более прямолинейному письму в жанре остросоциального лубочного очерка, основанного на знании низовой культуры и жизни городов Дальнего Востока ³.

Однако ранние литературные эксперименты Венедикта Марта, ориентированные на расшатывание границы между стихом и прозой, представляют непосредственный интерес для исследований в области теории литературы, так как они органично связаны с актуальными модернистскими практиками начала XX в.

Орнаментальная проза – комплексное явление, выходящее за чисто стилистические границы. Оно шире, чем ритмизованная или поэтическая проза, взаимодействие структурных признаков лирического и эпического начал в рамках одного текста приводит к возникновению новых оригинальных форм, однозначно определить родовую принадлежность которых не представляется возможным ⁴.

Нарратолог Вольф Шмид связывает появление орнаментальной прозы в начале XX в. с развитием мифологического мышления, противопоставляя его реалистическому подходу к художественной действительности: «Для реалистической прозы и ее научно-эмпирической модели действительности характерно преобладание

² Из 12 детей Николая Матвеева восемь обрели известность в литературных кругах, а сын самого Венедикта Матвеева – Иван Елагин – стал известным поэтом второй волны эмиграции. Подробнее о судьбах семьи Матвеевых см.: [Кириллова, 2020].

³ Подробнее о советском периоде творчества Венедикта Матвеева см.: [Забияко, Землянская, 2021].

⁴ Подробнее о поэтике орнаментальной прозы XX в. см.: [Шкловский, 1929; Шмид, 1998, с. 297–344; 2003].

фикционально-нарративного принципа с установкой на событийность, миметическую вероятность изображаемого мира, психологическое правдоподобие внешних и ментальных действий. Модернистская же проза склонна к обобщению принципов, конститутивных в поэзии. Если в эпоху реализма законы нарративной, событийной прозы распространяются на все жанры, в том числе и на ненарративную поэзию, то в эпоху модернизма, наоборот, конститутивные принципы поэзии распространяются на нарративную прозу» [Шмид, 2003, с. 147]. Анализируя элементы орнаментальной прозы в русской литературе XIX и XX вв., Вольф Шмид тезисно определяет основные конститутивные признаки орнаментальной прозы. Кратко сформулируем основные положения теории Шмида, чтобы применить их к прозе Венедикта Марта. Итак, ключевыми признаками орнаментальной прозы по Вольфу Шмиду являются:

- 1) развернутая метафора как ключевая семантическая фигура;
- 2) принципиальная иконичность слова, взаимождественность слова и вещи;
- 3) повторяемость на фонетическом и мотивном уровнях;
- 4) звуковая паронимия, образующая окказиональную смысловую связь между словами;
- 5) эквивалентное равенство между стилистическими фигурами и сюжетными формулами;
- 6) ослабление сюжетности, но не полное ее исчезновение;
- 7) обращение к структурам подсознательного посредством мифологизации;
- 8) амбивалентность художественной реальности: «борьба между нарративным и орнаментальным началами может допускать двойное восприятие произведения: событийное и мифическое» [Шмид, 2003, с. 147–149].

Первая орнаментальная книга Венедикта Марта «Мартелии» (1918) состоит из семи коротких «мартелий» (автор использует окказиональное название для нового жанра), объединенных общей мортальной тематикой и фигурой автора (Марта), вынесенной за событийные рамки. Организующим началом текста является звуковая паронимия, основанная на сходстве латинского слова «mort» и псевдонима Венедикта Матвеева. Интересно, что при написании этого слова он выбирает гласную «а», а не «о», символически ставя авторскую индивидуальность выше смерти. Из этой простой игры звуков возникает концептуальное единство книги, которое можно кратко выразить фразой «говоря о смерти, я говорю о себе». В подзаголовке книги «Истории моей смерти» мотив смерти объединяется с мотивом наррации, рассказчик получает символическую власть над смертью, образно заклиная ее посредством слова. После подзаголовка идет точное указание на время и место написания книги – элемент устойчивой, документальной реальности:

27 ст. ст. Январь 1918 год.
Гнилой Угол
Хай-шин-вей
Комната Таланы Сольвейг
Сос
ВЕНЕДИКТ МАРТ
[Март, 1918, с. 1]

Гнилой угол – реальный топоним Владивостока, район, находящийся в болотистой низине. После осушения болот его местоположение меняется.

Хай-шин-вей – китайское название Владивостока, «великий город трепангов». В рассказе Венедикта Марта «Лапа Мин-дзы» (1920) Хай-шин-вей называется «дальним приютом белого Дьявола»⁵. Соблюдая нарративную интригу, Венедикт Март выступает в роли составителя.

Посвящение умершему первенцу основано на биографической детали: умерший вскоре после рождения сын Венедикта Марта был назван им Эдгаром. Обращение к мрачному гению Эдгара По соответствует декадентскому духу книги. Сюжет первой мартелии «Жених черный» основан на фольклорной истории обручения со смертью, воплощенной в образе Ворона из одноименного стихотворения Эдгара По.

Композиционная структура мартелии строится по трехчастному принципу: жизнь – смерть – бессмертие. В первой, самой лаконичной и реалистичной, части происходит знакомство с Вороном, определяются ключевые мотивы: зима / кладбище (первая ритмизованная строка-предложение) и жизнь / весна (вторая):

Я зимой на кладбище поймал Ворона.
Он прожил со мной до весны
[Март, 1918, с. 1].

Следующая часть окольцована хронологической формулой, напоминающей о вневременном присутствии автора: «на исходе Марта». История обручения сюрреалистична: герой соединяет себя вечными узами с собственной смертью, проглоченное кольцо попадает прямо в сердце. В третьей части образ ворона сакрализуется и возвышается, соединяясь с солярными символами. Так как текст минималистичен, то фигура повтора здесь предельно лаконична: ключевые символы дублируются, как обручальные кольца, образуя семантическую рифму: Ворона – Вороном, на исходе Марта – на исходе Марта, к крылу черному – у крыла черного; солнце – солнца; не тронут черви – минуют черви.

Черви становятся ключевым мотивом следующей мартелии – «Щель». В ней с черной иронией обыгрывается освобождение от тела после смерти, черви становятся единственными носителями жизни в загробном пространстве. Они же несут бессмертие. Мотивная модель этой мартелии выстраивается следующим образом: смерть – бессмертие – жизнь. Невозможные в символистской парадигме (а молодой Венедикт Матвеев находится под сильным влиянием эстетики символизма) коровьи желудки освобождают текст от назидательного пафоса и придают ему комическое измерение.

В следующих четырех мартелиях – «Слезы черные», «Обряд на полуночи», «Скорбь новоселья», «Горбатый любовник» – Венедикт Март реализует элементы орнаментального стиля в разных жанровых ситуациях.

«Слезы черные» – это аллегорическая зарисовка о сопротивлении страху смерти, метафора черной крови ночи, оставшейся после растерзания, постепенно овеивается и начинает взаимодействовать с пространством комнаты:

Упорная мгла просочилась черной кровью в стекла!.. У подоконника – на полу
запекалась. Черное пятно – лужа мглы!
Я смыл и это пятно: – Смыл лучами свечи. Поставил свечу на подоконник!
[Март, 1918, с. 3].

⁵ Подробнее о семантике Хай-Шин-Вэя см.: [Землянская, 2021].

Герой сопротивляется метафизической тоске конкретными физическими действиями. Когда в комнату входит тусклая Пустыня и «простирается в его сердце», он буквально переключается на мимику, чтобы спастись:

– Все морщины тревожно собрались на лице моем. Глаза насторожились косо. Веками страхнул слезы. Стиснул губы.
Зубами врезался в сердце! [Март, 1918, с. 3].

Последнее предложение в контексте построения мартовской метафоры следует понимать прямолинейно, сюрреалистический эффект возникает за счет иконизации слова и буквализации метафоры. В художественной реальности образ становится осязаемым предметом, т. е. появляется действительная возможность ухватить свое сердце зубами. Подобное преобразование сердца происходит в первой мартели «Жених черный», две орнаментальных микроновеллы связываются не только единым цветовым кодом и лаконично инвертированным порядком слов в названии, но и общим принципом построения метафоры. Орнаментальный рисунок реализуется на уровне композиции, благодаря чему между отделенными друг от друга элементами текста возникают закономерные эквивалентные связи.

Четвертая и пятая мартели объединены мотивом необъяснимого самоубийства. В «Обряде на полуночи» (название соединяет эту микроновеллу с предыдущей сюжетом через общий мотив ночи) некий субъект входит в море и чиркает спичкой, прежде чем утопиться в нем, не снимая монокля. Эта история за счет остранения выглядит абсурдно, похожий метод воссоздания абсурдной реальности в своих стихах и пьесах в это же время использует обэриут Александр Введенский. В пятой мартели с амбивалентным названием «Скорбь новоселья» герой тоже стремится к самоубийству, не объясняя причин:

Новоселье справлю как-нибудь в сумерки: –
Жену отправлю в кинематограф и тихонько, втихомолку, справлю новоселье...
А если кто-нибудь войдет в те сумерки, я крикну, сквозь зубы:
– «Крючок, мне помешали!»
– «Веревка, ты очень длинна!»
– «Петля, ты слишком послушна!»¹⁰
Пришедшему суну руку и выжму улыбку:
«– Здравствуйте, почему вы вошли в сумерки?.. Разве так можно! – Надо вечером, когда зажигают лампы, когда ноги над полом... Давайте, впрочем, повесим на крючок веревку, просунем в петлю сумерки и чиркнем спичку... [Март, 1918, с. 7]

Вспышка спички объединяет два рассказа с противоположными финалами: она освещает последние мгновения перед смертью, но в «Скорби новоселья» квартирант все-таки остается в живых, так и не принимая рокового решения.

Мартелия «Горбатый любовник» похожа на трагикомическую мелодраму, основанную на паронимической близости слов «горб» и «гроб», меняющихся местами по мере развития сюжета:

Она жадно целовала его горб и рдьяные ее волосы осыпались на его плечи и шею. <...>
Осенью черви дырявили его гроб. А на крест спадали рдьяные, багровые листья клена [Март, 1918, с. 7].

Композиция этой новеллы построена по принципу единства противоположностей: горб и грудь соединяются в порыве страсти, горбатый любовник и пышнотелая девушка счастливы, но недолго. Желание превращается в презрение, любовь мгновенно переходит в смерть, причем скрытая чеховская ирония здесь совмещается с метафорическим сюрреализмом Марта:

Нагнулась – поцеловать прощально любовника... Но вдруг вскочила и со злобой каблучком ударила его в горб.

«– Прощай!.. Я разлюбила ваш горб!.. Никогда больше не ласкать его... Пусть ваш горб лижет собака!!!»

Горбатый натянул простыню на горб, сжал губы, заморгал и умер... причем съезжился насквозь [Март, 1918, с. 7].

Последняя мартелия «Звезды и цифры» выбивается из общего стилистического и мотивного ряда, по формальным и сюжетным признакам мартелией не являясь: в ней нет даже ослабленного эпического сюжета и отсутствует ключевой для жанра мартелией мотив смерти. К орнаментальной прозе отнести это произведение тоже нельзя из-за горизонтальной ориентации текста и повторяющейся ритмической структуры. Вероятно, Венедикт Матвеев, включая «Звезды и цифры» в сборник, хотел оттенить свои экспериментальные стихотворно-прозаические опыты текстом более традиционной природы.

В 1921 г. Венедикт Март выпускает еще одну «Историю моей смерти» – трехчастную притчу «Три солнца», которую, однако, не называет мартелией по неизвестным причинам. С формальной точки зрения эта «История моей смерти» больше похожа на верлибр с ритмизованными строками неравномерной длины. С точки зрения сюжета «Три солнца» – это притча об иллюзорности бытия и невозможности насытить желания в иллюзорном мире. О лирической природе этого текста говорит суггестивное напряжение двух последних строк, резко выбивающихся из общего развития сюжета о хлебе, солнце и зеркале:

Скомкай сердце и вышвырни в века.

Пусть болтается под ребрами бессмертия...

[Март, 1921, с. 5].

Мотив смерти в этом стихотворении вынесен за рамки мотива бессмертия, автор задает своим читателя загадку, включая в цикл «Истории моей смерти» произведение, в котором нет упоминания смерти.

Венедикт Март не стал развивать свою оригинальную художественную концепцию орнаментальной прозы, в его дальнейшей прозе усложнилась сюжетная структура, но сохранились элементы мифологизации и стилистической украшенности⁶.

Дальнейший путь Венедикта Матвеева как прозаика был связан с отказом от авангардной стилистики и усилением документально-этнографического начала в прозе.

⁶ Подробнее о дальнейшем развитии художественной прозы Венедикта Марта см: [Денисова, 2020; Забияко, 2014].

Список литературы

- Денисова Е. А. Поэтика рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» (1932) в контексте дальневосточной прозы В. Марта 1920–1930-х годов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 36–43.
- Забияко А. А. «Кошмарная чужь» японского бестиария: образ Каппы в русской литературе начала XX в. (В. Март) // Религиоведение. 2014. № 3. С. 187–195.
- Забияко А. А., Землянская К. А. «Рассказы о востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода // Гуманитарный вектор. 2021. № 4. С. 8–17.
- Забияко А. А., Левченко А. А. Художественная этнография Венедикта Марта: дальневосточный период // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 150–165.
- Землянская К. А. Образ Хай-шин-Вея (Владивосток) в художественном пространстве ранней прозы Венедикта Марта (на материале рассказа «Лапа Миндзы») // Амурский научный вестник. 2021. № 1. С. 40–46.
- Кириллова Е. О. Литературно-поэтические связи семьи Матвеевых: от декаданса и авангарда до «заумников» и «чинарей» // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР, Владивосток, 2020, С. 236–251.
- Март В. Мартелли. Владивосток: Книгоиздательство Хай-Шин-Вей, 1918. 7 с.
- Март В. Три солнца: Истории моей смерти. Харбин: Садарик, 1921. (Автографика. [Вып. I]). 7 с.
- Хисамутдинов А. А. Японец русского происхождения: Николай Матвеев. Владивосток: ДВГУ, 2017. 70 с.
- Шкловский В. Б. Орнаментальная проза. Андрей Белый // Шкловский В. Б. О теории прозы. М., 1929. С. 205–255.
- Шмид В. Нарратология. М.: ЯСК, 2003. С. 261–268.
- Шмид В. Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 354 с.

References

- Denisova E. A. Poetics of the Story Dere – Water Wedding (1932) in the Context of V. Mart's Far Eastern Prose of the 1920–1930s. *Gumanitarnyi vektor [Humanitarian Vector]*, 2020, vol. 15, no. 5, pp. 36–43. (in Russ.)
- Khisamutdinov A. A. Yaponets russkogo proiskhozhdeniya: Nikolay Matveev. [Japanese of Russian origin: Nikolai Matveyev]. Vladivostok, FISU Press. 2017. 70 p. (in Russ.)
- Kirillova E. O. Literaturno-poeticheskie svyazi sem'i Matveevykh: ot dekadansa i avangarda do "zaumnikov" i "chinarey". In: *Russkii yazyk, literatura i kul'tura v prostranstve ATR [Russian language, literature and culture in the Asia-Pacific region]*. Vladivostok, 2020, pp. 236–251. (in Russ.)
- Mart V. Martelii [Martelii]. Vladivostok, Hai-Shen-Wai Publ., 1918, 7 p. (in Russ.)
- Mart V. Tri solntsa: Istori moey smerti [Three suns: Stories of my death]. Kharbin, Sadarik, 1921, (Avtografika. [Iss. 1]), 7 p. (in Russ.)
- Shklovskiy V. B. O teorii prozy [On the Theory of Prose]. Moscow, Federatsiya Publ., 1929. 265 p. (in Russ.)

Shmid V. Narratologiya [Narratologie]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003, pp. 261–268. (in Russ.)

Shmid V. Proza kak poeziya: Pushkin, Dostoevskiy, Chekhov, avangard [Prose as poetry: Pushkin, Dostoevsky, Chekhov, Vanguard]. St. Petersburg, INAPRESS, 1998, 354 p. (in Russ.)

Zabiyako A. A. “Koshmarnaya chud” yaponskogo bestiariya: obraz Kappy v russkoy literature nachala XX v. (V. Mart). *Religiovedenie* [Religious studies], 2014, no. 3, pp. 187–195. (in Russ.)

Zabiyako A. A., Zemlyanskaya K. A. “Rasskazy o vostoke” v kontekste khudozhestvennoy etnografii V. Marta sovetskogo perioda. *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian Vector], 2021, no. 4, pp. 8–17. (in Russ.)

Zabiyako A. A., Levchenko A. A. Artistic Ethnography of Venedikt Mart: The Far East Period. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East], 2014, no. 4, pp. 150–165. (in Russ.)

Zemlyanskaya K. A. Obraz Khay-shin-Veya (Vladivostok) v khudozhestvennom prostranstve ranney prozy Venedikta Marta (na materiale rasskaza “Lapa Min-dzy”). *Amurskii nauchnyi vestnik* [Amur Scientific Bulletin], 2021, no. 1, pp. 40–46. (in Russ.)

Информация об авторе

Иван Сергеевич Полторацкий, младший научный сотрудник

Information about the Author

Ivan S. Poltoratsky, Junior Researcher

Статья поступила в редакцию 11.06.2023;

одобрена после рецензирования 12.07.2023; принята к публикации 12.07.2023

The article was submitted on 11.06.2023;

approved after reviewing on 12.07.2023; accepted for publication on 12.07.2023

Научная статья

УДК 82.6

DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-33-54

Поэтика «романа в письмах» Б. Пастернака и М. Цветаевой (Статья первая)

Владислава Олеговна Нурхаметова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

vonurkhametova@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6560-2164>

Аннотация

Переписка М. И. Цветаевой и Б. Л. Пастернака, обладающая насыщенно творческим характером, – один из уникальных документов истории русской литературы 1920–1930-х гг. С момента своей полной публикации в 2004 г. он не раз оказывался в поле научного интереса исследователей: с помощью переписки предлагались интерпретации отдельных текстов и их фрагментов, выстраивались биографии поэтов. Однако поэтика всего корпуса их писем в целом по существу не рассматривалась. В работе предлагается анализ содержания и поэтики писем поэтов друг к другу, прослеживается и иллюстрируется складывающийся в их переписке своеобразный миф, который мы обозначаем как «роман в письмах».

Ключевые слова

Б. Пастернак, М. Цветаева, переписка, роман в письмах, житнетворчество, не-встреча

Для цитирования

Нурхаметова В. О. Поэтика «романа в письмах» Б. Пастернака и М. Цветаевой (Статья первая) // Сюжетология и сюжетология. 2023. № 4. С. 33–54. DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-33-54

The Poetics of the “Novel in Letters” of B. Pasternak and M. Tsvetaeva (Article 1)

Vladislava O. Nurkhametova

National Research University “Higher School of Economics”

Moscow, Russian Federation

vonurkhametova@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6560-2164>

Abstract

The correspondence of M. I. Tsvetaeva and B. L. Pasternak, which has a vivid literary character, is one of the unique documents of the history of Russian literature of the 1920s–1930s. Since its full publication in 2004, it has repeatedly become the subject of multiple scientific

© Нурхаметова В. О., 2023

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2023. № 4. С. 33–54

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 4, pp. 33–54

research projects: interpretations of texts and their fragments were proposed, and biographies of poets were built through the correspondence. However, the poetics of the entire corpora of their letters as a whole was not considered in detail. The final paper offers an analysis of the content and poetics of the poets' letters to each other, as well as traces and illustrates the peculiar myth that develops in their correspondence, which we designate as a "novel in letters". Further, it is considered how the main themes and motives of correspondence were reflected in the work of both correspondents on the basis of the key motives of this "novel".

Keywords

B. Pasternak, M. Tsvetayeva, correspondence, novel in letters, life-creation, non-meeting

For citation

Nurkhametova V. O. The Poetics of the "Novel in Letters" of B. Pasternak and M. Tsvetayeva (Article 1). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 4, pp. 33–54. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-33-54

Об истории отношений и характере «романа в письмах»

Отношения М. И. Цветаевой и Б. Л. Пастернака можно описать цитатой из их переписки: «Ты хочешь за руку, надо браться за ручку»¹. Они были представителями одной московской культурной среды, и несколько раз их пути пересекались. Однако оба не замечали, не читали и вовремя не оценили в полной мере поэтическую одаренность друг друга. Дружба между поэтами завязалась только в 1922 г. в формате переписки, когда Цветаева уже находилась в эмиграции, в Берлине, а Пастернак оставался в Москве. Пастернак прочел сборник стихов Цветаевой «Версты» и 14 июня 1922 г. написал ей полное восторгов письмо, в котором сожалел об упущенных в Москве встречах и описывал свое восхищение творчеством поэта. В ответном письме от 29 июня 1922 г. Цветаева дополнила историю неслучившегося знакомства, подчеркнув, что даже во время этих мимолетных встреч она увидела в Пастернаке поэта. В первых числах июля 1922 г. Пастернак отправил Цветаевой свою недавно вышедшую книгу «Сестра моя жизнь», которая произвела на нее такое же (если не более сильное) впечатление, как «Версты» на Пастернака. 3–7 июля 1922 г. Цветаева пишет статью «Световой ливень» с подробным разбором книги, а в дальнейших письмах начинает мифологизировать и идеализировать Пастернака. Цветаева вплетает его в свой собственный творческий миф, а Пастернак, в свою очередь, включается в творческую игру (с другой стороны, он ее и начинает, написав первое эмоциональное письмо).

Дистанционный характер – это значимая черта не только их «знакомства», но и дальнейшей связи, так как до 1935 г. поэты не встречались. В письмах же они развивали мифологизированную историю о себе как о двух равных творцах, обладающих могущественной связью друг с другом, но роковым образом разединенных. Письма становятся на период активной переписки для поэтов аналогом как встреч и разговоров, так и жизни в целом. А сама оппозиция «встречи» и «не-встречи» – важнейший для эпистолярного диалога лейтмотив, благодаря которому переписка получает творческое развитие.

¹ Здесь и далее письма цитируются по [Цветаева, Пастернак, 2017] с указанием номера страницы в круглых скобках.

История их отношений закончилась драматически. Пастернак встретился с Цветаевой и ее семьей в 1935 г., во время своей поездки на антифашистский конгресс. Однако к этому моменту переписка между поэтами, а также их отношения сильно изменились (во многом из-за второго брака Пастернака, различий в политических и творческих взглядах, что отразилось в цветаевской статье «Поэты с историей и без истории» и поэме «Автобус»). Пастернак находился в тяжелом состоянии, он страдал от бессонницы и перенес нервный срыв. Кроме того, ему не столько разрешили ехать за границу, сколько вынудили принять участие в официальной советской делегации. По совокупности этих причин в Париже, по определению самой Цветаевой, произошла «не-встреча», как и стали фактической «не-встречей» в рамках «романа в письмах» отношения в Москве после возвращения Марины Ивановны в Россию. После самоубийства Цветаевой Пастернак испытывал сильное чувство вины, так как считал, что, если бы в те месяцы он был с ней, все могло иметь другой исход.

Тем не менее их многолетняя дружба отразилась во многих произведениях авторов, а также оказала влияние на жизни обоих в целом. Как отмечает Кэтрин Сипила, автор монографии об истории отношений Пастернака и Цветаевой, годы переписки привели к необычайному обмену мнениями на расстоянии, возможно, самому важному разговору, который состоялся в условиях растущего культурного разрыва между Советской Россией и русской эмиграцией [Ciepiela, 2006, p. 2]. По замечаниям многих исследователей, эпистолярный диалог поэтов можно рассматривать как полноценный художественный текст, «роман о творчестве и любви двух современников, равных по силе таланта и поэтического голоса», – как о собрании писем Пастернака и Цветаевой пишут Е. Б. Коркина и И. Д. Шевеленко в аннотации ко второму полному изданию переписки [Цветаева, Пастернак, 2017, аннот.].

В рамках литературных биографий Пастернака и Цветаевой создание такого текста на границе жизни и искусства именно этими поэтами представляется нам более чем логичным. На них повлияли символисты, чье последовательное «жизнетворчество» предполагало отказ от разделения жизни и искусства. В этом смысле «роман в письмах» можно интерпретировать еще и как жизнетворческий процесс. У этого были и индивидуальные предпосылки. В случае Цветаевой – это характерный для ее более раннего творчества поиск «героя»: она пишет циклы, посвященные поэтам («Стихи к Блоку», «Ахматовой»), историческим личностям («Марина» – цикл, посвященный Марине Мнишек), литературным персонажам («Дон-Жуан»). Иначе говоря, она каждый раз переосмысляет через «героя» собственное «Я» и так строит миф о себе. К 1922 г. Цветаевой как раз был необходим равный ей поэт, новый герой ее мифа – Пастернак. Пастернак же будет неоднократно писать о необходимости родства с Цветаевой, в особенности в 1926 г. Осмысляя этот период в письме от 5 января 1928 г., поэт писал: «“Поэма Конца” и известие, что я попался Рильке на глаза. Ты знаешь, эти две вещи были тем первым знаком мира и родства, которого я ждал с самого 914 г.» (с. 408).

Такими образом, мы рассматриваем переписку (весь корпус писем 1922–1935 гг.) Пастернака и Цветаевой как своеобразный «роман в письмах», где каждый из них конструирует уникальную поэтику и развивает общий миф, основа которого – тема «не-встречи». Поэты создают отдельную реальность, в которой биографическое переплетается с художественным. Несмотря на различную интен-

сивность переписки в разные годы, как целое она обладает большой художественной завершенностью, позволяющей рассматривать ее как своеобразный цельный текст, написанный двумя авторами, – в этом и состоит наша главная гипотеза.

Отметим: несмотря на то, что история отношений поэтов давно находится в поле научного рассмотрения, большая часть исследований сфокусирована либо на изучении произведений авторов, обращенных друг к другу или связанных с дружбой поэтов (это работы: [Раевская-Хьюз, 1971; Шевеленко, 2002; Поливанов, 1992; Динегга Гиллеспи, 2015]), либо на истории отношений поэтов в целом (монография К. Сипилы [Cierpiela, 2006]). Главная же цель нашей работы – обратить внимание на художественную составляющую их писем, позволяющую говорить о переписке как о «романе в письмах», и рассмотреть его поэтику путем детальной работы с письмами.

Письма как часть творчества поэтов

Рассмотрим, как в переписке отражено отношение поэтов к самому писанию писем. История писем Цветаевой наиболее репрезентативна в этом аспекте. Существенная часть писем поэта к Пастернаку не сохранилась. Об обстоятельствах их пропажи Пастернак писал в автобиографическом очерке «Люди и положения»: сотрудница Музея имени Скрябина, почитательница Цветаевой, хранила эти письма у себя в ручном чемоданчике, который всегда возила с собой. Однажды она оставила этот чемоданчик в вагоне электрички. «Так уехали и пропали письма Цветаевой»² [Пастернак, т. 3, с. 341]. Однако письма удалось восстановить по ее рабочим тетрадям с черновиками произведений³, именно в них Цветаева записывала письма Пастернаку, что говорит о том, что она воспринимала создание писем другу-поэту как творческий процесс. Об этом же она неоднократно писала Пастернаку, например, 9 апреля 1926 г.:

Борюшка! Вот тебе примета. Письма к тебе (вот и это письмо) я всегда пишу в тетрадь, на лету, как черновик стихов. <...> Ты и стихи (работа) у меня нераздельны. Мне не нужно выходить из стихов, чтобы писать тебе, я в тебе пишу (с. 154),

а около 12 ноября 1927 г.:

Дорогой Борис, моя [черновая] тетрадь меньше стихи, чем письма к тебе (с. 391).

Тот факт, что Цветаева писала текст писем как минимум в двух черновиках (один для себя, другой для Пастернака) также указывает на то, что она считала письма к Пастернаку частью своего творчества. Кроме того, письма поэта зачастую композиционно разделены на две смысловые части: мифотворческую, где она развивает создаваемый с Пастернаком миф и конструирует художественное пространство, и «реальную», где она пишет о быте, вопросах повседневной жизни. Обе части она может разделять вводной фразой, например: «Можно о достоверно-

² Здесь и далее сочинения Б. Л. Пастернака цитируются по собранию сочинений [Пастернак, 2003], с указанием тома и страницы.

³ См. предисловие И. Д. Шевеленко (с. 6–7).

стях?» (с. 156), «Никогда не пишу тебе о быте, но чтобы ты все-таки знал, что я “живу”» (с. 104).

Говоря о Пастернаке, отметим, что в его эпистолярном наследии, связанном с Цветаевой, нет столь же прямых указаний на то, что поэт работал над письмами как над творческими текстами. Однако существуют косвенные детали, на наш взгляд, подтверждающие этот тезис. Во-первых, Пастернак пишет письма Цветаевой очень долго, чего мы не наблюдаем в переписке с другими корреспондентами. Во-вторых, в его письмах много «внутренней редактуры». Часто Пастернак в текстах писем дает негативную рецензию на свои реплики, пишет о том, что не умеет писать письма (и в этот же период его творчества он считает, что разучился писать стихи). Например, в письме от 27 марта 1926 г. поэт жалуется, что он превращает письмо в диссертацию: «И опять диссертация! Как от этого отделаться!» (с. 143). Мысленная редакция поэта распространяется и на корпус писем в целом, о чем Пастернак писал 19 марта 1926 г.:

Прошлую неделю я мысленно переписал Вам множество писем, прожил несколько лет, сильно заскочив вперед, и сделал много такого же, бесследного и бесплодного (с. 134).

Напротив, он подчеркивает талант Цветаевой писать письма (подобно тому, как он отмечает поэтическую гениальность адресата):

Как ты замечательно пишешь! И всего больше тебя и жизни, т. е. музыки земного притяженья в твоих спокойных описаньях (с. 466).

Кроме того, в этом контексте примечательны слова Пастернака от 14 июня 1924 г.:

Как хочется жизни с Вами. И прежде всего той его <так!> части, которая называется работой, ростом, вдохновеньем, познанием (с. 91).

Как мы видим, «жизнь с Цветаевой» (это мы и называем «роман в письмах») напрямую связана с процессом работы, что говорит о соответствующем отношении поэта к письмам. Работа, вдохновение, познание – это название того пространства, в которое Пастернак помещает себя в их переписке, и где он находится в контакте с Цветаевой. Об этом же он писал и 16 августа 1925 г.: «Работать не терпится, без работы душе нашей конец» (с. 117), – причем здесь же Пастернак развивает их миф об общности и связи душ.

Важно и то, что в переписке поэты описывают сами письма как нечто, обладающее своим творческим сознанием:

Ни то, ни другое – не по заказу: снится и пишется не когда *нам* хочется, а когда хочется: письму – быть написанным, сну – быть увиденным. (Мои письма – *всегда* хотят быть написанными!) (с. 22) (письмо Цветаевой от 19 ноября 1922 г.);

Письмо разгорячается, точно оно способно заковать получателя и его вызвать и поставить перед тобой (с. 131) (письмо Пастернака от 24 февраля 1926 г.).

Письма оба автора считают важнейшей составляющей жизни вообще (или даже ее лучшей альтернативой). В начале переписки Цветаева, формулируя разницу между лирикой и прозой, писала Пастернаку:

А знаете, Пастернак, Вам нужно писать большую вещь. Это будет Ваша вторая жизнь, первая жизнь, единственная жизнь (с. 37) (письмо от 11 февраля 1923 г.).

И далее:

...письма мои к Вам – перерывы в том непрерывном письме моем к Вам, коим являются все мои дни после получения книги (с. 38).

Соответственно, разрабатываемый «роман в письмах» и вся мифологизированная история отношений («непрерывное письмо»), на наш взгляд, и есть эта «большая вещь», становящаяся «единственной жизнью», по ее мнению. Для Цветаевой «проза» (в том числе письма) – это «*страна*, в ней живут» (с. 113), поэтому конструируемый «роман в письмах» создается еще и как отдельная, совершенная жизнь.

Саму же необходимость в построении отношений именно в письмах Пастернак и Цветаева чаще всего объясняли тем, что они не вписываются в реальность, не умеют жить. Например, в письме от 12 ноября 1922 г. Пастернак пишет, что хорошо знает «за собой полную неспособность быть или только воображать себя человеком всегда и во всякое время» (с. 16). В этом же письме поэт отмечает:

Я больше всего на свете (и, может быть, это единственная моя любовь) люблю правду жизни в том ее виде, какой она на одно мгновение *естественно* принимает у самого жерла художественных форм (с. 17).

Таким образом, настоящая жизнь для поэта – жизнь художественная (в том числе мир, создаваемый в письмах). «Ирреальность» Пастернака неоднократно отмечает и Цветаева:

Впечатление об его ирреальности: никогда не поверю, что Вы *есть*. Вы есть временами, потом Вас нет (с. 22) (письмо Цветаевой Пастернаку от 19 ноября 1922 г.).

Здесь примечательно также то, что поэт пишет о Пастернаке в третьем лице, как о персонаже).

Я вообще сомневаюсь в Вашем существовании, не мыслится мне оно, слишком похоже на сон (с. 30) (письмо Цветаевой Пастернаку около 10 февраля 1923 г.).

Здесь же, на наш взгляд, необходимо вспомнить отличительную черту поэтики Пастернака, на которую указывал А. К. Жолковский: принцип контаминации, смещения, частое отсутствие границы между лирическим героем и окружающей его действительностью [Жолковский, 2011, с. 12]. Соответственно, эта черта преломляется и в переписке, в которой таким «лирическим героем» является сам Пастернак. Однако несовместимость с реальной жизнью неоднократно отмечает Цветаева и у себя:

У меня сейчас чувство, что я уже нигде не живу. Вандея – пока, а дальше? У меня вообще атрофия настоящего, не только не живу, никогда в нем и не бываю (с. 215) (письмо от 21 июня 1926 г.).

Так, поэты, отмечая неполноценность жизни реальной и собственное неумение жить, формулируют, в том числе, мысль о том, что их письма – альтернативная реальность, со своими законами и поэтикой.

Мифологизированная история отношений и неслучившаяся встреча как лейтмотив «романа в письмах»

В июне 1928 г., в период, когда интенсивность переписки пошла на спад, Цветаева писала:

Б<орис>, наши нынешние письма – письма людей отчаявшихся: примирившихся. Сначала были сроки, имена городов – хотя бы – в 1922 г. – 1925 г.! <...> Со сроками исчезла срочность (*не наоборот!*), дозарез-ность друг в друге (с. 442).

Нам представляется, что основной миф Пастернака и Цветаевой строился на оппозиции «встреча» и «не-встреча», и именно она задавала письмам творческий потенциал. Как видно из вышеприведенной цитаты Цветаевой – сроки были условной необходимостью, творческим импульсом, на котором держалась лирика переписки. «Не-встреча» в жизни и договоренность о будущей встрече задавали широкое поле для фантазии: отталкиваясь от «не-встречи» в жизни, поэты создавали «встречи» в письмах. Поэтому важно отследить формирование и трансформацию этого субстрата с течением переписки (этот же мотив станет основой для многих произведений поэтов, например для цикла «Провода» Цветаевой, отобразится в «Спекторском» и «Докторе Живаго» Пастернака).

До начала переписки в 1922 г. Пастернак и Цветаева несколько раз сталкивались в Москве, однако в письмах поэтами подчеркивается, что они фатальным образом не заметили друг друга. Тем не менее, по их письмам друг к другу и другим источникам можно реконструировать, когда именно поэты пересекались в Москве и как воспринимали друг друга в этот период. Их переписка начинается с судьбоносных для них и для их творчества объяснений того, почему они не встретились, не заметили друг друга. Первая по хронологии встреча – на вечере в доме у М. Цетлина в 1918 г. – упоминается в первом письме (29 июня 1922 г.) Цветаевой к Пастернаку (Цветаева пишет, что встреча была весной, однако на самом деле вечер проходил в конце января [Катанян, 1985, с. 138], возможно, она так сказала намеренно, чтобы создать кольцевую композицию их пересечений в Москве, поскольку последняя из указанных встреч произошла весной). Адресант писала, что сразу же увидела в Пастернаке поэта:

Вы сказали: «Я хочу написать большой роман: с любовью, с героиней – как Бальзак». И я подумала: «Как хорошо. Как точно. Как вне самолюбия. – Поэт» (с. 13).

Об этой же встрече Пастернак писал дважды в письмах (27 марта 1926 г. и 3 мая 1927 г.) и в «Охранной грамоте», каждый раз выделяя Цветаеву среди присутствовавших:

Но, не зная и тогдашних замечательных ее «Верст», я инстинктивно выделил ее из присутствовавших за ее бросающуюся в глаза простоту. В ней угадывалась родная мне готовность в любую минуту расстаться со всеми привычками и привилегиями, если бы что-нибудь высокое зажгло ее и привело в восхищенье [Пастернак, т. 3, с. 229].

Встреча у Цетлиных описывается Цветаевой в начале эпистолярного диалога и в 1926–1927 гг. упоминается Пастернаком, так создается композиционное обрамление их «романа в письмах».

Следующие по хронологии упоминаемые встречи, о которых пишет Цветаева: «Зимой 1919 г. на Моховой» (с. 14), «Зимой 1920 г. <...> в Союзе писателей» (с. 14), осенью 1921 г., когда Пастернак заходил к Цветаевой в «трущобу в Борисоглебовском переулке» (с. 14), чтобы передать письмо Эренбурга. Об их последней встрече («не-встрече») – на похоронах Т. Ф. Скрыбиной в апреле 1922 г. – пишут друг другу оба поэта, и это единственная встреча, которую упоминает в своем письме Пастернак. Он, с одной стороны, описывает два собственных упущения знакомства: непонимание, с кем он идет рядом на похоронах Скрыбиной (хотя, учитывая, что они встречались ежегодно, и прочесть Цветаеву ему рекомендовал Эренбург, Пастернак не мог не понимать, кто находится рядом), слишком позднее знакомство с «Верстами», когда Цветаева уже была в эмиграции. С другой, адресант описывает два «равно непростительных промаха» (с. 120) Цветаевой, из-за которых их близкое знакомство в Москве не случилось: она сама не указала Пастернаку прочесть «Версты» и затем не прислала книгу до отъезда.

Таким образом, само по себе это «не заметили» представляется нам именно частью художественного оформления их «не-встреч» и предварительной подготовкой основы для «романа в письмах» и общего мифа. Очевидно, что они не только видели друг друга, но и отлично знали, кого видят, т. е. речь идет о том, что оба не находили ничего уникального в человеке, оказавшемся рядом, не представляли себе масштаб поэтического явления друг друга. Так начинается создающаяся с обеих сторон мифологизированная история отношений двух поэтов, а тема «не-встречи» становится сквозной для переписки.

В том же первом письме Пастернак писал, что вскоре собирается за границу и непременно захочет увидеть Цветаеву. Так в переписке появляются «сроки» (с. 442) (временная категория в «романе в письмах») и «имена городов» (с. 442) (категория пространственная). Пастернак приехал в Берлин 15 августа и обнаружил, что он вновь упустил встречу с Цветаевой, которая всего двумя неделями ранее, 31 июля, уехала в Прагу.

В начале 1923 г. Пастернак напишет, что больше не может оставаться в Берлине. Цветаева, которая еще в ноябре писала о превосходстве душевных встреч над реальными, в письме от 10 февраля 1923 г. будет настаивать на встрече до отъезда Пастернака:

<...> не уезжайте в Россию, не повидавшись со мной. Россия для меня – <...> почти тот свет. <...> в Россию – окликаю. – Итак, Пастернак, предупредите, я приеду. <...> Не отъезда я Вашего боюсь, а исчезновения (с. 35).

Цветаева пишет в письме, что жалеет, что не дождалась Пастернака в Берлине, и, если он не уедет раньше, планирует приехать в начале мая. В этом отрывке она закладывает основу творческого пространства будущих отношений с Пастернаком: Россия, куда адресат вскоре вернется, самое дальнее из возможных мест, мистическое и потустороннее, они окажутся разделены судьбой «по двум разным концам земли» [Цветаева, т. 2, с. 258]⁴, поэтому встреча до отъезда Пастернака – вопрос жизни и смерти. Кроме того, здесь она пишет:

⁴ Здесь и далее сочинения М. И. Цветаевой цитируются по собранию сочинений [Цветаева, 1994], с указанием тома и страницы.

В два места я бы хотела с Вами: в Веймар, к Goethe, и на Кавказ. (Единственное место в России, где я *мыслю* Гёте!) (с. 33).

В письме от 6 марта 1923 г. Пастернак писал:

Мы уезжаем 18 марта. В мае 1925 года я увижу Вас в Веймаре, даже и в том случае, если мы свидимся с Вами на днях. Этого последнего я бы желал всей душою. Я не боюсь того, что мне станет после этого трудней уезжать отсюда, потому что Веймар останется впереди и будет целью и поддержкой (с. 41).

Здесь Пастернак закладывает основу для продолжения их переписки как стремления к новой встрече – в 1925 г. в Веймаре (назначение встречи в Веймаре связано со словами Цветаевой о том, что именно туда она хотела бы отправиться с Пастернаком). Их встреча в Берлине так и не случится, в письме от 9 марта 1923 г. Цветаева сообщает Пастернаку, что не приедет, объяснив это множеством бытовых причин. Как отмечает А. Динег Гиллеспи, Цветаева неискренне старается убедить Пастернака, что ее приезду препятствуют внешние обстоятельства, но, даже перебрав все практические резоны, она проговаривается [Динег Гиллеспи, 2015, с. 188–189]: «Не приеду, потому что поздно, потому что беспомощна <...> потому что это моя судьба – потеря» (с. 46). Так, «не-встреча» в 1923 г., вероятно, оказывается добровольным выбором Цветаевой, ей необходима «потеря» для творческого подъема. С этой точки зрения верно утверждение А. Динег Гиллеспи о том, что, «общим местом критики стало интерпретировать смысл роли Цветаевой в ее отношениях с Пастернаком <...> как упорную безысходность: она стремится к нему, он уклоняется. Однако прочтение ее обращенных к Пастернаку произведений в контексте мифа о Психее позволяет увидеть, что, совсем напротив, она всеми силами удерживает физическую дистанцию между собой и Пастернаком» [Там же, с. 160], – с той оговоркой, что Цветаева действительно отдалается, но исходит к этому моменту не из мифа о Психее⁵, которая отказывается от категории пола в пользу души ради формирования собственного поэтического «я», а от нового мифа об Орфее (Пастернаке) и Эвридике (Цветаевой)⁶. Как пишет И. Д. Шевеленко, «мифологизируя свои отношения с Пастернаком, Цветаева не возвращается назад, к уже творчески пройденному ею этапу манипуляций с мифом об Эросе и Психее, а развивает свой текущий миф, в котором важнейшим структуро- и смыслообразующим элементом является творческая ипостась обоих героев и их “равенство”» [Шевеленко, 2002, с. 241]. И в ее письмах к Пастернаку этого периода, и в стихотворениях-откликах на их отношения, Цветаева не столько отстаивает свою независимость, сколько утверждает могущество их связи как равных и трагичность расставания, пусть и необходимого для творческого подъема.

У Пастернака были другие опасения по поводу их встречи. 21 марта Пастернак уехал из Берлина. За день до отъезда поэт писал Цветаевой о том, что Евгения, его жена, не понимает их дружбы и испытывает сильное чувство ревности (возможно, этим же объясняется и последовавшее почти годовое молчание Пастернака, сле-

⁵ Подробнее о сюжете о Психее в поэтике Цветаевой: [Шевеленко, 2002; Войтехович, 2005].

⁶ Подробнее о сюжете об Эвридике в цветаевской поэтике: [Шевеленко, 2002].

дующее письмо он напишет в первой половине 1924 г.). В конце письма адресант указал:

...я поблагодарил Бога за то, что не встретил Вас летом 17 года. А то бы я *только* влюбился в Вас <...> А мне кажется, что судьба сводит нас так для того, чтобы кругом нас и рядом с нами не было искажений, обманчивости, измен. До свиданья (с. 59).

Так или иначе, очередная «не-встреча» закрепляется в «романе в письмах» как хотя и роковое, и судьбоносное, но все же необходимое событие. Очередная «не-встреча» провоцирует появление нового «срока» – встречи в 1925 г. в Веймаре. В уже упоминавшемся письме Цветаева с восторгом откликается на предложенную Пастернаком встречу: «А теперь о Веймаре. Пастернак, не шутите. Я буду ЖИТЬ этим все два года напролет» (с. 44).

После упущенной встречи в Берлине в письмах собеседники конструируют воображаемые обстоятельства встречи в Веймаре, которая станет важнейшей темой писем 1923–1925 гг. вплоть до момента, когда оба окончательно поймут, что встречи не будет. Важно отметить, что встреча в Веймаре практически всегда осмысливается поэтами (в большей степени Цветаевой) рядом с темой судьбы. Об ожидании свидания Цветаева будет неоднократно писать: «Это – ставка моей жизни, так я это вижу» (с. 65) (письмо от января 1924 г.); «Борис, все эти годы живу с Вами, с Вашей душой, как Вы – с той карточкой» (с. 98) (письмо от 14 февраля 1925 г., в последней фразе поэт цитирует стихотворение Пастернака «Заместительница»).

Письма Пастернака до 1926 г. более редкие (видимо, это связано с семейным конфликтом), нежели Цветаевские, однако и те письма, которые он пишет (во многом сдерживая свой эмоциональный и творческий порыв) – эмоциональные и развивающие их общий формирующийся миф. О встрече в 1925 г. Пастернак ничего конкретного так и не писал, лишь в письме первой половины 1924 г., после долгого молчания он указывает:

В том, как я люблю Вас, то, что жена моей любви к Вам не любит, есть знак неслучайный и себе подчиняющий <...> Либо нам не суждено свидеться <...>, либо же суждено нам, и в это я верю, встретиться вне всякой неправды, как бы непонятно и несбыточно это ни казалось... (с. 67).

Далее о встрече Цветаева спрашивает Пастернака весной 1925 г.: «Б.П., когда мы встретимся? Встретимся ли? Дай мне руку на весь тот свет, *здесь* мои обе – заняты» (с. 102) (последняя строка войдет в майское стихотворение «Русской ржи от меня поклон»); «Борис! Каждое свое письмо к Вам я чувствую предсмертным, а каждое Ваше ко мне – последним. О, как я это знала, когда Вы уезжали» (с. 102). Однако конкретного ответа на это так и не получает. Встреча в Веймаре в 1925 г. не состоялась, и опасения Цветаевой могли бы оправдаться, и творчество и мифотворчество в письмах, и переписка в целом могли бы завершиться, если бы не новый творческий импульс, охвативший на этот раз Пастернака – запланированная встреча у Рильке и знакомство поэта с «Поэмой конца» Цветаевой.

В 1925 г. Цветаева сообщает Пастернаку ложное известие о смерти Рильке. В ответ на это Пастернак 16 августа 1925 г. пишет: «Вы часто спрашивали, что мы будем с Вами делать. Одно я знал твердо: поедem к Рильке. И даже одно такое сиденье у него однажды снилось мне» (с. 116) (здесь возникает новая важная тема

«встречи во снах»). Позже Пастернак выясняет, что Рильке жив, так встреча становится возможной: «Я надеюсь вырваться через год, и разумеется к тебе и с тобой к Рильке. Давай опять переписываться по-старому» (с. 145) (из письма от 27 марта 1926 г.). Отметим, что снова инициатором планируемой и одновременно сугубо «литературной» встречи выступил Пастернак. Прежний миф о встрече в Веймаре, т. е. «у Гёте», замещается встречей у поэта живого – Рильке. Второй импульс, который обостряет и тему «встречи», и в целом тон Пастернака в переписке, – прочтение «Поэмы конца», которая крайне изумила поэта, свой восторг он выразил в письме от 25 марта 1926 г.: «Какой ты большой, дьявольски большой артист, Марина! <...> Прямо непостижимо большой поэт!» (с. 138). Примечательно, что ранее, когда поэты обсуждали ложную весть о смерти Рильке, Цветаева писала: «Хотите одну правду? Тогда, в Берлине, две книги вместе – Сестра моя жизнь и книга (одна ведь) – Рильке» (с. 119), – т. е. вновь появляется композиционный повтор (один из многих в «романе в письмах»), заключающийся в связи поэтического творения одного из поэтов (1922 г. – знакомство Цветаевой с «Сестрой моей жизнью», 1926 г. – знакомство Пастернака с «Поэмой конца») с Рильке. Рильке в целом становится мифической фигурой в их переписке и находится рядом с темой встречи. К тому же завязывается важная для обоих тройственная переписка⁷. Таким образом, еще одна будущая встреча становится частью сотворенной художественной реальности, и «герои» начинают «жить» теперь и этим событием даже несмотря на то, что оно может не произойти в действительности. Как видно из предыдущих примеров, поэты практически никогда не обсуждают конкретные обстоятельства встречи: они выбирают лишь «сроки» (с. 442) и «имена городов» (с. 442), необходимые для построения художественной реальности в письмах, но с приближением встречи и времени принятия решений, т. е. вторжения реальности в художественное пространство, у поэтов появляются неотложные обстоятельства и страхи перед встречей. Однако есть одно важное исключение, имевшее место в 1926 г. Вдобавок к новому витку вдохновения, которое Пастернак приобретает после прочтения «Поэмы конца» и появления в переписке мотива «встречи у Рильке», поэт узнает в апреле 1926 г. из анкеты Цветаевой, что ее мать так же, как и Розалия Исидоровна Пастернак, была пианисткой. Совпадения в целом были очень важны для поэтов, которые строили миф о равенстве и связи судеб. Это открытие настолько потрясло Пастернака, что 20 апреля 1926 г. он пишет Цветаевой: «Ехать ли мне к тебе сейчас или через год?» (с. 172), указывая, что у него есть множество причин (основная – работа, чтобы быть достойным встречи с Цветаевой) отправиться к ней через год, но «нет сил остановиться» (с. 172) на этом решении. Цветаева однозначно отвечает: «Через год. <...> Не сейчас!» (с. 173). В вышеупомянутом письме Пастернак писал, что если Цветаева выберет встречу через год, то он будет только работать и не будет отвечать своей собеседнице.

Хотя Цветаева отказывает ему во встрече в 1926 г., поэты не могут остановить переписку до лета. Примечательно, что письма Пастернака становятся особенно поэтизированными и мифотворческими:

Я мог и должен был скрыть от тебя до встречи, что никогда теперь не смогу уже разлюбить тебя, что ты мое единственное законное небо и жена (с. 177).

⁷ Подробнее о тройственной переписке: [Ciepiela, 2006].

Лишь в письмах от конца июня Пастернак еще раз говорит о своем решении не писать и не отвечать Цветаевой и на этот раз выполняет его.

Наступает пауза в переписке, которой предшествовала еще одна важная запись Цветаевой: «Борис, никогда я еще ни одной встрече так не ужасалась, как нашей: я не вижу места свершения ее. Твоя мысль была гениальна: Рильке» (с. 208) (в письмах Цветаевой в целом всегда соседствовали необходимость встречи и мотив страха перед ней). «Гениальной» мысли о встрече у Рильке не суждено было сбыться – в конце декабря 1926 г. Рильке действительно умирает. Цветаева в письме от 31 декабря 1926 г. говорит, что последнее письмо Рильке к ней кончалось словами: «*Im Frühling? Mir ist bang. Eher! eher!*» (Говорили о встрече.)» (с. 246) (пер.: «Весной? Мне тревожно. Скорее! скорее!)). Весна в «романе в письмах» становится временем «не-встречи» (в Москве, в Берлине, с Рильке и далее в произведениях).

В письме от 1 января 1927 г. Цветаева «зовет» адресата в Лондон и считает эту встречу необходимой: «Я тебя никогда не звала, теперь я тебя зову, теперь время. Мы будем одни в Лондоне. Твой город и мой» (с. 247). Она выбрала Лондон, так как она уже намечала в письмах, что это идеальное для них место («Ты знаешь, Лондон – наш город, беспризорных бродяг» (с. 154)), писала, что может организовать встречу («если ты *по-настоящему* хочешь будущим (1927 г.) летом сюда, я тебе помогу <...>. Устроим вечера – в Париже и в Лондоне» (с. 156)), а также знала, что и Пастернак хотел увидеть город, т. е. Лондон уже давно был встроен в «роман в письмах». Переписка возобновляется, но отвечает на «зов» Пастернак лишь в конце апреля и косвенно сам отклоняет встречу. На это Цветаева напишет в мае:

Но в том письме я тебя звала, а в этом ты не едешь, это уже разминование: точная жизнен<ная> последоват<ельность>, норма дней: в порядке дней <...> Не удивл<яюсь> и не огорч<аюсь>, что не рвешься ко мне, я ведь тоже к тебе не рвусь. Пять лет рваться – не по мне (с. 300–302).

Таким образом, «не-встреча» закрепляется как закономерность. В то же время, когда письма 1926–1927 гг. Пастернака становятся все более эмоциональными, Цветаева все чаще пишет о страхе встречи: «Я бы с тобой совсем не умела жить. Я бы тебя жалела на *жизнь* – даже с собой! А м.б. – именно с собой, п.ч. я дома не живу. Что бы мы делали?!» (с. 146) (из письма от 27 марта 1926 г.). И отказ от встречи в 1927 г. усиливает этот мотив, встреча в жизни считается обреченной: «С тобой? Но встреча с тобой *так* обречена, что заранее воля руки опускает» (с. 356) (из письма от 2 октября 1927 г.). Для Цветаевой встреча с этих пор возможна лишь за пределами жизни: «Я хочу с тобой вечного часа / одного часа, который бы длился вечно. Место действия: сон, время действия – те самые его три минуты, герои – моя любовь и твоя любовь» (с. 367) (из письма от 14 октября 1927 г., здесь обыгрывается обращенная к Пастернаку поэма «С моря»).

Упущение множества встреч, пауза в переписке в тот момент, когда она была на эмоциональном пике, объявление о смерти Рильке, страх, сниженная мотивация – всё это становится предзнаменованием «конца романа». Письмам 1927–1928 гг. свойственны те же особенности, что и переписке 1922–1926 гг., однако сквозные мотивы становятся всё менее эмоционально и творчески окрашены, они видятся нам как повторение ставших привычными формулировок. Об этом же

Цветаева напишет в июне 1928 г. (цитату мы приводили в начале главы). Мотивы «встречи» и «не-встречи» остаются как «упоминание». Позже Цветаева закрепит свое расстройство от того, что из писем ушли «сроки» и «города», житнотворческим актом в июле 1931 г., повесив портрет адресата на стену:

Вчера впервые (за всю с тобой, в тебе – жизнь) <...> повесила на стену тебя – молодого, с поднятой головой, явного метиса, работы отца. <...> Когда я – т. е. все годы до – была уверена, что мы встретимся, мне бы и в голову, и в руку не пришло так выявлять тебя воочию – себе и другим, настолько ты был во мне закопан <...> Выходит – сейчас я просто изъела тебя из себя – и поставила. – Теперь я просто могу сказать: – А это – Б. П., лучший русский поэт, мой большой друг, говоря этим ровно столько, сколько сама знаю (с. 487).

Отношения поэтов ухудшились после второго брака Пастернака с Зинаидой Нейгауз. Однако Цветаеву особенно обидело (о чем она писала в 1933 г.) параллель между ее стихотворением, обращенном Пастернаку, со стихотворением Пастернака, посвященным Зинаиде: «Борис, простить ведь не за то, что не писал 2 года (3 года?), а за то, что стихи на 403 стр., явно-мои, – не мне?» (с. 490). Речь шла о совпадении метафоры «рифмованности» в двух стихотворениях «Есть рифмы в мире сем» (1924 г., первое стихотворение цикла «Двое») и «Любимая, молвы слашавой...» (1931 г.), из которого Цветаеву задели строки: «И я б хотел, чтоб после смерти, / Как мы замкнемся и уйдем, / Тесней, чем сердце и предсердье, / Зарифмовали нас вдвоем» [Пастернак, т. 2, с. 71]. После этого письма стали еще более редкими, и поэты встретились лишь в 1935 г. По многим причинам встреча в 1935 г. стала «не-встречей». В июльском письме Цветаева описывает свою обиду, а также дословно называет произошедшее «не-встречей» (с. 500). А в письме от 6 июля 1935 г. Н. С. Тихонову Цветаева писала, что во время их с Пастернаком «не-встречи» он предавал поэзию, что самое страшное в рамках их «романной» логики:

А плакала я потому, что Борис, лучший лирический поэт нашего времени, на моих глазах предавал Лирику, называя всего себя и все в себе – болезнью. (Пусть – «высокой». Но он и этого не сказал. Не сказал также, что эта болезнь ему дороже здоровья и, вообще – дороже, – реже и дороже радия. Это, ведь, мое единственное убеждение: убежденность) [Цветаева, т. 7, с. 552].

В письме от 3 октября 1935 г. Пастернак старается объясниться с Цветаевой, ссылаясь на свое состояние, и спрашивает о возможности будущих встреч:

Помнишь ли ты свою фразу про абсолюты? В ней все преувеличено. А состояние мое <...> преуменьшено. Но такое непонимание <...> я встретил и со стороны родителей: они моим неприездом потрясены и перестали писать мне. <...> Но когда же вы приедете? Или опять мы увидимся в Париже? Потому что я серьезно теперь об этом мечтаю, если только судьба мне выздороветь (с. 502–503).

То, что Пастернак не навестил после многолетней разлуки родителей особенно возмутило Цветаеву (отметим, что Пастернак никак не мог как участник советской делегации на антифашистском конгрессе возвращаться не вместе со всеми через Англию, а один через Германию), и в последних письмах она будет беспощадно отзываться об адресате (хотя раньше из Парижа уехала именно Цветаева):

О вашей мягкости. Вы – ею – откупаетесь <...> О, вы добры, вы при встрече *не можете* первыми встать, ни даже откашляться для начала прощальной фразы – чтобы не обидеть <...>. Вы «идете за папиросами» и исчезаете навсегда. И оказываетесь в Москве, Волхонка, 14, или еще дальше (с. 504).

Несмотря на трагичность финала «романа в письмах», вспоминая рассуждения Цветаевой о невозможности жить в реальности с Пастернаком и представить встречу, в рамках «романа» такое заключение представляется логичным. Вспомним еще одно предсказание: в конце марта 1923 г. Цветаева писала Пастернаку: «Вы поэт, Вы видите *будущее*» (с. 60), – а в письме от 4 января 1926 г., Пастернак, как бы предсказывая, писал: «Годы разведут нас в разные стороны, и я от Вас услышу свои же слова, серые, нехорошие <...>. Так будет, потому что – скользнуло предчувствие» (с. 122). Так, поэты предсказывают «конец романа» задолго до его завершения. Собственно, трагический финал более чем логичен именно в мифотворческой плоскости «романа в письмах», счастливый финал противоречил бы его поэтике.

Таким образом, оппозиция «встречи» и «не-встречи» представляется нам главным творческим импульсом для поэтов и основанием «романа в письмах». Несмотря на то, что реальных встреч не случается, как мы указывали в самом начале, договоренность о «встрече» и итоговая «не-встреча» всегда (за исключением последней, в 1935 г.) были творческими импульсами для поэтов, благодаря которым вся альтернативная жизнь переносилась в письма.

Пространство письма как место встречи, жизни и творчества

19 ноября 1922 г. Цветаева напишет очень важные для «романа в письмах» и их общего с Пастернаком мифотворческого процесса строчки: «Мой любимый вид общения – потусторонний: сон: видеть во сне. А второе – переписка. Письмо, как некий вид потустороннего общения, менее совершенное, нежели сон, но законы те же» (с. 22). Цветаева пишет это письмо после послания Пастернака, где он с огорчением говорит о том, что не застал ее в Берлине. Так она как бы предлагает Пастернаку в противовес несовершенным встречам в жизни создавать собственное «сонное пространство», включающее «встречи во снах» и «встречи в письмах», пространство воображения и фантазии, где говорят между собой не реальные люди, а их творческие амплуа, «Духи», «Гении». Разберем оба вида встреч.

После введения темы снов в переписку поэты периодически описывают в «романе в письмах» свои «встречи во снах». Есть несколько основных вариаций изображения этого вида встреч. О снах часто пишет Цветаева как об определенном формате существования: «Я вообще сомневаюсь в Вашем существовании, не мыслится мне оно, слишком похоже на сон» (с. 30) (письмо от 10 февраля 1923 г.). Поэты могут просто констатировать факт сновидения о собеседнике, чтобы определить характер восприятия друг друга или утвердить могущество их связи (эту вариацию в большей степени использует Цветаева). Например: «Перо из рук... Уже выходить из княжества слов... Сейчас лягу и буду думать о Вас. <...> Из княжества слов – в княжество снов <...> Я с Вами всю ночь говорила сонным» (с. 48) (из письма Цветаевой от 9 марта 1923 г., здесь также она пишет

по свойственной ей поэтике созвучий, паронимии: снов-слов с прибавлением «княжества» вместо ожидаемого царства); «я буду видеть тебя во сне, и ты об этом ничего не будешь знать» (с. 172) (из письма Пастернака от 20 апреля 1926 г., отметим, что фраза взята из письма, в котором Пастернак просит о паузе в переписке, т. е. утверждение, что он будет видеть Цветаеву во сне, говорит о том, что он не отрекается от нее, а, наоборот, даже вне переписки остается с ней). Сон становится заменой реальной коммуникации: например, Цветаева будет писать в сентябре 1925 г.: «Что у Вас сегодня ночью не звонил телефон? (которого нету) Так это я к Вам во сне звонила» (с. 118) (письмо Цветаевой Пастернаку от второй половины сентября 1925 г.), – и ответит: «Отчего все мои сны о Вас – без исключения! – такие короткие и всегда в *невозможности*» (с. 118). Вероятно, Пастернак запомнил эти слова, потому что в важном письме от 20 апреля 1926 г. он пишет: «В противоположность твоим сновидениям я видел тебя в счастливом, сквозном, бесконечном сне» (с. 170). В этом послании он подробно описывает свое сновидение: ему сообщают, что его спрашивает Цветаева, он бежит по лестнице и наконец встречает ее. Изложение сна напоминает поэтическую прозу, исполненную чувством спокойствия, светом, проливающимся на пространство сна, и гармонией встречи, смешением пространства и героев сновидения, что свойственно поэтике Пастернака. Это письмо произведет сильное впечатление на адресата и станет едва ли не основой поэм «С моря» и «Попытка комнаты».

Второй вид «сонного общения» – сами письма. По своей форме они часто напоминают свободный поток, живую поэтизированную речь, которая никак не фильтруется цензурой или внутренней редактурой. Об этом Цветаева пишет в письме от 18 апреля 1926 г.: «Люб<опытно>, что те твои письма я прочла раз – и потом не перечитывала, м. б. бессознательно превращая их в живую речь, которую нельзя слышать вторично» (с. 167). Пастернак в письме от 20 апреля 1926 г. также отмечал эту особенность: «Поток слов, которые ты пила и выкачивала из меня, прерывался» (с. 169). Такая форма указывает на то, что поэты воображали процесс создания письма как встречу. Во всем рассматриваемом корпусе писем (в 1926 г. в особенности) авторы часто прямо указывают на это, причем их встречи в письмах могут принимать разные формы: простое нахождение вместе (письмо Пастернака Цветаевой от 25 марта 1926 г.: «Наконец-то я с тобой» (с. 136)), разговор (письмо Цветаевой Пастернаку от начала августа 1927 г.: «Борис, я прошла к тебе в комнату, в попытку ее, села с тобой рядом и вот рассказываю» (с. 337)), – отметим, что в приведенной фразе поэма «Попытка комнаты» Цветаевой, которая связана с Пастернаком, что задает ей особую творческую насыщенность), прикосновение (письмо Пастернака Цветаевой от 1 июля 1926 г.: «Дай я обниму тебя сейчас крепко, крепко и расцелую, всем накопившимся за рассуждениями» (с. 221)); письмо Цветаевой к Пастернаку от 26 мая 1926 г.: «Обнимаю твою голову – мне кажется, что она такая большая – по тому, что в ней – что я обнимаю целую гору, – Урал» (с. 200)), наблюдение друг за другом (письмо Пастернака Цветаевой от 25 марта 1926 г.: «Сию и читаю так, точно ты это видишь, и люблю тебя и хочу, чтобы ты меня любила» (с. 138)). Оба, создавая общий миф, закладывают в него: метафизическую связь, подразумевающую, что оба обладают проницательностью по отношению друг к другу. Иначе говоря, даже если один пишет письмо, второй обязательно должен это по-

чувствовать, следовательно, создавая письмо, адресант создает встречу. Цветаева обыгрывает этот мотив в 1923 г. в стихотворении «Строительница струн – приструню»: «И если гром у нас – на крышах, / Дождь – в доме, ливень – сплошь – / Так это ты письмо мне пишешь, / Которого не шлешь» [Цветаева, т. 2, с. 205]. Таким образом, Пастернак и Цветаева как «герои» «романа в письмах» не находятся на расстоянии всё время, поэты создают письма, обеспечивая возможность разъединенным «душам» встретиться в едином творческом пространстве.

Авторы часто описывают, как включают образы друг друга в окружающую их действительность. В 1923 г. Цветаевой было особенно свойственно уподоблять Пастернака природе, деревьям, поэтому, описывая пространственные метаморфозы, она часто использовала природные метафоры: «Каждое дерево, которое я облюбую глазами, будет – Вы» (с. 44) (из письма от 9 марта 1923 г.); «На моей горе растет можжевельник. <...> Я думаю, что это Вы» (с. 63) (из письма от конца марта 1923 г.). Другая версия приема – поиск прообразов друг друга в окружающих (незнакомых) людях. В письме от 16 августа 1925 г. Пастернак рассказывает, как встретил в проходе трамвайного вагона женщину, в чертах лица и глазах которой он увидел что-то от Цветаевой. Пример похожего включения есть в письме Цветаевой от 15 июля 1927 г., где она увидела Пастернака в прохожем. Однако прообразами в письмах Цветаевой могут быть не только люди, но и окружающие предметы: «Борис, я опять буду называть твоим именем: колодец, фонарь, самое бедное, одинокое» (с. 243) (письмо от 4 августа 1926 г.). В письмах Цветаевой много вариантов метафизических встреч поэтов, она может описывать Пастернака как призрака, явившегося к ней (например, в начале августа 1927 г.).

Для поэтов также характерна игра с биографической реальностью. Наиболее яркими примерами смешения биографического и художественного в письмах Цветаевой, на наш взгляд, являются ее записи о Блоке и о рождении сына. В начале переписки с Пастернаком (11 февраля 1923 г.) Цветаева приписывает себе сверхспособности в судьбе Блока: «Пастернак, я в жизни – волей стиха – пропустила большую встречу с Блоком (встретились бы – не умер!)» (с. 39). Следующий пример, где реальный факт (рождение ребенка) связан с творческим, метафорическим – присвоением себе имени Пастернака и «посвящением» сына поэтическому мифологизированному возлюбленному (письмо от осени 1924 г.: «Я назову его Борисом и этим втяну Вас в круг» (с. 95)); «Я его Вам посвящаю, как древние посвящали своих детей божеств<u>» (с. 95)). Отметим, что линию дарения имени Цветаева начала еще в марте 1923 г., т. е. присвоение имени Пастернака (равно присвоение Пастернака-поэта) – еще один мотив «романа в письмах». Для Цветаевой дать имя Борис своему сыну равно включить Пастернака в свою реальность. Тем не менее, Цветаева не «вводит в семью» поэта (мужу удастся отговорить ее). Письмам Пастернака также свойственны такие мифотворческие рассуждения. В послании от 19 марта 1926 г. он описывает, как во время встречи с Ахматовой, когда она заговорила о заимствованиях и влияниях на Гумилева, он почувствовал атмосферу нахождения в классе, в котором ему не хватало Цветаевой, «сестры по парте» (с. 135). В ответном письме Цветаева напишет: «А пока вы с Ахматовой говорили обо мне в Москве, я в Лондоне говорила с эстрады тебя и Ахматову» (с. 145), – т. е. она с помощью указания

на параллелизм происходящих одновременно в их жизнях событий вновь отмечает масштаб связи поэтов.

Переосмысливают поэты не только биографическую, но и творческую реальность. Наиболее важный пример – книга Пастернака «Сестра моя жизнь» – оказывается и предзнаменованием «знакомства», и важнейшей формулой, описывающей метафизическую связь поэтов. Характерная особенность поэтики Пастернака – называть «сестрой» жизнь в целом. Как отмечает Жолковский, заголовок «Сестра моя – жизнь» – «едва ли не самая эмблематичная житетворческая формула Пастернака» [Жолковский, 2011, с. 117]. Это заглавие становится важнейшим символом в «романе в письмах» и потому, что это одна из книг, с которой переписка начинается (в том числе она осмысляется как предзнаменование), и потому, что поэты периодически используют заглавие как формулу, описывающую их метафизическую связь: «Вы – сестра мне» (с. 59) (письмо Пастернака от 20 марта 1923 г.), «Ты мой вершинный брат, все остальное в моей жизни – аршинное» (с. 100) (письмо Цветаевой от 14 февраля 1925 г.), «Я не хочу других братьев, кроме тебя» (с. 242) (письмо Цветаевой от 4 августа 1926 г.). Наконец, в приписке к письму от 25 марта 1926 г. Пастернак описывает чувство, его с Цветаевой связывающее, дословно цитируя заголовок: «Ты такая прекрасная, такая сестра, такая сестра моя жизнь, ты прямо с неба спущена ко мне, ты впору последним крайностям души, ты моя и всегда была моею, и вся моя жизнь – тобой» (с. 137).

Еще одна особенность – частое использование Цветаевой (а затем и Пастернаком) предлога «в», наречия «насквозь» и других семантически схожих слов и конструкций для описания их духовной связи. Например, в письме от 24 августа 1923 г. Цветаева пишет: «Всё меня отшвыривает, Б. П., к Вам на грудь, к Вам – в грудь» (с. 64). Отметим, что примерно теми же словами она опишет в очерке 1937 г. «Мой Пушкин» чтение Пушкина: «Пушкина читаю прямо в грудь и прямо в мозг» [Цветаева, т. 5, с. 65] (Цветаева связывала фигуры Пастернака и Пушкина). Схожие мотивы есть и в письмах Пастернака: «Вы не ломились в меня, это я в Вас первый с Верстами вломился» (с. 132) (письмо от 4 марта 1926 г.). Об абсолютном единении поэт пишет около 28 апреля 1926 г.: «Я буду молчать в тебя, расти в тебя, писать в тебя» (с. 175).

Особенности изображения портретов и автопортретов

С первых писем авторы подчеркивают, что их переписка – это разговор двух поэтов. Важно, что оба выделяют друг друга на фоне современного им литературного мира. Примечательно, что они отрицают в «романе» телесность вообще, формулируя, что их эпистолярный диалог ведется прежде всего их «Душами»; во многом поэтому им так сложно перенести встречи из писем в жизнь, ведь тогда духовный «брат» или «сестра» материализуется и предстанет не в виде души, а в виде тела⁸. Эти характеристики складываются в яркие портреты «героев» «романа в письмах».

⁸ Подробнее про оппозицию души и тела, а также переосмысление гендера Цветаевой и Пастернаком: [Cierpiela, 2006].

Пастернак с первых писем пишет о масштабах редкого поэтического таланта Цветаевой, используя эпитеты: «возмутительно-большой поэт» (с. 90) (из письма от 14 июня 1924 г.), «большой, дьявольски большой артист» (с. 138) (из письма от 25 марта 1926 г.). Также он вводит образ Цветаевой как «сестры», в «романе в письмах» она — его поэтическая сестра, «сверхъестественно родное предназначенье» (с. 89) (из письма от 14 июня 1924 г.). Однако, несмотря на величину таланта, в силу обстоятельств Цветаева не совпадает со своим временем: «ты сама пока еще моложе своей поэтической зрелости» (с. 335) (из письма от 27 июля 1927 г.), — на что в начале августа 1927 г. Цветаева ему ответит: «“Поэтическая зрелость, опережающая жизненную”. Борис, но на чем мне, в жизни, учиться? <...> Просто: я, для упрощения задачи, обречена на сплошной жизненный черновик» (с. 336). Эта черта — вневременное положение поэта — сближает авторов «романа», об этом же Цветаева пишет в письме от 6 апреля 1926 г.: «Ты, как я, родился — завтра» (с. 153). Такая оценка Пастернаком совпадает с автохарактеристикой Цветаевой, она часто пишет об отсутствии признания и одиночестве, но, в отличие от Пастернака, она не отказывается от высокой оценки ее поэтического гения.

Цветаева, в свою очередь, рисует многоаспектный портрет Пастернака. Осмысление фигуры друга-поэта начинается с оценки масштаба таланта: «Я сейчас в первый раз в жизни понимаю, что такое поэт» (с. 28) (письмо от 10 февраля 1923 г.), — затем она часто подчеркивает его исключительность: «Ты лирик, Борис, каких свет не видывал и Бог не создавал» (с. 239) (письмо от 4 августа 1926 г.). Есть еще несколько характерных черт. Во-первых, Цветаева связывает фигуру поэта с природой, так как, по ее представлениям, он не вписывается в мир людей: «Вам плохо, п. ч. Вы с людьми. — И всё. — С деревьями Вы были бы счастливы» (с. 30) (письмо от 10 февраля 1923 г.). Во-вторых, присутствует изображение поэта как «Духа» и «Гения», именно они, если следовать логике Цветаевой, находятся над Пастернаком-человеком и Пастернаком-поэтом, и именно эта возвышенная часть его оказывается адресатом писем: «Исповедуюсь (не каюсь, а воскаждаю!) не Вам, а Духу в Вас. Он больше Вас, но Вы настолько велики, что это знаете» (с. 29). Однако взгляд поэта на себя отличен от цветаевского. С первых писем он отрекается от высокой характеристики. Пастернаку в целом свойственна самокритика как в творчестве, так и в вопросах повседневности. Например, 23 мая 1926 г. он критически отзываясь о текстах, над которыми работает: «Спекторский определенно плох» (с. 192), — а ранее 12 апреля 1926 г. описывает собственное неумение выходить на фотографиях в осуждающем самоироничном ключе. Тем не менее, вышеописанное восприятие Цветаевой Пастернака в письмах характерно для всего анализируемого корпуса писем, за исключением последних лет переписки и писем после «не-встречи» в 1935 г., когда она разочаровывается в нем (хотя скорее как в человеке и в их связи, которая оказалась не бессмертной, но в ее восприятии он всё еще остается поэтом).

Пастернак и Цветаева формируют в переписке особую связь друг с другом, которая и становится главным сюжетом этого «романа в письмах». Их отношения в переписке строятся на неординарном взаимопонимании и чутье в вопросах поэзии, отношений с современниками и временем в целом, предназначенности друг другу и специфической «любви». Например, письмо Цветаевой от 14 февраля 1925 г.: «Мне всегда хочется сказать: я тебя больше, лучше, чем люблю. Ты

мне *насквозь* родной, такой же жутко, *страшно* родной, как я сама» (с. 99). «Любовь» пронизывает всю переписку, но становится ярко окрашенной сквозной темой в письмах 1926 г. Однако, на наш взгляд, здесь присутствует не влюбленность и страсть, а любовь как некий абсолют, притяжение к чему-то в высшей степени прекрасному. Поэты «влюбляются» заочно в поэзию, творческий гений друг друга. Об этом практически напрямую Пастернак писал в письме от 27 марта 1926 г.:

Я сказал: больше всего на свете я люблю проявление таланта. <...> К Цейтлиным я попал после конца, после «Разрыва». Я не знал, кто рядом со мной. Я не знал, что рядом со мной сидит то, что я еще тогда любил больше всего на свете (с. 144).

Здесь Пастернак пишет, что Цветаева является для него воплощением таланта, который он любит «больше всего на свете». Об этом же в письме от 7 августа 1927 г.: «Ты – родной, главное же – громадный поэтический мир» (с. 342). Подтверждают описанную нами специфику чувства, как нам кажется, и слова Пастернака в письме от 4 апреля 1926 г.: «...ты такая своя, точно была всегда моей сестрой, и первой любовью, и женой, и матерью, и всем тем, чем была для меня женщина» (с. 149–150). Чувство Цветаевой к Пастернаку можно описать так же. В письме от 11 мая 1927 г. она писала:

Ты мне, Борис, нужен как пропасть <...> Чтобы было куда любить. Я не могу (ТАК) любить не поэта (с. 310).

Цветаева описывает их любовь в «романе в письмах» как специфическую любовь равных поэтов, это любовь к абсолюту, поэтическому миру, к таланту друг друга. Такая «любовь» связана напрямую с главным делом жизни обоих – поэзией, «любить» друг друга, по этой логике, означает отдаться целиком поэзии, таланту, призванию и идти по этому пути вместе со своим поэтическим «братом» или «сестрой».

Заключение

Таким образом, переписка Пастернака и Цветаевой (1922–1935 гг.) представляет собой сконструированный обоими корреспондентами «роман в письмах», специфическая особенность которого – смешение жизни и творчества. Письма осмыслились самими поэтами частью своего творчества, на что указывают отношение авторов к совместному эпистолярному наследию как к художественной работе, с одной стороны, и поэтика писем, их нарочито творческий характер, с другой.

Эпистолярный диалог имеет характерные поэтику и комплекс тем. Главным и сквозным мотивом, на наш взгляд, является оппозиция «встреча» и «не-встреча». Именно отталкиваясь от нее, поэты задают письмам творческий потенциал, создают мифологизированную историю их отношений и сюжет «романа в письмах». «Роман в письмах» – необходимая поэтам инстанция, альтернативная творческая жизнь, место встречи двух разьединенных судьбой поэтов. Пастернак и Цветаева изображают друг друга в письмах как духов, отделенных от тела творческих гениев, поэтому связывает их не плотская любовь и страсть, а метафизическая связь и любовь огромных масштабов к душе, поэзии друг друга.

Основные мотивы, на которых строится «повествование романа», – небесная предназначенность поэтов друг другу, роковая разъединенность, невозможность быть вместе в жизни реальной и противопоставленные ей «встречи в письмах», «во снах», жизне- и мифотворческая трансформация реальности, включение друг друга в свою действительность с помощью фантазии и искусства.

Важно сказать, что литература становится еще одним пространством реализации «встречи» поэтов. Этому сюжету посвящена другая часть работы, но здесь стоит упомянуть основные выводы. И Пастернак, и Цветаева переносят сюжет «романа в письмах» в произведения, однако делают это совершенно по-разному (и это позволяет увидеть разницу в том, как поэты воспринимали «роман в письмах» в том числе). Способы осмысления отношений в произведениях можно описать через оппозицию небесного и земного. Подход Цветаевой более «небесный»: в ее поэзии тема «не-встречи» всегда завязана на воссоединении душ после земной «не-встречи» за пределами жизни, в бессмертии. Для нее Пастернак – духовный «брат», жизнь с которым начнется после смерти обоих. Пастернак же подходит к перенесению их истории из писем в произведения более прозаично. Произведения Пастернака, где мы находим присутствие Цветаевой, – это всегда фантазия на тему «что случилось бы, если бы поэты сошлись в реальной жизни». Несмотря на связь и понимание героев Пастернака, в основу отношений которых заложен их с Цветаевой «роман в письмах», история всегда заканчивается трагически, причем зачастую инициатором разрыва становится тот, чьим прототипом выступает Пастернак. Тема бессмертия у поэта присутствует в характерной для поэтики его творчества вариации – это бессмертие через искусство.

Завершить нашу работу мы хотели бы строками Пастернака из автобиографического очерка «Люди и положения»:

Если бы я стал рассказывать случай за случаем и положение за положением историю объединявших меня с Цветаевой стремлений и интересов, я далеко вышел бы из поставленных себе границ. Я должен был бы посвятить этому целую книгу, так много пережито было тогда совместного, менявшегося, радостного и трагического, всегда неожиданного и всегда, от раза к разу, обоюдно расширявшего кругозор [Пастернак, т. 3, с. 340].

Тогда еще Пастернак думал, что письма Цветаевой утеряны навсегда, и воспоминания об их общей «целой книге» останутся лишь на страницах автобиографических очерков и произведений авторов. К счастью, сохранились не только они, но и удивительный «роман в письмах» о сплетении судеб двух важнейших поэтов XX века.

Список литературы

Войтехович Р. С. Психея в творчестве М. Цветаевой: эволюция образа и сюжета. Тарту: Tartu Üni. Press, 2005. 164 с.

Динегга Гиллесли А. Марина Цветаева. По канату поэзии. СПб.: Издво Пушкинского Дома: Нестор-История, 2015. 480 с.

Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М.: НЛО, 2011. 608 с.

Катанян В. А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А. Е. Парнис. 5-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1985. 648 с.

Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. М.: Слово/Slovo, 2003.

Поливанов К. М. Марина Цветаева в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»: несколько параллелей // *De visu*. 1992. № 0. С. 52–58.

Раевская-Хьюз О. Борис Пастернак и Марина Цветаева: К истории дружбы // *Вестник РСХД*. 1971. № 100. С. 281–305.

Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994.

Цветаева М. И., Пастернак Б. Л. Через лихолетие эпохи...: Письма 1922–1936 годов / Изд. подгот. Е. Б. Коркиной, И. Д. Шевеленко. М.: Издательство АСТ, 2017. 656 с.

Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: НЛЮ, 2002. 464 с.

Ciepiela C. The same solitude: Boris Pasternak and Maria Tsvetaeva. Ithaca, London: Cornell Uni. Press, 2006. 301 p.

References

Ciepiela C. The Same Solitude: Boris Pasternak and Marina Tsvetaeva. Ithaca; London, Cornell Uni., 2006, 301 p.

Dinega Gillespie A. Marina Tsvetaeva. Po Kanatu Poezii [Marina Tsvetaeva. Along the poetic tightrope]. St. Petersburg, Pushkin House [Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences] and Nestor-Istoriia, 2015, 480 p. (in Russ.)

Katanyan V. Mayakovsky. Chronicle of life and career. Moscow, The Soviet writer, 1985, 648 p. (in Russ.)

Pasternak B. Complete works. In 11 vols. Moscow, Ellis Luck, 2005. (in Russ.)

Polivanov K. Marina Tsvetaeva v romane Borisa Pasternaka “Doktor Zhivago”: Neskol'ko parallelei [Marina Tsvetaeva in Boris Pasternak's novel “Doctor Zhivago”: Several parallels]. *De visu*, 1992, no. 0, pp. 52–58. (in Russ.)

Raevskaya O. Boris Pasternak and Marina Tsvetaeva: k istorii druzhby [Boris Pasternak and Marina Tsvetaeva: Towards the history of friendship]. *Bulletin of the RSHD*, 1971, no. 100, pp. 281–305. (in Russ.)

Shevelenko I. Literaturniy put' Tsvetaevoy: Ideologiya, poetika, identichnost' avtora v kontekste epokhi [Tsvetaeva's Literary Way: Ideology, poetics, author's identity in the context of the epoch]. Moscow, New Literary Observer, 2015, 464 p. (in Russ.)

Tsvetaeva M., Pasternak B. Chrez likholetie epokhi...: Pis'ma 1922–1936 godov [Through the hard times of the epoch...: Letters of 1922–1936]. Prep. by I. Shevelenko and E. Korkina. Moscow, AST, 2017, 656 p. (in Russ.)

Tsvetaeva M. Complete works. In 7 vols. Moscow, Slovo, 1994. (in Russ.)

Voitekhovich R. S. Psikheya v tvorchestve M. Tsvetaevoy: evolyutsiya obraza i syuzheta [Psyche in the works of M. Tsvetaeva: the evolution of image and plot]. Tartu, Tartu Uni. Press, 2005, 164 p. (in Russ.)

Zholkovsky A. Poetika Pasternaka: invarianty, struktury, interteksty [Pasternak's poetics: invariants, structures, intertexts]. Moscow, New Literary Observer, 2011, 608 p. (in Russ.)

Сюжет, мотив, жанр

Информация об авторах

Владислава Олеговна Нурхаметова, студентка магистерской программы «Русская литература и компаративистика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Information about the Authors

Vladislava O. Nurkhametova, Student of the master's program "Russian and Comparative Literature" at the National Research University "Higher School of Economics"

*Статья поступила в редакцию 11.06.2023;
одобрена после рецензирования 12.07.2023; принята к публикации 12.07.2023
The article was submitted on 11.06.2023;
approved after reviewing on 12.07.2023; accepted for publication on 12.07.2023*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-55-69

**«Детство» Л. Н. Толстого
в романе Марины Степновой «Сад»**

Ксения Вадимовна Абрамова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Аннотация

Статья посвящена анализу романа Марины Степновой «Сад» и интертекстуального воплощения в нем темы детства. Текст Марины Степновой построен так, что предполагает его прочтение именно с точки зрения интертекста: автор вплетает в повествование узнаваемые цитаты из различных произведений, которые рассматриваются как аллюзии, отсылающие к произведениям классической русской и зарубежной литературы. Мы рассматриваем роман Степновой с точки зрения отражения в нем повести Л. Н. Толстого «Детство», которая присутствует не в виде явного цитирования или прямой отсылки, как многие другие произведения, а в качестве «третьего текста», интерпретанты. Это позволяет проследить за реализацией некоторых мотивов, характерных для воплощения детской темы в русской литературе, например, мотива эдемского сада, мотива усадьбы и др. Кроме того, этот подход позволяет нам сопоставить отдельные фрагменты повести XIX в. и романа XXI в., проследить совпадающие элементы в этих эпизодах и прийти к выводу, что фантастический сад Борятинских в романе как будто «вырастает» из истории становления Николеньки Иртеньева. Отдельно мы останавливаемся на теме немоты, молчания, способности и невозможности выразить себя в слове, которая занимает значительное место в рассматриваемом произведении. Роман Марины Степновой «Сад» становится своеобразной пародией на роман воспитания, в нем присутствуют многие темы и мотивы, характерные для жанра Bildungsroman, но все они искажаются, пастишируются. В то же время в романе отсутствует важный элемент, характерный для данного жанра, – описание проявления детского сознания главной героини, тема детского восприятия реализуется через окружающих ее людей, других героев романа Марины Степновой, поскольку с ними оказываются связаны многочисленные обращения к теме детства. В результате мы приходим к выводу, что образ главной героини превращается в силу, управляющую всеми другими героями, отражает и подменяет фигуру автора.

Ключевые слова

тема детства, роман воспитания, пародийность, интертекстуальность, Л. Н. Толстой, «третий текст», интерпретанта, Bildungsroman, Марина Степнова

Для цитирования

Абрамова К. В. «Детство» Л. Н. Толстого в романе Марины Степновой «Сад» // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4. С. 55–69. DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-55-69

© Абрамова К. В., 2023

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4. С. 55–69
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 4, pp. 55–69

“Childhood” by L.N. Tolstoy in Marina Stepnova’s Novel “The Garden”

Ksenia V. Abramova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Abstract

Our article is devoted to the analysis of Marina Stepnova’s novel “The Garden” from the point of view of the intertextual embodiment of the theme of childhood in it. Marina Stepnova’s text is structured in such a way that it suggests reading it precisely from the point of view of intertext: the author weaves recognizable quotes from various works into the narrative, which are considered as allusions referring to the works of classical Russian and foreign literature. We consider Stepnova’s novel as a reflection in it of L. N. Tolstoy’s novel “Childhood”, which is present not in the form of an explicit citation or direct reference, like many other works, but as a “third text”, interpreters. This allows to follow the implementation of some motifs characteristic of the embodiment of children’s themes in Russian literature, for example, The Garden of Eden motif, the motif of the estate and others. In addition, this approach allows us to compare individual fragments of the story of the 19th century and the novel of the 21st century, trace the coinciding elements in these episodes and come to the conclusion that the fantastic garden of the Boryatinskys in the novel seems to “grow” out of the history of the formation of Nikolen’ka Irtenev. Separately, we dwell on the theme of muteness, silence, the ability and impossibility of expressing oneself in words, which occupies a significant place in the work under consideration. Marina Stepnova’s novel “The Garden” becomes a kind of parody of a parenting novel, it contains many themes and motives characteristic of the Bildungsroman genre, but they are all distorted, pastichized. At the same time, the novel lacks an important element characteristic of this genre – a description of the manifestation of the children’s consciousness of the main character, the theme of children’s perception is realized through the people around her, other heroes of Marina Stepnova’s novel, since numerous appeals to the topic of childhood are associated with them. As a result, we come to the conclusion that the image of the main character turns into a force that controls all other heroes, reflects and replaces the figure of the author.

Keywords

theme of childhood, novel of education, parody, intertextuality, L. N. Tolstoy, “third text”, interpretant, Bildungsroman, Marina Stepnova

For citation

Abramova K. V. “Childhood” by L. N. Tolstoy in Marina Stepnova’s Novel “The Garden”. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 4, pp. 55–69. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-55-69

Роман Марины Степновой «Сад» опубликован в 2020 г. и сразу же был отмечен вниманием критиков и читателей. В научных исследованиях, которые появились после выхода романа, неоднократно отмечалась интертекстуальная насыщенность романа «Сад»: в нем находят отсылки к произведениям Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, В. В. Набо-

кова и др.¹ Сама ткань текста Марины Степновой предполагает прочтение именно с точки зрения интертекста: автор вплетает в повествование узнаваемые цитаты из различных текстов, которые рассматриваются как аллюзии, отсылающие к произведениям классической русской и зарубежной литературы и позволяющие сопоставить героев и события романа Степновой с теми или иными образами из предшествующей литературы.

В то же время, по словам Вяч. Вс. Иванова, «цитаты могут рассматриваться как метонимические заместители целого текста» [Иванов, 1973, с. 19] либо быть «знаком другого текста, то есть любым видом его замещения» [Минц, 1973, с. 394], и подобные интертекстуальные отсылки как будто вписывают роман в ряд с классическими текстами, помогают создать фон для описываемых событий, хотя отсутствие обозначения цитат, их «присвоение» автором ведет к возникновению пародийности в тексте романа «Сад». Этот аспект мы рассмотрим позднее, сейчас же заметим, что «невыведенная кавычками цитата у Бахтина – это цитата с “пародийно-ироническими акцентами автора”» [Семенова, 2002, с. 41]². Кроме того, Н. В. Семенова в связи с рассуждениями о цитатах развивает положение о словах-сигналах: «Можно предположить, что слова-сигналы в прозаическом произведении обладают большими возможностями по сравнению с поэтическими текстами, позволяя осуществить сложный многоэтапный маневр при дешифровке цитаты» [Там же].

Одним из вариантов проявления в тексте романа Марины Степновой «Сад» цитат, которые становятся словами-сигналами, запускающими процесс расшифровки интертекстуальных отсылок, является первая же фраза, с которой начинается роман: «Что за прелесть эта Наташа!». Она не только отсылает к одному из основополагающих произведений русской литературы XIX в., что не раз упоминалось исследователями³, и предвосхищает появление главной героини романа, девочки Туси, неожиданного ребенка четы Борятинских, но и относится к самому творению Льва Николаевича Толстого: эта фраза вложена в уста Надежды Александровны, будущей матери героини, восхищающейся только что прочитанной книгой. Цитаты как будто получают материальное воплощение, мир романа превращается в бесконечную библиотеку, в ней появляются даже книги, которые не могли еще существовать в год выхода «Войны и мира» (как, например, мандельштамовская цитата «Россия, Лета, Лорелея» в рассуждениях о студенте, следившем за княжеской библиотекой⁴), хотя именно этим годом маркировано начало действия романа. Сама библиотека оказывается уничтоженной уже в самом начале романа, вскоре после рождения и спасения от гибели Туси. Создание и последующее разрушение образа библиотеки как будто продолжает игру автора с читателем, придает ироническое звучание и цитатам, и самому растиражированному образу мира как библиотеки, и в то же время как будто предсказывает финал романа.

¹ См., например: [Жукова, 2021; Щукина, 2022; Ребель, 2022; Безруков, Смирнова, 2023].

² См. также [Бахтин, 2017].

³ См., например: [Щукина, 2022; Ребель, 2022].

⁴ См. [Степнова, 2021б, с. 11].

Расшифровка явных и скрытых цитат в романе «Сад», обыгрывание их в тексте может стать материалом не одного исследования, мы же в нашей работе хотим подробнее остановиться на проявлении темы детства, которая играет немаловажную роль в романе Степновой. Причем, на наш взгляд, тема детства в романе «Сад» проявляется особым образом. С одной стороны, «Сад» встраивается в череду романов воспитания, и мотив становления героя, перехода от младенчества через детство и отрочество к юности и взрослому состоянию пронизывает все повествование. С другой стороны, описание изменений в характере и воззрениях человека, происходящих в процессе его взросления, которое является, согласно М. М. Бахтину, необходимой и отличительной чертой романа воспитания⁵, в произведении Марии Степновой приобретает специфические черты. Это заключается, например, в том, что, как мы покажем далее, описание детства Туси, главной героини романа, за чьим становлением и должен следить читатель, не сопровождается раскрытием ее восприятия и переживаний.

Кроме того, в связи с соотносением с жанром *Bildungsroman* и через упомянутую нами выше отсылку к «Войне и миру» Л. Н. Толстого в романе Марины Степновой, с нашей точки зрения, присутствует и другое, не менее известное, произведение Л. Н. Толстого – трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность». Но присутствие осуществляется не в виде явного цитирования или прямой аллюзии, а в качестве «третьего текста», интерпретанты⁶. В нашей статье мы хотим показать, как в романе Марины Степновой «Сад» проявляется включение в интертекстуальные связи первой части трилогии Л. Н. Толстого, повести «Детство».

Как указывает М. Ямпольский, «третий текст» за счет осуществляемого им напластования форм способствует преодолению однозначности «содержания», одновременно «расширяет» и «сужает» смысл, задает различные перспективы чтения, позволяет расшифровать «схему аномалий, которая не может быть нормализована с помощью одного интертекста» [Ямпольский, 1993, с. 81–82]. Например, использование при анализе романа «Сад» повести о взрослении Л. Н. Толстого позволяет говорить нам о расширении интерпретации эпизода описания долгих и мучительных родов, в которых мать и дитя почти погибают. Одно из центральных мест в «Детстве» Толстого занимает описание смерти и похорон матери, воздействия этих событий на Николеньку. Причем смерть удваивается: умирает также и Наталья Савишна, и эта двойная утрата служит своеобразной границей, обозначающей окончание детства героя. В произведении Степновой мать и дочь остаются живы, и смерть матери будет показана уже в финале романа, но здесь также происходит удвоение – могут погибнуть обе героини (заметим, позже девочка еще раз оказывается на грани жизни и смерти, но ее спасает вер-

⁵ См. [Бахтин, 1986, с. 209–216].

⁶ Об интерпретанте и ее функции в установлении интертекстуальных связей см., например: [Фатеева, 2012, с. 22–23; Ямпольский, 1993, с. 82–83]. К этой теме, на наш взгляд, примыкает и позиция И. П. Смирнова, который рассматривает интертекстуальность как слагаемое широкого понятия, сущность которого заключается в том, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе [Смирнов, 1995, с. 11].

нувшийся доктор Мейзель ⁷), и этот эпизод тоже становится пограничным, только он отмечает момент рождения героини.

Значение указанного отрывка подчеркивается еще и тем, что имя, прозвучавшее в первых же строках романа, появляется в качестве имени героини только одновременно с рождением девочки. Уже на грани смерти Надежда Александровна пытается припомнить имя своей дочери: «Она хотела позвать – но не знала как. Имя ребенка, которое она давно выбрала сама и твердо помнила еще несколько минут назад, ускользало, вместо него зудело в голове имя давно выросшей Лизы, и Борятинская отмахнулась от него, как от назойливой осы» [Степнова, 2021б, с. 62] ⁸. Автор в итоге подменит имя, использует уменьшительный, «детский» его вариант: «...а девочка все звала откуда-то из глубины холодного сладкого света – мама! мама! И вдруг Борятинская вспомнила. Наташа! – закричала она в ответ. И свет разом погас. И только в темноте, такой же непроницаемой, как свет, детский голос сказал отчетливо и сердито. Не Наташа. А Туся» (с. 62). Рождение и обретение имени происходит как будто по воле самой героини, ее мать превращается в статиста, марионетку, выполняющую требования еще находящейся в небытии, не появившейся на страницах романа девочки.

В центре сюжета романа «Сад» – семья Борятинских, только что переехавших в приобретенное имение Анна в Воронежской губернии. Отметим, что наравне с отсылками к литературным произведениям автор использует в романе и реальные факты, которые перерабатываются, переосмыслиются. Например, семья, в которой появляется на свет девочка Туся, может ассоциироваться с княжеским родом Борятинских ⁹, которым принадлежала реально существующая усадьба с необычным названием Анна ¹⁰, но перешло оно во владение к ним немного позже заявленного в романе времени, в 1873 г. К концу XIX в. оно стало крупным помещением, на территории которого были расположены винокуренный завод, маслозавод, кирпичный завод и конный завод. Заметим, что постройкой последнего заканчивается роман Марины Степновой – реальность и художественный мир произведения тесно переплетаются. К усадьбе, двухэтажный дворец в которой был уничтожен пожаром в 20-х гг. XX в., примыкает парк, в создании которого использованы завезенные лиственные и хвойные деревья. В романе же Степновой, он превращается в сад, по своей пышности и плодovitости родственный эдемскому:

⁷ Отметим, что изгнание немца еще до рождения Туси и роль воспитателя, которую он занимает после своего возвращения, может быть воспринято как своеобразное отражение в романе фигуры Карла Ивановича, учителя Николеньки из «Детства» Л. Н. Толстого, к этому мы еще вернемся.

⁸ Далее ссылки на роман делаются по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

⁹ Различия в написании фамилий реально существовавших людей и вымышленных персонажей тоже напоминает о романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

¹⁰ Это название вызывает ассоциации с романом Льва Толстого «Анна Каренина». О. В. Резник говорит о том, что это название задает древнееврейскую и христианскую символику в романе Марины Степновой [Резник, 2021, с. 80]. Кроме того, название поместья совпадает с именем одной из героинь – воспитанницы княгини Борятинской, которую все называют «детским» вариантом имени, Нютой, что как будто маскирует ее имя.

Вокруг был праздник – нескончаемый, щедрый, торжествующий. Сочная, почти первобытная зелень перла отовсюду, кудрявилась, завивалась в петли, топорщила неистовые махры. Надежда Александровна физически чувствовала вокруг тихое неостановимое движение: сонное пчелиное гудение, комариный стон, ход соков в невидимых прочных жилах, лопотание листьев и даже тонкий, натужный писк, с которым раздвигали землю бледные молодые стрелки будущих растений. Гёльдерлин, которого она так любила, бедный, бедный, сорок из отпущенных ему семидесяти трех лет прошедший под многокилометровой толщей прозрачайшего германского безумия, назвал бы этот сад гимном божественным силам природы (с. 15).

Ожидается, что образ сада, вынесенный в заглавие¹¹, представший величественным, великолепным, занимающий важное место в первой главе романа, сыграет значительную роль в повествовании, будет ключевым образом, но, как замечает Д. А. Шукина, он выполняет лишь функцию экспозиции, «своеобразной развернутой ремарки, эксплицируя “стилистическую изысканность” и порождая различного рода интертекстуальные отсылки <...> на сады дворянских поместий из русской классической литературы: тургеневские “дворянские гнезда”, бунинские яблоневые сады и, конечно, чеховский “вишневый сад”» [Шукина, 2022, с. 840]. Приведенные аллюзии не вызывают сомнений, все они оказываются вписанными в текст романа и открывают в нем дополнительные возможности прочтения. Добавим, что мотив сада в русской литературе не раз становился объектом научного интереса, упомянем лишь два исследования обобщающего характера: работу Д. С. Лихачева [1998] и недавнее обширное исследование «Сады Серебряного века. Литература. Живопись. Архитектура» [2022], но мы не будем подробно останавливаться на интертекстуальности образа сада, поскольку для нашего исследования важно, что в то же время образ сада ведет за собой интересующую нас тему детства, причем ее реализация может быть рассмотрена в разных аспектах. Мотив эдема как будто переносит действие в момент «до грехопадения», в «детство человечества», и это ведет к тому, что герои, княгиня, а затем и князь Борятинские, могут освободиться от всех требований и условностей общества.

Надежда Александровна Борятинская оказывается соблазненной этим природным изобилием, причем в тексте появляется и библейское яблоко («Надежда Александровна, дошедшая до яблонь, сорвала и закусила крепкое шишковатое яблочко, невзрачную уродушку, вскипевшую на губах теплым, душистым соком» (с. 15)), а затем автор напрямую воссоздает сцену грехопадения: «Надежда Александровна надкусила горячую сливу, протянула мужу – лопнувшую, почти библейскую, почти смокву, текущую голодом и медом, из сада маленькой, смуглоногой и тоже выдуманной Суламифи. На, возьми, милый. Попробуй» (с. 15). В результате между уже пожилыми супругами после двадцатипятилетнего брака вспыхивает страсть – и рождается дочь, Наталья Владимировна Борятинская, Туся, необыкновенный ребенок, становящийся центром повествования.

Другой же аспект темы детства, связанный с описанием сада в романе Марины Степновой, мы можем выявить, если обратимся к повести Л. Н. Толстого «Детство» как к интерпретанте. В первую очередь, такое обращение подсвечивает мотив

¹¹ О значении заглавия в романе Марины Степновой см., например: [Стрельникова, 2023].

усадебны как места, где ребенок получает первое восприятие окружающего мира, и природные явления естественным образом входят в круг воздействующих на него вещей. Но также, на наш взгляд, становится возможным сопоставление описаний, появляющихся и в повести XIX в., и в романе XXI в.

В дополнение к уже приведенным отрывкам из произведения Степновой рассмотрим следующий фрагмент: «Надежда Александровна задрала голову – мир над ней крутанулся, зеленый и алый, темно-гладкий, насквозь пронизанный светом, наливной, – и засмеялась от радости. <...> Надежда Александровна подпрыгнула и сорвала тяжелую горячую ягоду» (с. 16). Сад превращается в целый мир, поглощает все вокруг, но его описание становится как будто гиперболизированным отражением пикника после охоты, открывающим главу «Игры» в повести «Детство»:

Охота кончилась. В тени молодых березок был разостлан ковер, и на ковре кружком сидело все общество. Буфетчик Гаврило, примяв около себя зеленую, сочную траву, перетирал тарелки и доставал из коробочки завернутые в листья сливы и персики. Сквозь зеленые ветви молодых берез просвечивало солнце и бросало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плешивую вспотевшую голову Гаврилы круглые колеблющиеся просветы [Толстой, 1935, с. 26].

Мотивы наполненности солнцем («насквозь пронизанный светом» в романе «Сад»; «колеблющиеся просветы» на всем вокруг в повести «Детство»), пышности и изобилия природы («зеленый и алый», «наливной» у Степновой; «зеленая, сочная трава» у Толстого) и даже появляющиеся в обоих текстах фрукты (в романе «Сад» в виде необычайного урожая, в «Детстве» в качестве подготовленного угощения) создают впечатление, что фантастический сад Борятинских как будто «вырастает» из истории становления Николеньки Иртеньева¹².

Заметим, что в «Детстве» Л. Н. Толстого после приведенного фрагмента следует описание игр, хотя и неудавшихся из-за нежелания принимать в них участие Володи, а в романе Марины Степновой сразу же после библейского вкушения плодов сада перед читателем впервые появляется Туся, причем тоже в сцене, которую можно назвать детской игрой:

¹² Мотив сада, который заполняет весь мир, конечно, связан с темой рая, и в этом варианте он встречается, например, в рассказе Татьяны Толстой «На золотом крыльце сидели...»: «Вначале был сад. Детство было садом. Без конца и края, без границ и заборов, в шуме и шелесте, золотой на солнце, светло-зеленый в тени, тысячеярусный – от вереска до верхушек сосен; на юг – колодец с жабами, на север – белые розы и грибы, на запад – комариный малинник, на восток – черничник, шмели, обрыв, озеро, мостки. Говорят, рано утром на озере видели совершенно голого человека. Честное слово. Не говори маме. Знаешь, кто это был?..» [Толстая, 2008, с. 37]. И в романе Степновой, и в рассказе Толстой тема детства сопровождается мотивом сада, который становится «мифопоэтической идиллической моделью детского топоса» [Рябцева, Топчиева, 2018, с. 57]. Кроме того, в описании детского мира-сада у Татьяны Толстой тоже появляются мотивы, перекликающиеся с повестью Л. Н. Толстого «Детство». Отметим также, что в произведении Т. Толстой переход от авторской речи к диалогу героев происходит незаметно, без графического оформления, как иногда это происходит и в романе М. Степновой «Сад». Об интертекстуальности потока сознания, вариантом которого выступает такой прием введения в текст мыслей и реплик героев, см. [Руднев, 1999].

Накрытый чай никто так и не распорядился убрать¹³ – на радость дроздам, устроившим в беседке быстрое вороватое пиршество. Молоко, жирное желтоватое, свернулось к утру, приказало долго жить. Сахарницу разорили муравьи. Они же разнесли по всему саду сладкие крошки. Пирог и правда вышел отменный. Горячие яблоки, корица, меренги. Одну из серебряных ложек уволочила обомлевшая от счастья мелко стрекочущая сорока, другая ложечка спаслась – соскользнула на пол, в щель, в спасительную темноту, дожидаясь своего часа, – через много лет ее увидит ловкая и глазастая Туся, протянет Нюте – смотри, что я нашла!

Две девочки – одинаковые плечики, одинаковые платица, одинаковые ниточки чистых проборов – склонятся над заманчивой вещицей, разбирая потемневший вензель. А, это мамина! Я знаю! Мамина! Пойдем покажем? И обе побегут, сшибая на ходу желтые бестолковые головы рослых одуванчиков. Нюта, как всегда, на полшага сзади (с. 20–21).

В этом эпизоде, появляющемся в тексте еще до описания рождения Туси, автор «запутывает» читателя, который пока не знает всех последствий случившегося. Загадка заключается и в том, что здесь появляются две девочки, подчеркнута одинаковые – Туся и Нюта, и неясно, кто из них (а может быть, и обе) говорит о маме. В дальнейшем читатель обнаружит, что эта сцена практически невозможна: в имении появится и девочка Нюта, осиротевшая дочь швеи, принятая княгиней Борятинской на воспитание, но она будет отличаться от Туси настолько, что доктор Григорий Иванович Мейзель, первым определивший беременность Борятинской и ставший затем воспитателем Туси, возненавидит Нюту, которая выглядит гораздо более похожей на княжну, чем Туся.

К концу первой главы автор сообщит, что девочка Туся – немая («Ничего естественного в Тусином молчании не было. Она была немая. Совершенно. Немтырь. Захлопнувшаяся шкатулка» (с. 93)). После такого сообщения разговор двух девочек становится вовсе фантастическим, превращается в галлюцинацию, которая привиделась Надежде Александровне в экстатическом восторге. Отметим, что и «речь» девочки («А, это мамина! Я знаю! Мамина! Пойдем покажем?»), и встречающиеся ранее слова, которые произносит Надежда Александровна, обращаясь к своему мужу («На, возьми, милый. Попробуй»), не оформлены как прямая речь или реплика в диалоге, поэтому их принадлежность тому или иному герою как будто скрывается, и в то же время слова превращаются в часть внутреннего монолога героини, остаются произнесенными.

Тема немоты, молчания, а также связанная с этим тема языка, слова также занимает важное место в романе. Приведем некоторые примеры ее проявления в романе. Так, Тусю воспитывает немец (вспомним этимологические корни этого слова) Мейзель. В романе раскрывается история его рода (в главе «Отец», что нарушает читательские ожидания, об этом мы скажем ниже), и один из его предков, в возрасте 4 лет вывезенный из Москвы во времена Ивана Грозного, спасенный после казни его отца, тоже лекаря и полного тезки Григория Ивановича, знал шесть языков, и на всех заикался, за исключением русской брани. Многие персонажи романа дwoятся: удваиваются девочки в сцене с найденной чайной ложечкой, один прашур Мейзеля носит такое же имя, как и доктор, а другой испытывает

¹³ Отметим здесь еще одну переключку с приведенным эпизодом из повести Л. Н. Толстого «Детство»: в романе так же, как и в произведении Л. Н. Толстого, накрывают чай в саду.

трудности с речью, что тоже делает его своеобразным двойником Туси. Вообще, многих персонажей романа охватывает немота, невозможность выразить что-либо в слове или невозможность понять сказанное. Так, например, старших детей Борятинских встречает «незнакомый кучер, не то сонный, не то глухонемой», а Лиза в дороге молчит, потому что «устала наконец до полной немоты» (с. 34). Подобным явлением становится и то, что Надежда Александровна, страстно читавшая книги и собиравшая роскошную библиотеку, после рождения дочери разочаровывается в них, а после спасения девочки Мейзелем от смерти в младенчестве, все книги и вовсе уничтожаются.

Страстный порыв, приведший к зачатию Туси, тоже сопровождается языковыми аномалиями: «с того самого поцелуя в саду они и слова не сказали друг другу не по-русски – привычный французский не выдерживал живого, жаркого напора, жал непривычно в шагу...» (с. 23)¹⁴, а раньше, еще до соблазнения и «грехопадения», Надежда Александровна, отчитывая неумелую служанку, неожиданно вспоминает «детское» слово¹⁵: «Платок на ней сбился так, что видна была круглая, смазанная лампадным маслом макушка. Очень детская. Маковка, – вдруг вспомнила Надежда Александровна чудесное и тоже очень детское слово. Няня так говорила. Дай-ка я тебя, ласточка, в маковку поцелую» (с. 14).

Туся заговорит, доктор Мейзель найдет способ преодолеть этот недуг, но заговорит девочка отборнейшей нецензурной бранью. Происходит подмена детского слова, которое должно восприниматься нежным и невинным. На наш взгляд, в этом проявляется переворачивание, пародирование, пастиширование традиции жанра повести о детстве, который в русской литературе начинается в первую очередь с произведений Л. Н. Толстого.

Пародирование, или, возможно, пастиш, в романе Марины Степновой «Сад» возникает из-за двойственности в проявлении темы взросления героини, традиционной для романа воспитания. С одной стороны, нам рассказывается о рождении, воспитании, взрослении Туси, но, с другой стороны, мы всегда видим ее чужими глазами, ее сознание, ее восприятие остается практически недоступным, а передача особенности восприятия мира ребенком, а также изменения такого восприятия, как мы отмечали в начале нашей работы, – это частая составляющая жанра Bildungsroman. Приведенный и проанализированный нами выше отрывок о двух девочках, разыскавших забытую серебряную ложечку, – это практически единственный эпизод в романе «Сад», где явлено сознание девочки так подробно.

Ассоциации с «Детством» Льва Толстого возникают также, например, когда мы замечаем, что пять глав романа «Сад» называются «Мать», «Отец», «Дочь», «Брат», «Сын». Они воспринимаются как достаточно нейтральные и, конечно, не повторяющие напрямую заголовки в повести Толстого, но они очерчивают перечень близкородственных отношений, которые важны для мира ребенка, поскольку напрямую влияют на него.

¹⁴ Всего через несколько страниц Надежда Александровна сообщит супругу о неожиданной беременности, и разговор между ними будет вестись, вопреки упомянутому утверждению, на французском.

¹⁵ Тема детства у Степновой часто сопровождается рассуждениями о специфических словах, а само слово и его восприятие становится маркером детского сознания. Так происходит, например, в рассказах «Тудой» и «Боярышник» [Степнова, 2021а].

Эти названия также побуждают исследователей отнести произведение Степновой к жанру семейного романа (см., например, [Резник, 2021]), хотя, на наш взгляд, такое жанровое определение возможно тоже с оговорками, поскольку созданные заголовками читательские ожидания постоянно нарушаются (это также отмечалось в исследовательской литературе, например, в работе [Щукина, 2022]). Уже во второй главе, названной «Отец», происходит как будто сбой в таком повествовании. После прочтения первой главы, центральной фигурой которой является мать Туси, Надежда Александровна, читатель ждет, что дальше речь пойдет о Владимире Анатольевиче, отце девочки. Но в этой главе рассказывается о Григории Ивановиче Мейзеле, причем сначала речь идет об отце его предка. Фигура врача-немца, который взял воспитание девочки в свои руки, не может не напомнить об учителе Карле Ивановиче, обучавшем Николеньку в повести Л. Н. Толстого «Детство», но в романе «Сад» немец занимает место родителя, превращается в него. Владимир Анатольевич, настоящий отец Туси, постепенно исчезает, его пугает немота девочки, он тяготеет ее существованием и в итоге сбегает из имения Анна и со страниц романа. В романе «Сад» происходит еще одна метаморфоза, связанная с фигурой отца: упоминается, что Туся до 6 лет считает своим отцом коня Боярина и Григория Ивановича, которому девочка дает метонимическое прозвище «Грива» – как будто сокращение от его имени и отчества, таким образом доктор превращается в часть этого коня.

Подобное происходит и в других главах. В главе «Дочь» рассказывается история Нюты, которая больше похожа на княжну, чем Туся, и которая как будто заменяет Надежде Александровне дочь, становится сестрой Туси. Но после расторгнутой помолвки Нюта неожиданно исчезает из поместья, и это происходит совершенно незаметно для всех остальных героев романа, как будто ее и не было: «Нюточку они вспомнили всего однажды – и оба осеклись. Она ушла той же ночью, что и Мейзель, и никто не знал, куда исчезла. Будто водой черной смыло» (с. 392).

В главе «Брат» появляется не родной старший брат Туси ¹⁶, а новый персонаж – Виктор Радович, и кажется, что последний тоже каким-то образом войдет в семью Борятинских, став братом Тусе и Нюте ¹⁷, но он оказывается вовсе не братом, а женихом Нюты, а затем, неожиданно, мужем Туси. Героем же, к ко-

¹⁶ Он, заметим, остается практически безликим, тогда как старшая сестра Лиза имеет «вздернутую – как в “Войне и мире” – румяную верхнюю губу» (с. 39), что приближает ее к главной героине, к Тусе, названной в честь Наташи Ростовской. Это тоже создает ожидание, что Лиза появится далее в повествовании, но это ожидание тоже не оправдывается.

¹⁷ В начале главы «Брат» есть эпизод, который перекликается с проанализированным нами выше фрагментом о двух девочках: «Радович поскользнулся на предательски посыпанной снегом тропинке и шлепнулся звонко – со всего размаху. Синяя фуражка соскочила, запрыгала, пошла потешным колесом, и, побалансировав немного, нашла приют в грязной подтаявшей луже. Идущие впереди барышни оглянулись и захихикали, подталкивая друг друга. Одинаковые шапочки, одинаковые шубки, одинаково не прикрывающие коричневых форменных платиц. Только следы от каблучков – разные. Гимназистки». Именно описание двух гимназисток, как полностью одинаковых, напоминает о детях, отыскавших чайную ложечку: «Одинаковые плечики, одинаковые платица, одинаковые ниточки чистых проборов», – но гимназистки не оказываются Нютой и Тусей, с ними Радович познакомится значительно позже.

торому читатель может отнести заголовок этой части романа, становится ближайший друг Виктора Радовича – Александр Ульянов, брат Владимира Ульянова, который даже промелькнет в романе, страшно раздражая Виктора Радовича, поскольку вся семья Александра мешает ему наслаждаться обществом друга.

Участие Александра Ульянова в террористической организации и его арест приводят к бегству Радовича из Петербурга, попытке его затеряться в глуши, к появлению его в Анне. А образ Саши Ульянова становится единственным, вопреки ожиданиям, проведением в романе любовной темы. В романе даже возникает любовный треугольник между Радовичем, Нютой, чьим женихом он становится, Тусей, которая возвращается в имение и влюбляется в невероятно красивого молодого человека. Но ни роман с Нютой, ни отношения с Тусей, о которых читатель узнает практически в то же время, что и Надежда Александровна Борятинская, – после осуществленного тайного венчания, не описаны в романе, и мы ничего не знаем о чувствах, испытываемых героями (обманутая женихом Нюта, как мы упоминали выше, просто исчезает из имения). А вот дружба Виктора Радовича и Александра Ульянова описана подробно, и в финале романа, уже после сообщения о беременности Туси, как будто замыкающей круг всего повествования, начавшегося с беременности Надежды Александровны, появляется содержание последнего письма Александра Ульянова Радовичу, которое последний уничтожил, не прочитав:

Я люблю вас и потому не могу поступить иначе. Я люблю вас и потому не могу поступить иначе. Я люблю вас и потому не могу поступить иначе. Я люблю вас и потому не могу поступить иначе.

Вот что было написано в письме Саши Ульянова.

Я люблю вас и потому не могу поступить иначе.

Ровно, отчетливо, честно. Тысячу раз подряд.

Радович так и не узнал никогда.

Никто никогда не узнал (с. 413).

Вообще, в романе появляется подробное описание детства Радовича, которое как будто все укладывается в описание жестко соблюдаемого ритуала домашнего ужина, которого придерживается его отец, помешанный на древности и знатности их рода, несмотря на нищету, в которой они существуют. Появляется детство Григория Ивановича Мейзеля, но не непосредственно героя, а его предка, жившего в конце XV – начале XVI в., и даже мать героини, Туси Борятинской, во время родов превращается в маленькую девочку, которую держит на руках ее отец. В этих описаниях есть большое количество деталей, воспринятых детским сознанием, которые именно таким вниманием к детскому отсылают к повести Льва Толстого. А герои романа как будто дополняют друг друга, все они словно являются лишь отражением Туси, единственной, которая не мучается, не сомневается, управляет всеми: и Гривой, Григорием Ивановичем Мейзелем, и собственной матерью, и судьбой Нюты, и своим мужем, Виктором Радовичем. К тому же она решает судьбу сада, который мешает реализации ее замыслов, приказывает вырубить, уничтожить его.

Прочтение романа «Сад» через призму темы детства, объединяющую героев как бы в единое целое, позволяет увидеть, что «Сад» становится своеобразной пародией на роман воспитания, в нем присутствуют многие темы и мотивы, характерные для жанра Bildungsroman, но все они искажаются, пастишируются. Иг-

ра с искаженными отражениями, в том числе и темы детства, как будто задается уже в эпиграфе, который представляет собой зашифрованную фразу, ключ к прочтению которой довольно прост и состоит в зеркальном переворачивании фразы, но смысл эпиграфа все равно остается туманным. Привлечение повести Л. Н. Толстого «Детство» в качестве «третьего текста» подсвечивает то, что в романе отсутствуют проявления детского сознания главной героини, тема детского восприятия реализуется через окружающих ее людей, а сама Туся превращается в силу, управляющую всеми другими героями, отражает и подменяет фигуру автора.

Список литературы

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М., 1986. 445 с.

Бахтин М. М. Слово в романе. СПб., 2017. 229 с.

Безруков А. Н., Смирнова М. В. Диалог с литературной классикой в романе Марины Степновой «Сад» // Заметки ученого. 2023. № 3. С. 217–220.

Жучкова А. В. Де Сад. О романе Марины Степновой «Сад» (2020) // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 99–110.

Иванов В. В. Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Труды по знаковым системам: Сб. науч. ст. в честь М. М. Бахтина (к 75-летию со дня рождения). Тарту, 1973. Вып. 6. С. 5–45.

Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М., 1998. 471 с.

Минц З. Г. Функция реминисценций в поэтике А. Блока // Труды по знаковым системам: Сб. науч. ст. в честь М. М. Бахтина (к 75-летию со дня рождения). Тарту, 1973. Вып. 6. С. 387–417.

Ребель Г. М. Сад обреченный: «прогулка по садам российской словесности» Марины Степновой // Вестник Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-та. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 112–121.

Резник О. В. «Мысль семейная» как жанрообразующая категория в эпическом наследии Марины Степновой (на примере романа «Сад») // Наследие веков. 2021. № 4 (28). С. 79–84.

Руднев В. П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. М., 1999. 381 с.

Рябцева Н. Е., Топчиева М. В. Топос детства в современной русской литературе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 2 (29). С. 54–60.

Сады Серебряного века. Литература. Живопись. Архитектура / Сост. и науч. ред. Б. М. Соколова. М., 2022. 656 с.

Семенова Н. В. Цитата в художественной прозе (на материале произведений В. Набокова). Тверь, 2002. 200 с.

Смирнов И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). СПб., 1995. 192 с.

Степнова М. Л. Где-то под Гроссето: Рассказы. М., 2021а. 285 с.

Степнова М. Л. Сад: Роман. М., 2021б. 412 с.

Стрельникова Н. Д. Между замыслом книги и ее названием (роман М. Степновой «Сад») // Русское языкознание и литературоведение – 2022: Сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф., Тайбэй – Новосибирск, 15–17 декабря 2022 г. Новосибирск, 2023. С. 197–205.

Толстая Т. Н. Ночь. М., 2008. 416 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.. Серия первая «Произведения». М., 1935. Т. 1: Детство. Юношеские опыты. 355 с.

Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. М., 2012. 280 с.

Щукина Д. А. Интертекстуальность как прием организации пространства художественного текста: роман М. Степновой «Сад» // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 838–843.

Ямпольский М. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М., 1993. 464 с.

References

Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [The aesthetics of verbal creativity]. Comp. by S. G. Bocharov; text prep. by G. S. Bernshteyn and L.V. Deryugina; notes by S. S. Averintsev and S. G. Bocharov. Moscow, 1986, 445 p. (in Russ.)

Bakhtin M. M. Slovo v romane [Word in a novel]. St. Petersburg, 2017, 229 p. (in Russ.)

Bezrukov A. N., Smirnova M. V. Dialog s literaturnoy klassikoy v romane Mariny Stepnovoy “Sad” [Dialogue with literary classics in Marina Stepnova’s novel “The Garden”]. *Zametki uchenogo* [Scientist’s Notes], 2023, no. 3, pp. 217–220. (in Russ.)

Fateeva N. A. Intertekst v mire tekстов: Kontrapunkt intertekstual’nosti [Intertext in the world of texts: Counterpoint to intertextuality]. Moscow, 2012, 280 p. (in Russ.)

Ivanov V. V. Znachenie idey M. M. Bakhtina o znake, vyskazyvanii i dialoge dlya sovremennoy semiotiki [The meaning of M. M. Bakhtin’s ideas on the sign, utterance and dialogue for modern semiotics]. In: Trudy po znakovym sistemam. Sbornik nauchnykh statey v chest’ M. M. Bakhtina (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya) [Works on sign systems. Collection of scientific articles in honor of M. M. Bakhtin (on his 75th birthday)]. Tartu, 1973, iss. 6, pp. 5–45. (in Russ.)

Likhachev D. S. Poeziya sadov: k semantike sadovo-parkovykh stiley. Sad kak tekst [Poetry of gardens: towards the semantics of gardening styles. Garden as text]. Moscow, 1998, 471 p. (in Russ.)

Mints Z. G. Funktsiya reministsentsiy v poetike A. Bloka [The function of reminiscences in the poetics of A. Blok]. In: Trudy po znakovym sistemam. Sbornik nauchnykh statey v chest’ M. M. Bakhtina (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya) [Works on sign systems. Collection of scientific articles in honor of M. M. Bakhtin (on his 75th birthday)]. Tartu, 1973, iss. 6, pp. 387–417. (in Russ.)

Rebel’ G. M. Sad obrechenny: “progulka po sadam rossiyskoy slovesnosti” Mariny Stepnovoy [The doomed garden: “a walk through the gardens of Russian literature” by Marina Stepnova]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya no. 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series no. 3. Humanities and social sciences], 2022, no. 1, pp. 112–121. (in Russ.)

Reznik O. V. “Mysl’ semeynaya” kak zhanroobrazuyushchaya kategoriya v epicheskom nasledii Mariny Stepnovoy (na primere romana “Sad”) [“Family Thought” as a genre-forming category in the epic legacy of Marina Stepnova (using the example of the novel “The Garden”)]. *Nasledie vekov* [*Heritage of centuries*], 2021, no. 4 (28), pp. 79–84. (in Russ.)

Rudnev V. P. Slovar’ kul’tury XX veka: klyuchevye ponyatiya i teksty [Dictionary of 20th century culture: key concepts and texts]. Moscow, 1999, 381 p. (in Russ.)

Ryabtseva N. E., Topchieva M. V. Topos detstva v sovremennoy russkoy literature [Topos of childhood in modern Russian literature]. *Aktual’nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [*Current issues of modern philology and journalism*], 2018, no. 2 (29), pp. 54–60. (in Russ.)

Sady Serebryanogo veka. Literatura. Zhivopis’. Arkhitektura [Gardens of the Silver Age. Literature. Painting. Architecture]. Comp. and scientific ed. by B. M. Sokolov. Moscow, 2022, 656 p. (in Russ.)

Semenova N. V. Tsitata v khudozhestvennoy proze (Na materiale proizvedeniy V. Nabokova) [Quote in fiction (Based on the works of V. Nabokov)]. Tver, 2002, 200 p. (in Russ.)

Shchukina D. A. Intertekstual’nost’ kak priem organizatsii prostranstva khudozhestvennogo teksta: roman M. Stepnovoy “Sad” [Intertextuality as a method of organizing the space of a literary text: M. Stepnova’s novel “The Garden”]. *Dinamika yazykovykh i kul’turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* [*Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*], 2022, no. 7, pp. 838–843. (in Russ.)

Smirnov I. P. Porozhdenie interteksta (Elementy intertekstual’nogo analiza s primeryami iz tvorchestva B. L. Pasternaka) [The generation of intertext (Elements of intertextual analysis with examples from the work of B. L. Pasternak)]. St. Petersburg, 1995, 192 p. (in Russ.)

Stepnova M. L. Gde-to pod Grosseto: Rasskazy [Somewhere near Grosseto: Stories]. Moscow, 2021, 285 p. (in Russ.)

Stepnova M. L. Sad: Roman [The Garden: A Novel]. Moscow, 2021, 412 p. (in Russ.)

Strelnikova N. D. Mezhdru zamyslom knigi i ee nazvaniem (roman M. Stepnovoy “Sad”) [Between the idea of a book and its title (novel by M. Stepnova “The Garden”)]. In: *Russkoe yazykoznanie i literaturovedenie – 2022* [Russian linguistics and literary criticism – 2022]. Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Taipei – Novosibirsk, December 15–17, 2022. Novosibirsk, 2023, pp. 197–205. (in Russ.)

Tolstaya T. N. Noch’ [Night]. Moscow, 2008, 416 p. (in Russ.)

Tolstoy L. N. Polnoe sobranie sochineniy. Seriya pervaya “Proizvedeniya” [Complete collection of works. First seria “Works”]. Moscow, 1935, vol. 1, 355 p. (in Russ.)

Yampolskiy M. Pamyat’ Tiresiya. Intertekstual’nost’ i kinematograf [Memory of Tiresias. Intertextuality and cinema]. Moscow, 1993, 464 p. (in Russ.)

Zhuchkova A. V. De Sad. O romane Mariny Stepnovoy “Sad” (2020) [De Sade. About Marina Stepnova’s novel “The Garden” (2020)]. *Voprosy literatury* [*Questions of literature*], 2021, no. 1, pp. 99–110. (in Russ.)

Абрамова К. В. «Детство» Л. Н. Толстого в романе Марины Степновой «Сад»

Информация об авторе

Ксения Вадимовна Абрамова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Ksenia V. Abramova, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 11.06.2023;
одобрена после рецензирования 12.07.2023; принята к публикации 12.07.2023
The article was submitted on 11.06.2023;
approved after reviewing on 12.07.2023; accepted for publication on 12.07.2023*

Научная статья

УДК 82-091

DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-70-111

Фальсификаты рукописей Григория Распутина Новейшего времени и их распознавание

Петр Александрович Дружинин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
Москва, Россия

petr@druzhinin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3097-3375>

Аннотация

Никогда ранее рукописное наследие Григория Распутина не становилось предметом научного рассмотрения. Прежде всего потому, что рукописи Распутина в принципе не отделялись от сохранившегося корпуса его текстов, сохранившиеся же его тексты напечатаны лишь частично, обычно без надлежащей текстологической подготовки. В этой связи автором статьи в процессе работы был сформирован максимально полный корпус рукописей Распутина из архивов и музеев России и мира, и далее на основании изучения этого корпуса оказалось возможным выявить и зафиксировать основные лингвистические и археографические характеристики рукописного наследия Распутина. Процесс формирования корпусов рукописей отдельных авторов и последующее критическое рассмотрение этого корпуса закономерно и неминуемо приводят к отчуждению из этого корпуса ряда рукописей по причинам их несоответствия характеристикам основного массива рукописей. Так произошло и при изучении корпуса рукописей Григория Распутина, когда чуждыми оказались несколько недавно обнаруженных его писем и записок.

По мнению автора статьи, верность выводов экспертизы памятников письменности напрямую зависит от знакомства эксперта с эталонными образцами в подлиннике. Но поскольку ранее корпус рукописей Распутина не был сформирован, то экспертиза производилась по репродукциям, причем без глубокого источниковедческого и лингвистического анализа рукописей. Это неминуемо приводило к ошибочным выводам, в частности к принятию вторичных рукописей за подлинники Распутина.

Для подтверждения своих тезисов автор производит подробное рассмотрение пяти рукописей, которые были выявлены в Новейшее время и получили признание специалистов в качестве подлинников. Основным, но не единственным аргументом, которым автор пытается опровергнуть выводы специалистов, оказывается лингвистический анализ. Именно язык Григория Распутина, по мнению автора, является основным критерием, согласно с которым можно выносить вердикт о подлинности той или иной рукописи этого исторического деятеля.

Ключевые слова

Григорий Распутин, текстология, язык писателя, автограф, фальсификат, экспертиза

© Дружинин П. А., 2023

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2023. № 4. С. 70–111

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 4, pp. 70–111

Благодарности

Автор выражает признательность профессору Михаилу Попову (СПбГУ) за советы и замечания, а также Александру Соболеву, прочитавшему текст перед публикацией

Для цитирования

Дружинин П. А. Фальсификаты рукописей Григория Распутина Новейшего времени и их распознавание // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4. С. 70–111. DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-70-111

Modern Falsifications of Grigory Rasputin's Manuscripts and Their Identification

Petr A. Druzhinin

V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

petr@druzhinin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3097-3375>

Abstract

Never before has the handwritten legacy of Grigory Rasputin become the subject of scientific scrutiny. This gap is explained by the fact that Rasputin's manuscripts has never been separated from the surviving corpus of his texts, which were published only partially and without appropriate textual preparation. Therefore, the author tried to compile a complete corpus of Rasputin's manuscripts found in the archives and museums of Russia as well as from the rest of the world. This exercise enabled him to identify and record the main linguistic and archaeographic characteristics of Rasputin's manuscript heritage.

The process of compiling a corpora of manuscripts of an individual author and its subsequent critical examination naturally and inevitably leads to the isolation of a number of manuscripts from this corpus for reasons of their inconsistency with the characteristics found in the main body of manuscripts. The recent study of the corpus of Grigory Rasputin's manuscripts revealed that a number of his newly discovered letters and notes turned out to be alien.

It is evident that the accuracy of the conclusions drawn from the examination of written monuments directly depends on the expert's familiarity with the reference samples in the original. But since the corpus of Rasputin's manuscripts had not previously been formed, the examination was carried using reproductions, and without a deep source study or linguistic analysis of the manuscripts. This inevitably led to erroneous conclusions, in particular, to the recognition of secondary manuscripts as Rasputin's originals.

To confirm his theses, the author carries out a detailed examination of five manuscripts that have been identified in recent years and have been recognized by experts as originals. The main, but not the only argument with which the author tries to refute the conclusions of experts, is a linguistic analysis. The linguistic characteristics of Grigory Rasputin's idiom provide us with the main criterion according to which one can reach a verdict on the authenticity of a particular manuscript authored by this historical figure.

Keywords

textual criticism, Grigory Rasputin, Romanov's, manuscript, signature, fake, counterfeit, forgery, falsifier

Acknowledgments

The author expresses his gratitude to Professor Mikhail Popov (St. Petersburg University) for his valuable advice and comments, as well as to Alexander Sobolev, who read the text meticulously prior to its publication

For citation

Druzhinin P. A. Modern Falsifications of Grigory Rasputin's Manuscripts and Their Identification. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 4, pp. 70–111. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-70-111

Введение

Рукописное наследие Григория Распутина остается замечательным явлением русской письменности. Общеизвестная формула «Милой дорогой извиняюсь», которой начинаются наиболее известные автографы, создает впечатление простоты, даже ходульности его посланий; другая крайность – попытка видеть за любым его текстом если не пророчество, то невероятную глубину мысли. Однако ни общеизвестность почерка Распутина, ни его выдающаяся роль в истории не способствовали тому, чтобы его рукописи были рассмотрены как отдельное явление.

Последнее объяснимо: никогда «автографичность» не была определяющей при изучении его литературного и эпистолярного наследия. Иначе говоря, дошедшие до нас авторские рукописи не выделялись из обширного корпуса его текстов. Сохранились же его тексты различно: духовно-нравственные сочинения – в списках или печатных изданиях; эпистолярный – в рукописях и списках разного времени и различных редакциях, а также в виде факсимиле.

Отмечается интерес к его рукописям как к предметам коллекционирования: «Письма его, написанные безграмотно, с крестом наверху, письма, как пишут обыкновенно лица духовные, ходили во множестве по рукам и составляли предмет своеобразной пикантности; находились любители, которые покупали их и коллекционировали» [Белецкий, 1923, с. 32–33]. Любое же коллекционирование рождает и побочный эффект – появление фальсификатов для удовлетворения спроса на предметы собирательства.

Первые случаи фальсификации рукописей Распутина отмечены в начале 1910-х гг.: 6 ноября 1912 г. Г. С. Петров получил письмо «Ледактору Руцкаго Слова от Гришатки Распутина из села Пакровского из Тобольской губернии» с укоризнами за публикации о Распутине¹; всего он получил два таких письма. Ничего общего с почерком старца рука «Гришатки» не имела, что и было впоследствии установлено [Миронова, 2003]. Впрочем, мнение, будто «фальшивые записки с широко известными *милый, дарагой, памаги* сотнями ходили по рукам в Петербурге» [Там же, с. 165], фактическим материалом не подтверждается. Упомянутое же письмо было связано не с коллекционированием, а с попыткой адептов Распутина воздействовать на газету. Не таковы фальсификаты Новейшего времени: они достигают порой достаточно высокого уровня убедительности.

Вряд ли можно выявить фальсификаты, не изучая рукописное наследие Распутина целиком. Именно так и возникла настоящая работа, когда в процессе изучения и критического рассмотрения корпуса рукописей Распутина мы смогли отделить зерна от плевел. Но прежде, чем рассмотреть корпус, надлежало решить первоначальную задачу – этот корпус сформировать, т. е. выявить рукописи Распутина. Последние сохранились как в составе комплексов, так и в виде неболь-

¹ НИОР РГБ. Ф. 259. Карт. 25. Ед. хр. 61. Л. 1–4 (цитата – л. 3).

ших подборок или отдельных листов в архивах и музеях²; единичные рукописные памятники были зафиксированы в частных собраниях, использовались факсимильные воспроизведения в печатных изданиях и аукционных каталогах. Общая численность именно подлинных рукописей, которые были нами выявлены, просмотрены и скопированы в государственных архивах и музеях России и впоследствии использованы в исследовании, – 265 листов (если текст имеется на обеих сторонах, мы считали это за один лист), а также одна надпись на обороте деревянной иконы. Представляется, что сформированный корпус является в значительной мере исчерпывающим, а его приращение если и возможно, то лишь единичными автографами.

Изучение корпуса позволило выявить индивидуальные черты текстов Распутина – графико-орфографические, фонетические и грамматические. Одновременно отмечались и археографические особенности: материал письма, формуляр, приемы использования бумажного листа и т. д. Резюмируем некоторые из обобщений.

Можно сделать вывод, что письмо Распутина, с учетом «передачи звуков речи буквами», в значительной мере приближено к фонетическому, что обычно для тех, кто овладел лишь правилами графики, но не орфографии. В нем отражаются в том числе и диалектные особенности Тобольского уезда. Несмотря на обычную для малограмотных людей вариативность в целом ряде частотных слов, у Распутина отмечаются и устойчивые написания, а также традиционные особенности в рукописях разного типа. Записки Распутина, несмотря на кажущуюся неряшливость в оформлении текста, очень лапидарны и содержательно незатейливы, хотя прочтение их не всегда легко. Несмотря на некоторые темные места в рукописях, письменный язык Распутина связный, он ни в коем случае не является набором непонятных фраз или отдельных слов: подобное если мы и видим в некоторых публикациях, то происходит это от неверной транскрипции, отсутствия навыка чтения рукописей Распутина и непонимания принципов его письма.

Сформированный корпус наряду с общей характеристикой позволил не только наметить более обширные планы по изучению рукописей и языка Распутина, но и выделить те из них, которые оказались по каким-либо параметрам неорганичными, т. е. списками или фальсификатами. И те, и другие могут оказывать деструктивное воздействие на науку: нередко фальсифицированные тексты попадают в книги и монографии в качестве подлинных.

Вопрос экспертизы остается дискуссионным: во-первых, случаи ошибок экспертов возможны и, вообще говоря, допустимы, во-вторых, любое экспертное заключение почти всегда остается мнением конкретного эксперта. Нередко фальсификат защищен от посягательств целым арсеналом средств: финансовых, административных, иных. Как результат – ученые, долг и призвание которых состоит в утверждении истины, остерегаются касаться вопросов подлинности. В настоящем случае мы избрали пять примеров, чтобы показать, как могут различаться мнения специалистов на один и тот же памятник письменности.

² ГА РФ, РГАДА, РГАЛИ, ГЦМСИР (Москва); РГИА, ОР РНБ, ИРЛИ, ГМПИР, ГМИР (Санкт-Петербург); КККМ (Красноярск), ГАСО (Екатеринбург); НИОР РГБ (подделки 1912 г.); Б-ка Колумбийского университета (США).

Рукопись I

Это письмо было отправлено 20 января 1910 г. из с. Покровского Тобольской губернии настоятельнице Ивано-Введенского монастыря Марии (Дружининой). Это лист, заполненный с обеих сторон синими чернилами, вложенный в конверт, прошедший почту. В экспертном заключении РГБ (эксперт Ю. С. Белянкин), указывается, что письмо является «особо ценным документом в связи с его культурно-историческим значением и автографичностью»; эксперт считает, что «интенсивная переписка Распутина с игуменьей Марией является общеизвестным фактом», и предполагает, что письмо это происходит из разоренного в начале 1920-х гг. монастырского имущества.

На наш взгляд, даже беглое сравнение этого письма с рукописями Распутина позволяет отметить нехарактерность почерка; а язык письма, имитирующий малограмотность Распутина, не соответствует языковым особенностям подлинных рукописей. Скажем, в языке Распутина не отражается аканье, а наблюдается характерное для тобольских говоров иканье, т. е. мы можем косвенно почти точно утверждать, что старец окал (что подтверждается современниками [Джанумова, 1923, с. 11]) и писал по произношению.

Здесь же мы видим «багамолец», тогда как в рукописях Распутина слова с корнем «бог», достаточно частотные, не пишутся через «а»; также завершающее «молись ма<?>лис малис», где аканье соседствует с одновременным различным написанием одного и того же слова. Также в подлинных рукописях не увидим местоимений первого лица в написании «мене» (мне) или «ми» (мы). Имитацией малограмотности выглядит написание буквы «ер» (ныне именуемой твердым знаком) на конце слова после гласной – «женский», хотя в дореформенной орфографии «ъ» указывал на твердость согласного, и подобных случаев в подлинных рукописях мы не наблюдаем. Пропуск букв и слогов, встречающийся и у Распутина, обычно не сопровождается ошибочным фонетическим написанием, тогда как в этом письме мы видим, например, «незиют» (не знают).

Имеется ряд неприемлемых фактов с историко-биографической стороны: трудно представить, чтобы Распутин благословлял матушку Марию, а уж тем более давал ей духовные наставления. Всё обстояло наоборот: в подлинной переписке он сам испрашивает у нее благословения и никогда не позволяет себе обращаться к игуменье на «ты»; в данном контексте выглядит невозможным неоднократное побудительное «молись».

Этот фальсификат не возник сам собою: он сделан с использованием подлинников – воспроизведений писем Распутина к игуменье [Тихон, Бухаркина, 2013, с. 234–244]. Именно поэтому был избран синий цвет чернил (довольно редкий для Распутина), а также повторен конверт. На нем остановимся особо.

Обычно конверт, имеющий отметки почты, не только позволяет датировать то или иное письмо, но и является серьезным аргументом в пользу его аутентичности.

На лицевой стороне мы видим календарный почтовый штамп села Покровское Тобольской губернии с цифрами «20 01 10», на обороте – г. Тобольска с цифрами «24 01 10»; т. е. письмо было принято в Покровском 20 января 1910 г., а 24 января получено в Тобольске.

Удивляют два обстоятельства; первое – отсутствие марки: вряд ли Распутин имел полномочия пользоваться почтой бесплатно; второе – продолжительность пересылки: Покровское отстоит от Тобольска на 162 версты по зимнему пути почтового тракта Тобольск – Тюмень, и письмо должно идти 1–2 дня (почта ходила ежедневно, неприсутственные дни на эти числа не выпадали) [Памятная книжка..., 1907, с. 6, 88, 107].

На оригинальном конверте в публикации 2013 г. отчетливо виден календарный штемпель Покровского с датой «17 11 11». Фальсификаторы не только повторили текст, но даже сберегли ошибочно написанные Распутиным буквы «ст» – «монастырь», что несколько навязчиво. Штемпель же был заново изготовлен по факсимиле, что подтверждается следующим: воспроизведение оказалось искажено при верстке издания, и штемпель оказался не круглым, а слегка овальным: фальсификат сделан такой же овальной формы. Напомним, что овальными были почтовые штемпели железнодорожных почтовых контор, но обычные имели форму круга, как и на подлинном конверте. Для убедительности на конверт красным карандашом нанесены цифры «71», чтобы создать впечатление фоллиации Уральского облпартархива.

Но как еще доказать, что перед нами фальсификат? Не всегда можно отметить нечто, что станет неопровержимым доказательством; чаще отмечается критическое число отличий, которые не дают возможности признать документ подлинным. Однако в данном случае такое доказательство нашлось.

Изучая рукопись, ученый должен досконально, в силу своих профессиональных способностей, рассмотреть с различных сторон каждый факт в документе. Одним из фактов являются почтовые штемпели: да, один из них приплюснут, но это нам показалось недостаточным для категоричных выводов. И мы начали сравнивать имеющиеся штемпели с. Покровского, Тобольска и прочих городов на отправлениях того времени. Как мы сказали, на подлинном конверте дата штемполя «17 11 11»; фальсификаторы решили написать письмо с другой датой, заказав штемпель-фальсификат с датой «20 01 10».

Но в календарных штемполях этого типа двузначные числа и месяцы указывались двумя цифрами, а однозначные – одной, что видно по приложенным иллюстрациям. О такой особенности фальсификаторы не ведали и заказали фальсификат штемполя согласно канцеляризму нашего времени, когда в двузначных цифрах перед цифрами первого десятка ставится ноль.

Примечательно, что, изучая подлинный конверт 1910 г.³, оборот которого не воспроизводился, мы нашли ответы на другие свои вопросы: именно на обороте имеется почтовая марка, погашенная штемпелем с. Покровского, а также штемпель Тобольска, который не только иного типа (что допустимо), но и имеет дату прибытия на следующий день после отправки.

Сравнение со всеми конвертами подлинных рукописей, прошедшими почту, показывает еще одну устойчивую особенность: Распутин наклеивал марку всегда на оборотную сторону, в центр, запечатывая ею конверт. Число «71» красным карандашом, которое мы видим на конверте, также фальсифицировано: лист с этим номером сохраняется в том же деле (ныне л. 73), однако это совсем не письмо Распутина.

³ ГАСО (г. Екатеринбург). Ф. Р-2610. Оп. 1. Д. 8. Л. 85б об.

Еще одно доказательство мы найдем, если задумаемся, где был Распутин в те январские дни 1910 г. В начале месяца он приехал в Петербург, где начал получать постоянные приглашения ко двору. Николай II оставляет в дневнике записи о встречах с «Григорием» начиная с 3 января. Приведем запись за тот самый день, в который Распутиным якобы было пущено письмо из села Покровского:

10-го января. Воскресенье. Стоял солнечный морозный день. В 11 час. пошел с детьми к обедне. После завтрака сделал хорошую прогулку, пока было светло. В 2 ½ <архитектор Н. П.> Краснов был у Аликс, обсудили некоторые вопросы втроем. Затем еще погулял. Читал после чая. Видел Григория недолго... [Дневники..., 2013, с. 448].

Рукопись II

Другое письмо адресовано иеромонаху Илиодору (Труфанову), сперва соратнику, а затем оппоненту старца. Написано оно чернилами коричневатого цвета на одной стороне листа, верхний его край опален, но текст не задет. Касается письмо хрестоматийных событий биографии Распутина – разлада с епископом Феофаном (Быстровым), который ввел Распутина в высший свет, он же в 1911 г. пытался удалить его от царской семьи, но не преуспел.

Подлинность письма и исторический контекст установлены заключением РГБ, в котором эксперт Ю. С. Белянкин отмечает, что «представленный документ может считаться (Приказ МК РФ от 18.01.07 № 19) особо ценным. Обладает исторической, культурной, коллекционной ценностью музейного уровня». Не имея возможности поддержать эти выводы, выскажем свое мнение.

В целом, когда исследуется памятник письменности, следует обращать внимание на несвойственные особенности. Опаленный край – как раз из разряда таковых. Трудно объяснить, почему, если уж огонь коснулся рукописи, пострадал лишь край. Подобное – лишний повод отнести к ней с особым вниманием.

При сравнении с эталонными рукописями становится очевидно, что письмо написано кем-то другим. Мы видим множество фактов языка, неприсущих Распутину: текст этого послания нарочито несвязный, полон ошибок правописания, чуждых старцу. Здесь имеются как будто признаки малограмотности – «веня» (вместо «меня»), «завистя» (вместо «зависти»); несвойственное языку Распутина аканье, очевидное по написаниям «Феафан» (у Распутина «с Фиофаном»⁴), «рядам» (вместо «рядом»). Отдельно скажем об имени адресата, которое в этом письме написано через «і» («и» десятиричное) – «Иліодорушко»: в подлинных рукописях Распутина пишется всегда через «и» восьмеричное: «уиладора» (у Илиодора), «оиладоре» (о Илиодоре), «вот илиодор»⁵. Также Распутин не употребляет в рукописях возвратного местоимения первого лица «мя», которое мы видим в этом письме; не встречается у него случаев написания твердого знака после гласной на конце слова («клевецаь»), что вообще нетипично для тех, кто писал при прежних нормах орфографии и понимал значение этой буквы; подпись также чужда подлинникам: точка от «і» («и» десятиричного) поставлена над буквой «р».

⁴ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 393. Л. 227 об.

⁵ Там же. Л. 216, 219, 224 об.

Однако есть в этой рукописи и совершенно удивительные явления письменного языка: употребление графемы, которая, по замыслу фальсификаторов, должна обозначать букву «ять». В рукописях Распутина не встречаем этой буквы: старец ее не употреблял, заменяя или буквой «е» или даже буквой «и» – «вера» вместо «вѣра»⁶, «едут» вместо «ѣдут»⁷, «сия» вместо «сѣмя»⁸ и т. д. (Последний случай – употребление Распутиным «и» на месте древнего «ять» перед мягким согласным – отражает и присущую сибирским говорам севернорусскую особенность).

Причем здесь «ѣ» встречается дважды: в местоимениях «онѣ» и «ѣмъ» (в значении «им»). Поскольку во втором случае это графическая ошибка, можно сделать вывод, что писавший не только не знал правил употребления буквы «ѣ», но и не понимал какой звук у «ѣ», иными словами, писавший не понимал, что это за буква. Мы видим и следствие такого неведения: фальсификатор не в силах правильно эту букву написать, и строчная «ѣ» в этой рукописи представляет собой иную графему: это даже не «ять», а лигатура из букв «и» и «ь» (что объясняет и необычное употребление «ѣмъ» как «им»). Прописная «Ѣ» графически выглядит иначе, но этого не знали те, кто изготавливал этот фальсификат через столетие после изгнания этой буквы из русского алфавита.

Рукопись III

Еще одна рукопись – письмо императрице Александре Федоровне, отправленное 10 августа 1915 г. из Покровского. Оно написано на одном листе коричневых чернилами и вложено в почтовый конверт, на котором не только календарные почтовые штампы, но и штампель канцелярии императрицы с датой 25 августа 1915 г. Сопровождалось это письмо официальным заключением на бланке РГБ, подтверждавшим подлинность: «Особенности и качество бумаги и чернил конверта и записки, их внешний вид, особенности почерка и языка, содержание записки не противоречат датировке началом XX в., а также свидетельствуют о том, что представленный на экспертизу документ является подлинным письмом-автографом Григория Распутина», – пишет эксперт Ю. С. Белянкин. Он же отмечает «размашистую неумелую скоропись коричневыми чернилами почерком, характерным для записок» старца.

Мы считаем, что это также фальсификат, причем экспертом отмечено наиболее несвойственное – почерк и язык – как характерное для Распутина. Говоря о почерке, отметим нехарактерное начертание букв: «х» («въних»), «а» («сбирай»), «я» («отчянье»), а также хаотичное написание «к», которая в подлинных рукописях пишется одним и тем же характерным способом.

Но показателен именно язык, имитирующий язык Распутина: текст наводнен чуждыми языковыми фактами. Упомянутое «въних», как и предлоги вообще, Распутин при слитном написании обычно пишет без твердого знака после согласного. Если рассмотреть написание слов «милоя», «отчянье», «накраду» (награду), то даже если допустить описки Распутина, то гиперкорректное написание «милоя»

⁶ ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 61. Л. 93.

⁷ Там же. Л. 91.

⁸ Там же. Л. 25.

можно объяснить лишь ошибками в правописании безударных гласных в результате аканья, которого у Распутина не было.

Отметим другие факты, принципиально чуждые языку Распутина. Прежде всего, слово «сердце», которое Распутин пишет с пропуском непронизносимой согласной: «всердце» (в сердце)⁹, «сердце царев»¹⁰, «ивсердце уних» (и в сердце у них)¹¹, «серцем цевевым»¹². Также мы видим еще один пример гиперкорректного написания «о» вместо «а» – «воспосенье», тогда как Распутин пишет это слово через «а»: «дни спасенья»¹³, «даспасен будет» (да спасен будет)¹⁴. Нетипично для Распутина употребление «и» десятиричного – «утешанія», поскольку он использует эту букву по определенным принципам; не имеет аналогов и уже отмечавшееся в фальсификатах написание твердого знака в конце слова после гласного – «утешаяъ», поскольку это противоречит принципу письма Распутина, приближенному к фонетическому.

Говоря о посланиях Распутина ко двору, мы имеем массу источников для их верификации: его письма и телеграммы, особенно после покушения 1914 г., записывались и затем входили в духовно-нравственные сборники, сохранявшиеся у членов царской семьи¹⁵ и впоследствии опубликованные [Распутин-Новый, 1990]. Указанного письма в этих сводах мы не найдем, что оказывается еще одним аргументом в пользу неоригинальности рукописи. Можно предположить, что источником текста послужила телеграмма императрице от 5 августа 1915 г., начинающаяся словами «Душенька дорогая милая мама», в которой он единственный раз в переписке с царицей употребляет излюбленный им тип обращения «дорогусенька».

Разоблачителен конверт этого послания. Во-первых, там использован знакомый нам штемпель с. Покровское, тот же фальсификат неправильной формы, однако в календарной строке оставлено только число «10», а месяц и год замазаны (что неминуемо должно вызывать у специалиста подозрение). Во-вторых, опять нет марки, но теперь имеется штемпель «оплаченъ» рубленным шрифтом Новейшего времени. В-третьих, на оборотной стороне конверта мы видим два штемпеля: первый – «Петроград», в календарной строке которого не читается дата, видна лишь первая цифра от двузначного числа (2_), месяц не пропечатан, и далее год; второй штемпель – «Царское село», опять с нечитаемой датой, которая противоречит двум другим штемпелям, потому что начинается она с цифры «8», а это число никак не вписывается в наличие штампа канцелярии от 25 августа. Необычно само наличие штемпеля Петрограда: на письмах обычно не ставятся отметка промежуточных пунктов сортировки. Когда же ни на одном из штемпелей нет полной даты, это тревожный факт.

Обратим внимание на штемпель канцелярии. По замыслу, он должен был явиться лишним доказательством подлинности, но настораживают два обстоя-

⁹ ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 61. Л. 116.

¹⁰ Там же. Л. 21.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 644. Л. 4 об.

¹³ ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 61. Л. 21.

¹⁴ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 393. Л. 228 об.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 323. Л. 1–48; Ф. 612. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 – 38 об.; Ф. 651. Оп. 1. Д. 27. Л. 4 об. – 61 об.

тельства: первое – зачем почта сугубо личного характера (а общеизвестно, что царская семья скрывала коммуникации с Распутиным) регистрируется в канцелярии, где личная переписка государыни не фиксировалась; второе – откровенно необычный своей гротескностью шрифт этого штемпеля, достаточно современно-го нам дизайна.

Ответ на эти вопросы очевиден: перед нами фальсификат, который был поставлен на конверт для введения специалистов в заблуждение. Обратившись к архивным делам Канцелярии императрицы¹⁶, можно увидеть подлинный штамп, который ставился на регистрируемые документы и письма от сторонних лиц. Сравнение подтверждает наш вывод: фальсификаторы его упростили (а форму изменили до ровного овала).

Рукопись IV

Чем меньше объем рукописи, тем обычно сложнее распознать фальсификат: изготовитель ограничивает возможность допустить несоответствия, исследователю же предоставляется меньше сравнительного материала. Отсюда распространение фальсификатов, в которых текст машинописный, и лишь подпись добавлена от руки; но распознавание этих фальсификатов требует иного подхода [Дружинин, 2023, с. 507–510].

В этой рукописи всего несколько слов. Впрочем, аналоги известны: Распутин нередко раздавал своим последователям разного рода духовные афоризмы. Как вспоминал А. Симанович, «секретарь» старца, «Распутин любил поучать людей. Но он говорил немного и ограничивался короткими отрывистыми и часто даже непонятными фразами. Все должны были внимательно к нему <!> прислушиваться, так как он был очень высокого мнения о своих словах» [Симанович, 1928, с. 28].

Записка содержит семь слов и подпись «Григорій», при ней имеется заключение о подлинности РГБ (эксперты О. Р. Хромов и М. Е. Ермакова): «Текст написан коричневыми чернилами металлическим пером. По характеру начерка можно отметить довольно энергичную, нервную и совершенно необученную “чистописанию” руку. Начерк легкий, быстрый, уверенный, без видимой “задумчивости”, старательности. Буквы написаны в одном нажиме, движении пера, что исключает характер копийности и позволяет говорить об его оригинальности». Почерк «при внешних различиях в форме рисунка букв отличается довольно устойчивыми принципами построения букв, всегда идентичных по движению пера, моторике движения, отличаясь по ширине букв, всегда совпадает по принципам их соединения. При внешней искусственности, надуманности формы букв, стиля письма почерк и начерки отдельных букв отличаются легкостью и энергичностью движения. То же можно сказать и об автографе Г. Е. Распутина. В представленном документе он практически точно совпадает с опубликованным Ф. Ф. Юсуповым».

Поделимся своими наблюдениями. Относительно почерка нам сложно подержать выводы экспертов, и мы не отметили «устойчивые принципы построения букв» (сравните пять вариантов букв «т») или же принципы их соединения...

¹⁶ РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Д. 446. Л. 1, 4.

Подмена источниковедческого анализа рассуждениями из области психографии очевидна еще и по умолчаниям. В последние годы отмечается стремление фальсификаторов воспроизводить подлинный текст. Мы уже обращали внимание, как по образцам заново пишутся рукописи А. Ахматовой, М. Булгакова, даже Ленина. Приведем фрагмент воспоминаний [Джанумова, 1923, с. 12 (26 марта 1915)]:

– «Ну, дамочки, берите на память». Он роздал нам листы слов. Мне он написал: «Не избегай любви – она мать тебе». Одной даме – «Господь любит чистым сердцем». Моей горничной Груше, которая с жадным любопытством смотрела на него: «Бог труды любит, а честность твоя всем известна».

Иначе говоря, фальсификаторы могут быть подготовленными и как будто готовятся к встрече со специалистом, который найдет воспроизведенную ими цитату в мемуарах и воскликнет: «Вот же она, записка горничной Груше!»

Но в записке много чуждого Распутину. Это касается и почерка, в котором мы видим нехарактерные начертания – упомянутая нетипичная «т» («честь»), увеличенная петля у «я» («всякъ»), слитное написание «рі» (в подписи).

Особенно же показателен язык: в эталонных рукописях мы не встречаем написания «любет» (что еще и противоречит характерному иканью Распутина). Слово «звестна» (известна) тоже примечательно: несмотря на нередкий пропуск Распутиным букв, это касается чаще середины слова, однако его язык отражает и общерусское явление пропуска на письме непронизносимых согласных: он ее также почти всегда пропускает и пишет «сонце», «серце», «чувство», «извесный», «извесны» и т. д.

Разоблачительно в данном случае слово «честь», которое сохраняет «т», хотя для языка Распутина характерна особенность северных говоров, когда в сочетании двух глухих согласных «ст» второй, слабый по напряженности, на конце слова еще более ослабляется и происходит утрата «т» и «т'» в конечных «ст» и «с'т'» [Трубинский, 2004, с. 96]. Сказанное подтверждают рукописи, в которых мы видим написания «радось», «тоесь», «кротось», а также и «чесь»¹⁷ (вместо «честь»). Другими словами, несмотря на краткость записки, имеющиеся языковые данные принципиально отличаются от языка Распутина.

Для опровержения подлинности мы имеем еще один аргумент – крест в начале записки. Казалось бы, обычный крест... Но написание креста перед текстом – это не некий ритуал Распутина, а традиционное начало писем у духовных лиц, идеограмма слов «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», символическая инвокация, известная на Руси с домонгольских времен и встречающаяся еще в берестяных грамотах.

Корпус рукописей демонстрирует устойчивый принцип употребления этой инвокации: крест почти всегда входит в формуляр писем и писем-записок Распутина, имеющих конкретного адресата и характер послания (исключение составляют телеграммы, поскольку телеграф передавал только буквенные сообщения).

Не таковы рукописи другого формуляра: все выявленные записки с афоризмами, которые раздавал Распутин своим adeptам¹⁸, а также афористические надпи-

¹⁷ РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 644. Л. 11.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 713. Оп. 1. Д. 40. Л. 4; Ф. 612. Оп. 1. Д. 22. Л. 59а; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 710. Л. 167б, 167в; ГЦМСИР, инв. № 4772/415; РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 25. Л. 12; РГИА.

си на фотографиях или блокнотах¹⁹ и даже дарительные надписи на оборотных сторонах икон²⁰, не только не содержат имени адресата, но и никогда не имеют символической инвокации в виде креста. Это наблюдение однозначно решает вопрос подлинности не только данной записки, но и многочисленных обретаемых в последние годы афоризмов с крестом, выдаваемых за автографы Распутина.

Несоответствия записки эталонным рукописям как по почерку, так и по языку и по формуляру более чем достаточно, чтобы признать ее фальсификатом, а выводы экспертов – ошибочными.

Рукопись V

Интересна и единственная дошедшая до нас дарительная надпись Распутина на печатной книге. Она начертана на чистом листе Евангелия 1904 г. и имеет заключение о подлинности от отдела криминалистических экспертиз ЭКЦ «Вектор» (эксперт А. В. Загика), где указано, что «в результате сравнения почерка, которым выполнены исследуемые записи, с почерком Распутина Григория Ефимовича в образцах установлены их совпадения по всем общим и следующим частным признакам...»

Мы в своих работах уже отмечали, что привлечение криминалистов для решения вопросов подлинности древних рукописей, имеет свои особенности [Дружинин, 2023, с. 549–550]. И, соглашаясь с тем, что криминалист может оказать исторiku или филологу ощутимую помощь при распознавании фальсификатов, мы возражаем против безоглядного доверия криминалистам-почерковедам, которые, отвлекаясь от своей каждодневной работы с современными документами и почерками, обращаются к материалам иного периода, зачастую имея для сравнения только репродукции, и выносят вердикт о подлинности той или иной рукописи. Общеизвестны текстологические казусы, когда рукописи первой трети XIX в. усилиями криминалистов превращались в рукописи Пушкина без всяких на то оснований [Красноборошко, 1987].

На первый взгляд почерк записки действительно схож, но при сличении с подлинниками становится очевидно, что это только старательная копия, излишняя аккуратность которой отнюдь не единственный аргумент в пользу вторичности.

Заметны и противоречия собственно в почерке, на часть из которых мы укажем. Для Распутина характерно своеобразное написание буквы «х», по-видимому, по фонетическим причинам она нередко чередуется с «г»; эта фонетическая общность влияет и на графику: буква «х» у Распутина состоит не из двух линий (собственно их косое пересечение), а из трех. Основа буквы – изогнутая линия, кото-

Ф. 796. Оп. 205. Д. 779. Л. 4. Частн. собр., США (Fine Books and Manuscripts... [a Catalogue] / Sotheby's, December 2, 1987. New York, 1987. Lot 46; Частн. собр., США (Spring Historical Auction, Part II: [a Catalogue] / Alexander Historical Auctions, June 4, 2010. Chesapeake City, 2010. Lot. 775)

¹⁹ Надп. на фото: ГЦМСИР, Инв. 4443/2; ГМПИР, Инв. Ф.Ш-13854/1; факсим. в кн. «Мои мысли и размышления»; ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 47. Л. 13. Autograph Letters and Printed Books: [a Catalogue] / Christie's, May 19, 2000. London (South Kensington), 2000. Lot 103. Надп. на блокнотах: ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 309. Л. 1.

²⁰ ГМИР, инв. А-2841-IV; Соколов Н. А. Убийство царской семьи. [Берлин], Слово, 1925. Илл. 61.

рая полностью повторяет строчную «г», и далее к ней прибавляются два «хвостика», в результате чего и образуется «х», отсюда внешнее своеобразие этой буквы в почерке Распутина. В рукописи эта буква встречается дважды, и первый раз – «Христа» – написана почти как у Распутина, а второй – «бохъ» (в значении «Бог») – совершенно иначе, с пятью хвостиками, иного начертания, чем в эталонных рукописях. По-видимому, причина в том, что в качестве образца была взята подлинная графика Распутина, но не понята ее суть: иногда Распутин пишет основу, т. е. строчную «г», с острым верхом – аналогично начертанию верхней части строчной «з» (архаичная «земля») в кириллице или «ζ» («дзета») в греческом минускуле, – тем самым создается иллюзия пяти хвостиков, но в подлиннике мы видим именно характерный для Распутина графический прием.

Показателен также единственный случай употребления буквы «ж» («надежда»), которая также у Распутина имеет устойчивое своеобразное начертание, а в данном случае написана иначе. Нехарактерно и начертание буквы «ю» («Цилую»), овал которой в данном случае напоминает маюскульную «u» («ипсилон»), тогда как у Распутина овал всегда выписан полностью, подобно букве «о», что видно по приложенному воспроизведению письма В. Н. Воейкову²¹. Имеющаяся прописная «Ц» также нехарактерна для Распутина, у которого практически отсутствует различие прописных и строчных. И, наконец, совсем не похоже на то, как подписывался Распутин, написание первой «и» в подписи *«Григорий»*.

Чтобы не создалось впечатления, будто мы внедряемся в сферу чужой науки, обратимся к тому пласту информации, которым почерковеды традиционно не интересуются – к языку рукописи. Здесь мы находим немало того, чего мы не встретим в подлинном языке Распутина. Обращает внимание несвязность второй части текста «давай бох чтобы надежда наша вселилась на небеса»; одновременное, в двух соседних строках, различие окончаний местоимений и прилагательных мужского рода в родительном падеже единственного числа (-его / -аго) – «нашего» и «добра», впрочем, не исключено, что первый вариант имеет в силу контекста устойчивую коннотацию, связанную с церковной книжностью.

Много более серьезным отклонением мы считаем употребление местоимения мужского рода «нашева» (нашего): «чтобы надежда наша вселилась на небеса», т. е. в значении «наша» женского рода. Подобные речевые ошибки совсем нехарактерны для Распутина, чья письменная речь была и связной и в целом сравнительно грамотной.

Концовка надписи «Цилую ваш григоріи» также необычна для Распутина: каждое из трех слов вызывает вопросы. Рукописи Распутина демонстрируют характерные особенности концевой этикетной формулы, хотя чаще он ограничивается своим именем и/или фамилией, а в семейной и дружеской переписке – «обнимаю» или «целую». Из прочих мы отмечаем лишь три случая иных официальных формул: наследникам купца П. М. Набоких в Тюмени с просьбой о срочной присылке котла «уважающей Григорий»²², и дважды в посланиях к В. М. Лохтину, мужу верной последовательницы Распутина, который вел в газетах кампанию против старца: «Григорий Новый уважающий тя» и «ваш Григорий»²³. Эти на-

²¹ ГАРФ Ф. 1467. Оп. 1. Д. 628. Л. 5.

²² Там же. Ф. 612. Оп. 1. Д. 57. Л. 2.

²³ РГИА Ф. 1093. Оп. 1. Д. 393. Л. 173, 219 об.

блюдения заставляют сомневаться, чтобы формула «ваш» была употреблена Распутиным в дружеском инскрипте; тем более что его надписи на блокнотах и иконах вовсе лишены концевой этикетной формулы, даже подаренный императрице сборник духовно-нравственных текстов²⁴. В подписи «Григорий» мы наблюдаем уже отмеченную нехарактерную первую «и», а также отсутствие надстрочного знака у последней буквы, в большинстве случаев имеющегося в его рукописях.

Наиболее же показательно в данном случае слово «Целую»: мы не встречаем в рукописях такого написания, тем более что это слово частотно у Распутина именно в нормативном написании. Скажем, в посланиях Вырубовой: «ласково целую», «целую всех», «целую и люблю душой», «целую всех креп[б]ко», «целую ласково»²⁵, или же традиционное «целую» в конце написанных его рукой телеграмм²⁶.

И, наконец, мы видим в тексте нарицательное «любовь» в родительном падеже в склонении по имени собственному «любви», тогда как в рукописях Распутина это слово всегда склоняется как нарицательное существительное, с выпадением гласной: «отлюбви», «вопли любви», «непитает любви»²⁷.

Наблюдаемая языковая картина отличается от свойственной Распутину, характеризуется хаотичностью словоупотребления и орфографии, причем типичное соседствует с абсолютно чуждым. Указанного достаточно, чтобы признать рукопись неоригинальной.

Но оказалось возможным и установить, каким образом столь специфическая языковая картина была достигнута. Источником этого «автографа» послужили публиковавшиеся страницы так называемого рукописного «Дневника», который датируется началом 1910-х гг. и состоит из 11-ти листов²⁸. На фоне прочего наследия этот документ достаточно самостоятелен как по содержанию, представляя собой рассуждения о царской семье и дворе, так и по словоупотреблению: конъюнктурный, наполненный подобострастием текст менее свободен от просторечий и местами содержит кальки с церковной книжности. Последнее неминуемо отражается на орфографии, почему мы и наблюдаем включения нормативного написания, например, «нашего». Однако в любом случае «Дневник» представляет собой автограф Распутина, где проявляется его фонетический язык; это еще и важный образец почерка, хотя и явно более аккуратного, нежели личные письма и оригиналы телеграмм.

При сличении с рукописью «Дневника» выясняется, что ряд фрагментов «автографа» скалькирован (в прямом смысле) с этого текста, почему почти полностью, фотографически, повторяется графика этих фрагментов: «Братья мои имейте веру в Иисуса Христа нашего» (л. 2), «буге» (л. 2), «нашева» (л. 8 об.), «надежда» (л. 8 об.), «добрава ндрава и любовь» (л. 10 об.), «давай бохъ что бы» (л. 11). Для наглядности мы воспроизводим оригинальные фрагменты рукописи и фальсификат.

²⁴ ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 309. Л. 1.

²⁵ Там же. Ф. 612. Оп. 1. Д. 61. Л. 102, 108, 114, 115, 116.

²⁶ Там же. Д. 57. Л. 5, 15, 17, 52. Д. 56. Л. 39, 40, 44, 45, 46, 49, 52. Д. 55. Л. 1. Д. 54. Л. 1, 2.

²⁷ РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 644. Л. 9, 9 об., 11.

²⁸ Там же. Л. 2–12 об.

Эпигонство объясняет и чуждое написание «любови». В «Дневнике» имеется фраза: «весьмир понял воспитанья доброва ндрава и любовь кродине» (весь мир понял воспитанье доброго нрава и любовь к родине), где «воспитанье доброго ндрава» и «любовь кродине» употреблены в винительном падеже. Однако поскольку фальсификаторы формировали новый текст из подлинных фрагментов, то им потребовалось сменить падеж на родительный: так подлинное «любовь» превратилось в «любови», однако не было учтено выпадение гласной при склонении нарицательного «любовь».

Заключение

Одним из результатов изучения и критического рассмотрения вновь сформированного корпуса наследия конкретного автора неминуемо становится отчуждение нескольких из рукописей. Не менее важно помнить, что и суждение о подлинности рукописей конкретных авторов, особенно вновь обретаемых, должно производиться с привлечением эталонного сравнительного материала.

В данном случае рукописи, которые оказались чужеродными и, по нашему мнению, являются фальсификатами, рассматривались прежде всего с лингвистической стороны, инструментарием филологического исследования. Язык Распутина оказался основным, хотя и не единственным аргументом в решении вопросов подлинности. То обстоятельство, что ранее все эти рукописи различными экспертами были признаны аутентичными, говорит о безусловной необходимости изучения языка рукописи при вынесении вердикта о подлинности памятника письменности.

Список литературы

- Белецкий С. П. Григорий Распутин: (Из записок). Пг., Былое, 1923. 103 с.
Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2 т. / Отв. ред. С. В. Мироненко. М.: Росспэн, 2013. Т. 2, ч. 1. 824 с.
Джанумова Е. Мои встречи с Гр. Распутиным. Пг; М., 1923. 40 с.
Дружинин П. А. Антикварная книга от А до Я... М.: НЛЮ, 2023. 608 с.
Краснобородько Т. И. Несостоявшееся открытие // Литературная газета. 1987. № 11, 11 марта. С. 6.
Миროнова Т. Л. Подложные «письма» Григория Распутина в собрании РГБ // Румянцевские чтения – 2003. М.: Пашков дом, 2003. С. 162–165.
Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 год. Тобольск, 1910. 272 с.
Распутин-Новый Г. Е. Избранные мысли, письма и телеграммы царской семье: (собственноручно переписанные на память Августейшими Адресатами) / [Подгот. к печ. А. А. Щедрин]. М., 1990. 55 с.
Симанович А. Распутин и евреи. Рига, [1928]. 207 с.
Тихон, архимандрит, Бухаркина О. А. Григорий Распутин-Новый: Верхотурские страницы. Н. Новгород, 2013. 255 с.
Трубинский В. И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем. СПб.; М.: Academia, 2004. 192 с.

References

- Beletskiy S. P. Grigoriy Rasputin: (Iz zapisok). Petrograd, Byloe, 1923, 103 p. (in Russ.)
- Dnevnik imperatora Nikolaya II (1894–1918) [Nicholas II's Diaries]. In 2 vols. Comp. by S. Mironenko. Moscow: Rosspen, 2013, vol. 2, 824 p. (in Russ.)
- Druzhinin P. A. Antikvarnaya kniga ot A do Ya... [ABC of Antique Books]. Moscow, NLO, 2023, 608 p. (in Russ.)
- Dzhanumova E. Moi vstrechi s Gr. Rasputinyim [My meetings with Rasputin]. Petrograd, Moscow, 1923, 40 p. (in Russ.)
- Krasnoborodko T. I. Nesostoyavsheesya otkrytie [Failes discovery]. *Literaturnaya gazeta*, 1987, no. 11, March 11, p. 6. (in Russ.)
- Mironova T. L. Podlozhnye "pis'ma" Grigoriya Rasputina v sobranii RGB [Forged "letters" of Grigory Rasputin in the collection of the RSL]. In: Rumyantsevskie chteniya – 2003 [Rumyantsev Readings = 2003]. Moscow, 2003, pp. 162–165. (in Russ.)
- Pamyatnaya knizhka Tobol'skoy gubernii na 1910 god [Tobolsk province's Yearbook 1910]. Tobolsk, 1910. 272 p. (in Russ.)
- Rasputin-Noviy G. Izbranniye mysli, pis'ma i telegrammy tsarskoy sem'e [Selected thoughts, letters and telegrams to the Tsar's family]. Comp. by A. Shchedrin. Moscow, 1990, 55 p. (in Russ.)
- Simanovich A. Rasputin i evrei [Rasputin and the Jews]. Riga, 1928, 207 p. (in Russ.)
- Tikhon, archimandrite, Bukharkina O. A. Grigoriy Rasputin-Noviy: Verkhoturkie stranitsy [G. Rasputin-Noviy: Verkhoturye pages]. Nizhniy Novgorod, 2013, 255 p. (in Russ.)
- Trubinskiy V. I. Russkaya dialektologiya: Govorit babushka Marfa, a my komentiruyem [Russian Dialectology]. St. Petersburg, Moscow, Academia, 2004, 192 p. (in Russ.)

Иллюстрация Е. М. Бём к рассказу А. П. Чехова «Ванька». Открытка, 1900-е гг.
Illustration to Anton Chekhov's "Vanka" by Elisabeth Böhm. Postcard, 1900s

Преподнесику, притому
Григорий Спиридоновичу
Петрову и.
Легалитору, ружан Сусва
От Григория Распутина
во всем Тавровкам, из Тобольской уезды.

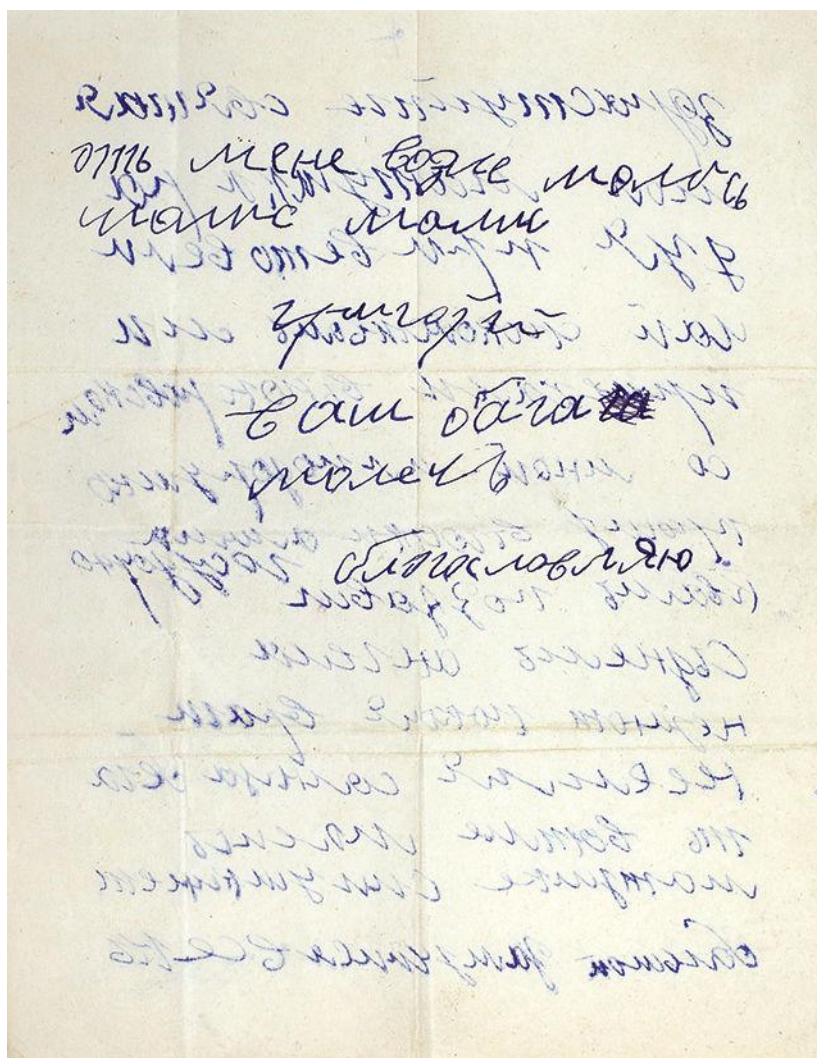
Гумена,
Мне слышно отсюда, не женой убо
Брошматку ели, энд ~~оф~~ (2)
~~о!..~~ (2) волоситесь, распу
всолохся, пошатно
в. Н. Н. Распутин

Фальсифицированное письмо Г. Е. Распутина Григорию Петрову, 1912 г.
(НИОР РГБ. Ф. 259. Карт. 25. Ед. хр. 61. Л. 1 об., 3)

Spurious letter from Grigori Rasputin to Grigori Petrov, 1912
(The Manuscript Department of Russian State Library, Moscow)

✕
Здравствуйте святая
моя матушка ро
дуня при вето вели
чай якоже бываю ми
приехали внокрестом
со мной и по дорожке
прошу вояки аминь
Квиль поздравил государно
Съднемъ ангела
незримо покои врати
тебѣмъ сайна бѣга
тъ воямъ маенъ
матушке сим ушнѣемъ
благотъ замученъ в сѣтѣ

Позднейшая имитация письма Г. Е. Распутина игуменье Марии, 2010-е гг.
Spurious letter from Grigori Rasputin to abbess Maria, 2010s

Позднейшая имитация письма Г. Е. Распутина игуменье Марии, 2010-е гг.
Spurious letter from Grigori Rasputin to abbess Maria, 2010s

† 1722 54
Здравствуй те
добрая моя
матука прие
дали тебѣ форс
мысли не врасъ
что мучто жнѣ
уносъ некрѣпья
о молодичи
о анынаи
инетъ мѣ

Это за то, что я хотел
 и в ту же минуту
 я узнаю, что вы
 воспримаете в мои
 и в мои руки
 когда же вы
 маленького
 в то же
 сущего
 очень заботящегося

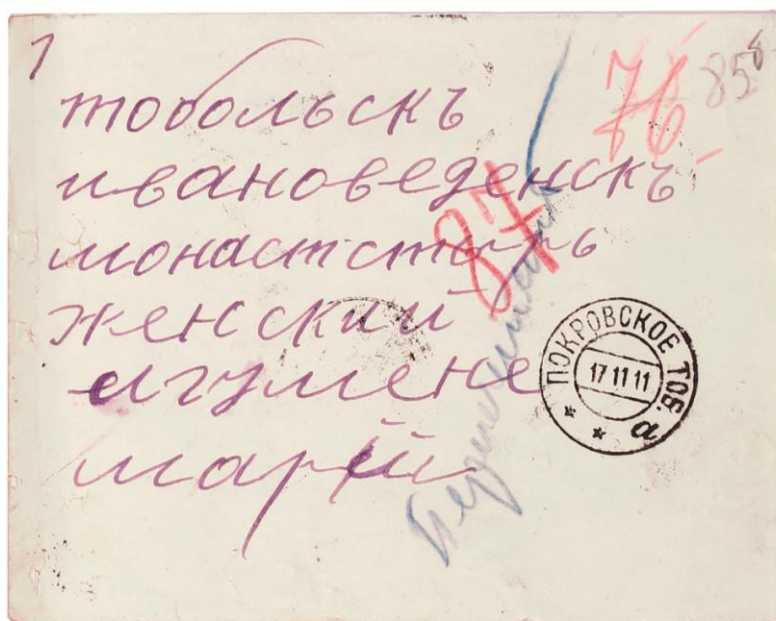
УРАЛЬСКИЙ
 ОБЛАСТНОЙ
 ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
 АРХИВ

Подлинное письмо Г. Е. Распутина игуменье Марии, 1910 г.
(ГАСО, Екатеринбург. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 8. Л. 170, 170 об., 173)

Original letter from Grigori Rasputin to abbess Maria, 1910
(Sverdlovsk Region's State Archive, Ekaterinburg)

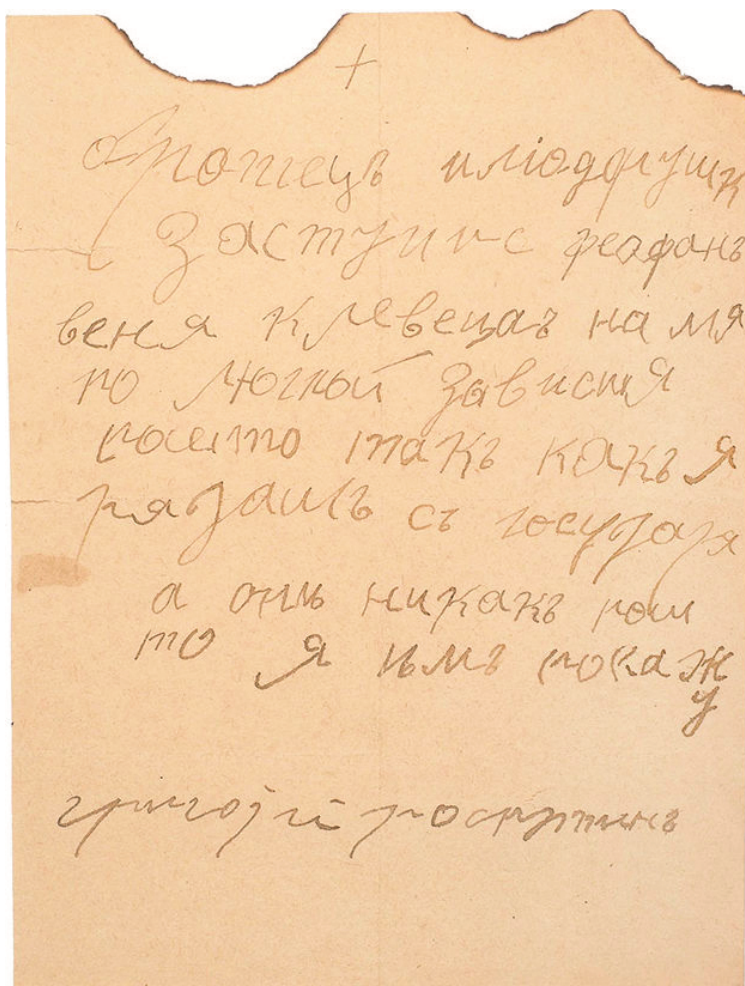
Фальсифицированный конверт письма Г. Е. Распутина игуменье Марии. 2010-е гг.
Forged envelope from Grigori Rasputin's spurious letter to abbess Maria, 2010s

Подлинный конверт письма Г. Е. Распутина игуменье Марии, 1910
(ГАСО, Екатеринбург. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 8. Л. 856, 856 об.)
True envelope from Grigori Rasputin's original letter to abbess Maria, 1910
(Sverdlovsk Region's State Archive, Ekaterinburg)

Подлинные календарные почтовые штемпели начала XX в.
True Russian Empire's postage date stamps from the beginning of the 20th century

Фальсифицированное письмо Г. Е. Распутина иеромонаху Илиодору, 2010-е гг.
Spurious letter from Grigori Rasputin to hieromonk Ilidor, 2010s

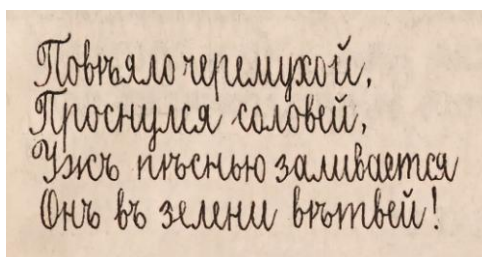

Иллюстрация из прописей (к написанию буквы «Ять»), 1911 г.
Illustration from copybook, 1911

+ 17/6 1910.
Владисеру
милановичъ скажи
мной явлю
газету нечитая
явасъ сенькой
несровниваю
также исб фисофиче
потому чтоу те
бязависимы не ть
что такое васъ
понузило написать
вреще мь ежель
я теое сделалъ
зло теяросости

Подлинное письмо Г. Е. Распутина В. М. Лохтину, 1910
(РГИА, Санкт-Петербург. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 393. Л. 227 об.)
Original letter from Grigori Rasputin to Vladimir Lokhtin, 1910
(Russian State Historical Archive, St. Petersburg)

+

душа дорогая
моя матушка
скорой выеху у меня
нужа венить такраду
воспоены боги иныма
и охоту именяю ино
бого все покрываю и всера
це сохрани Господь себя
мь открываю и ужи
мь закрываю дверь
кбогу иобовь оменяю
цель надуия дорожа
Нька.

Григорий

Фальсифицированное письмо Г. Е. Распутина
императрице Александре Федоровне, 2010-е гг.
Spurious letter from Grigori Rasputin
to Empress Alexandra Feodorovna, 2010s

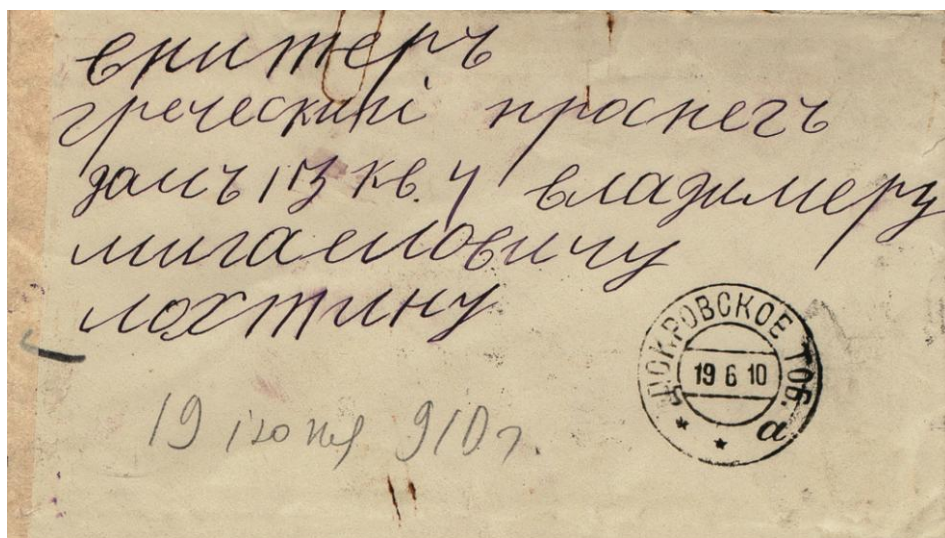
царское село
государстве
и ни при
це
не грустит
когда бы
свали
то радостно
предали
то жить
красото
войной
успокойте
тем же

Подлинная телеграмма Г. Е. Распутина императрице Александре Федоровне, 1915 г.
(ГАРФ, Москва. Ф. 612. Оп. 1. Д. 50. Л. 1)

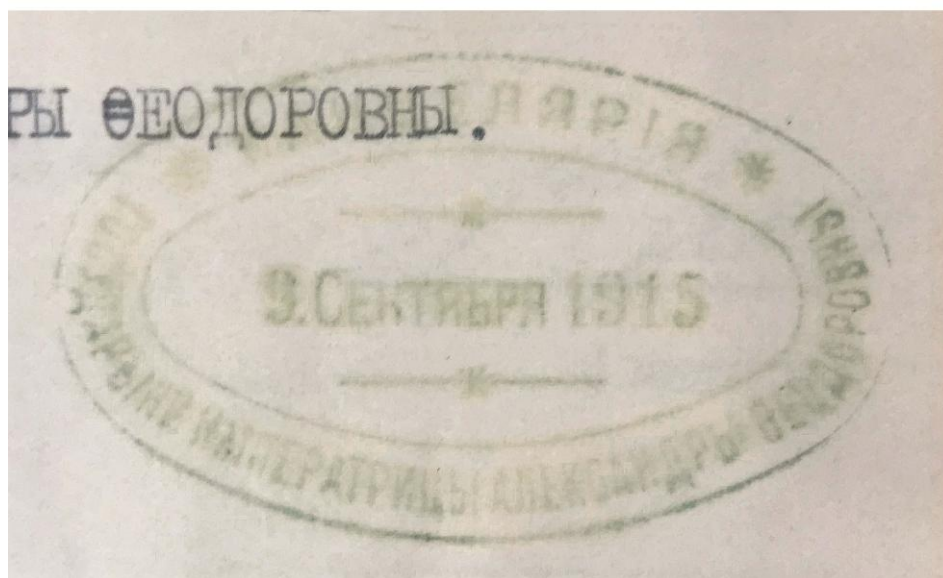
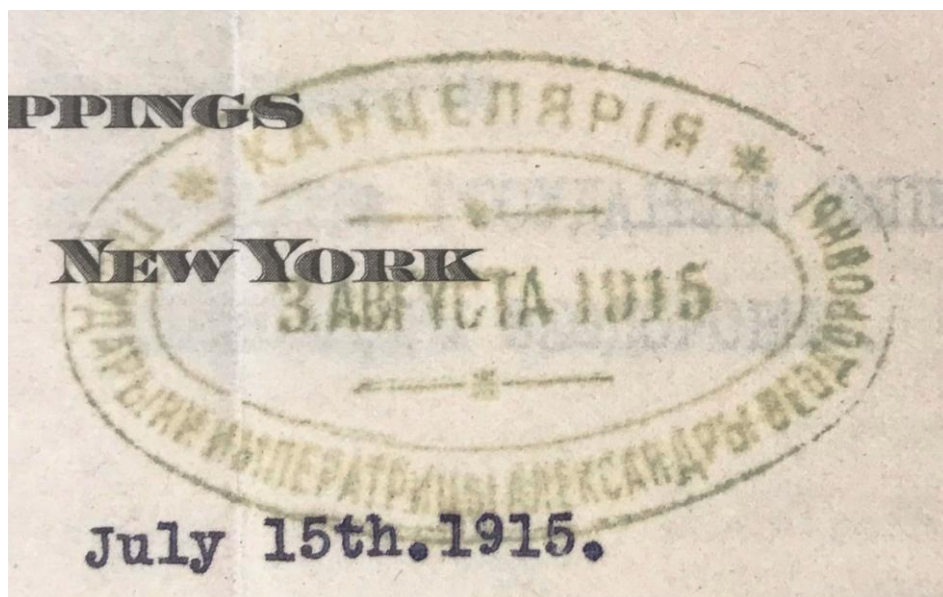
Original Grigori Rasputin's handwritten telegram to Empress Alexandra Feodorovna, 2015
(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

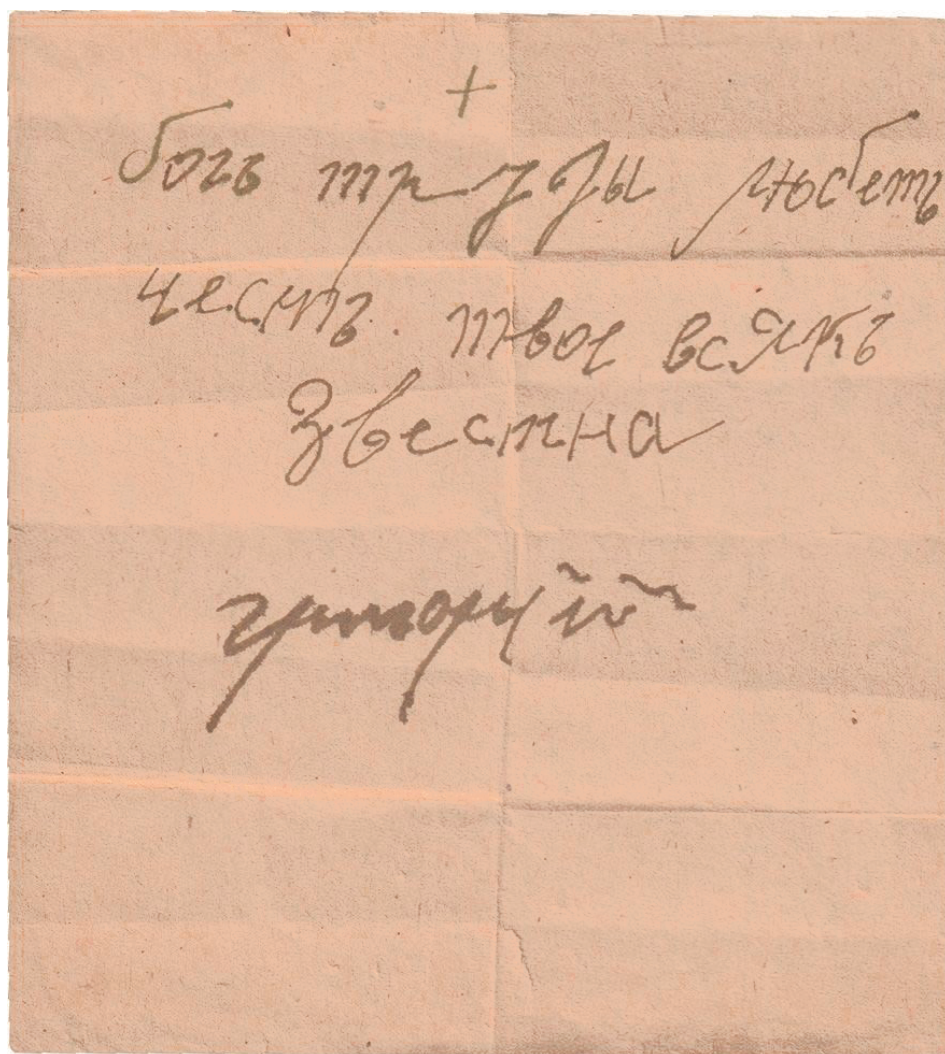
Фальсифицированный конверт письма Г. Е. Распутина
императрице Александре Федоровне. 2010-е гг.
Forged envelope from Grigori Rasputin's spurious letter
to Empress Alexandra Feodorovna, 2010s

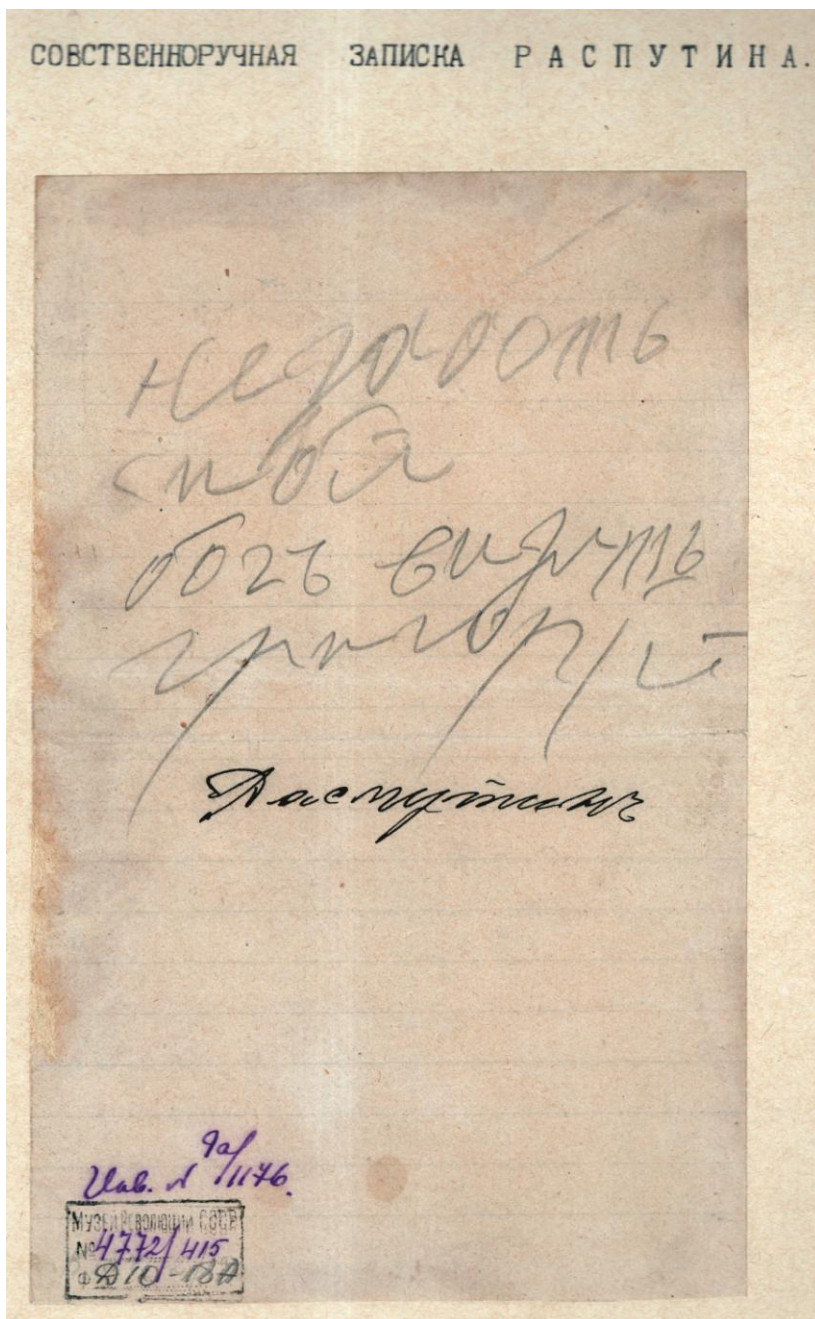
Подлинный конверт письма Г. Е. Распутина В. М. Лохтину, 1910 г.
(РГИА, Санкт-Петербург. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 393. Л. 212, 212 об.)
True envelope from Grigori Rasputin's original letter to Vladimir Lokhtin, 1910
(Russian State Historical Archive, St. Petersburg)

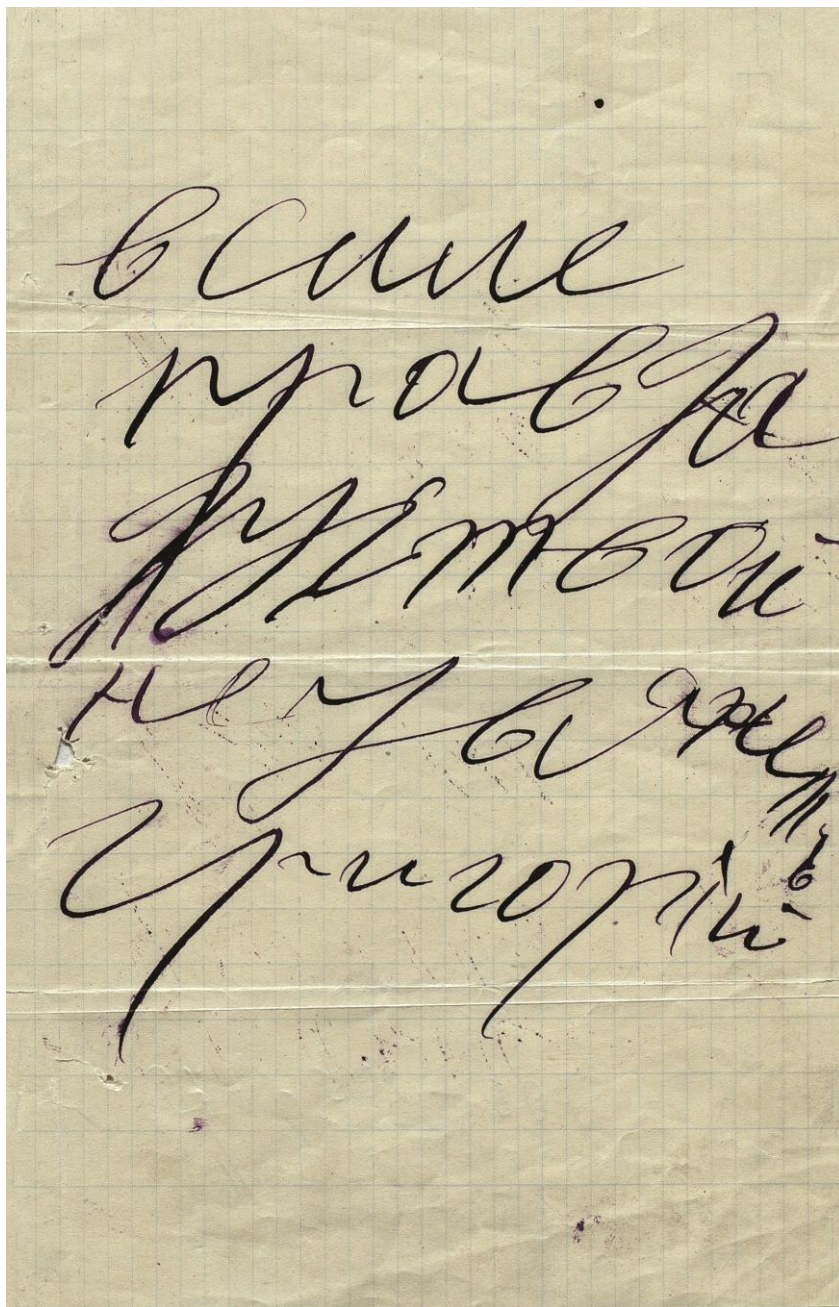
Подлинные календарные штемпели
Канцелярии императрицы Александры Федоровны, 1915 г.
(РГИА, Санкт-Петербург. Ф. 525. Оп. 2. Д. 446. Л. 1, 4)
True Empress Alexandra Feodorovna's Office date stamps, 1915
(Russian State Historical Archive, St. Petersburg)

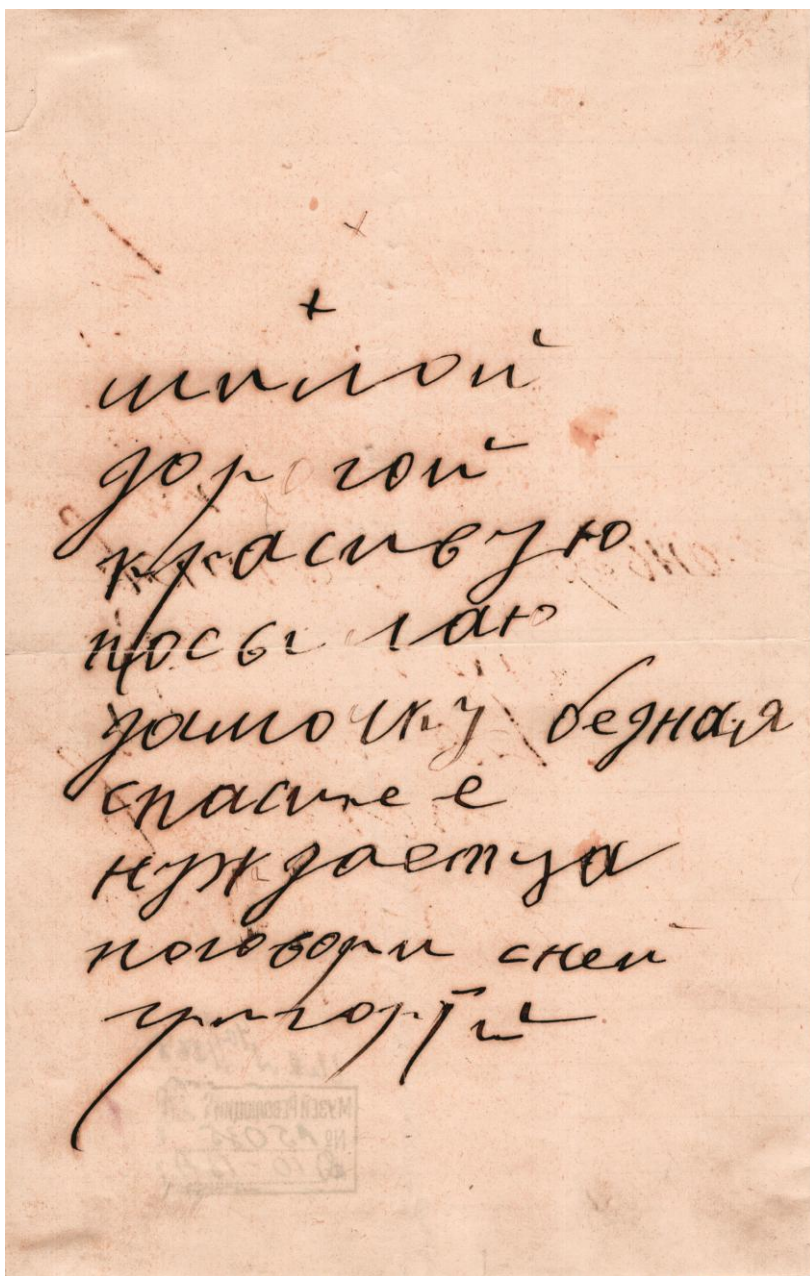
Фальсифицированная афористическая записка Г. Е. Распутина, 2010-е гг.
Spurious Grigori Rasputin's aphoristic note, 2010s

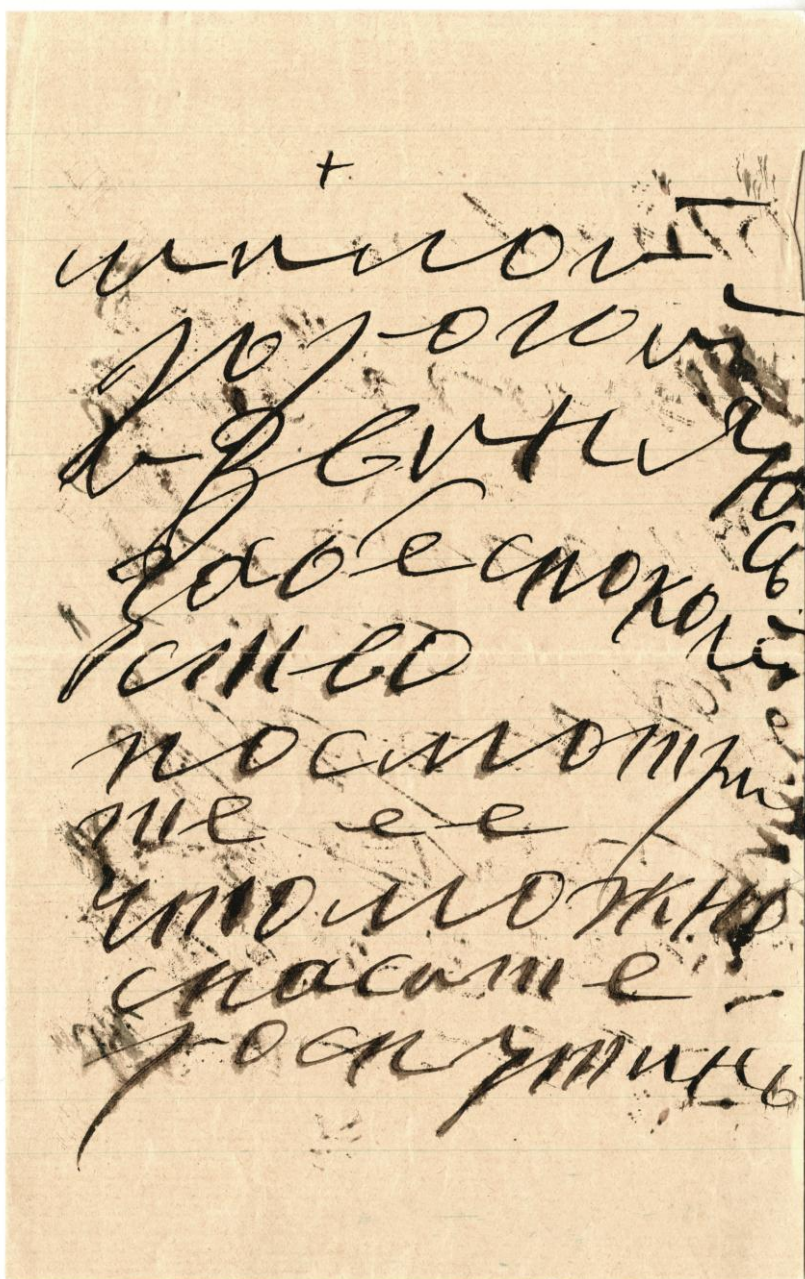
Подлинная афористическая записка Г. Е. Распутина, 1910-е гг.
(ГЦМСИР, Москва. Инв. 4772/415)
Original Grigori Rasputin's aphoristic note, 1910s
(State Central Museum of Contemporary History of Russia, Moscow)

Подлинная афористическая записка Г. Е. Распутина, 1910-е гг.
(РГИА, Санкт-Петербург. Ф. 796. Оп. 205. Д. 779. Л. 3)
Original Grigori Rasputin's aphoristic note, 1910s
(Russian State Historical Archive, St. Petersburg)

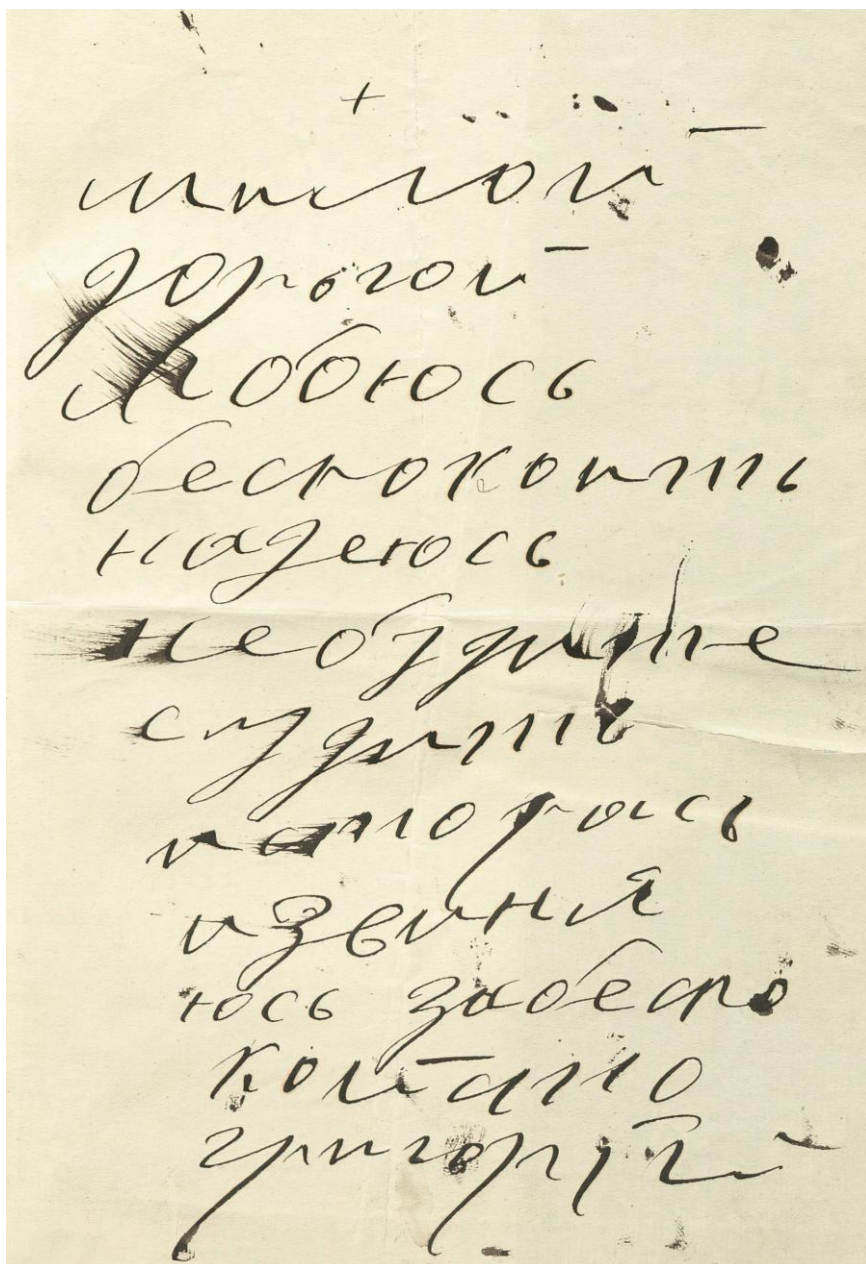

Подлинное письмо Г. Е. Распутина министру А. А. Хвостову, 1910-е гг.
(ГЦМСИР, Москва. Инв. 15035)
Original letter from Grigori Rasputin to the Minister Alexander Khvostov, 1910s
(State Central Museum of Contemporary History of Russia, Moscow)

Подлинное письмо Г. Е. Распутина тайному советнику П. М. фон Витторфу, 1910-е гг.
(ГАРФ, Москва. Ф. 612. Оп. 1. Д. 1. Л. 1)

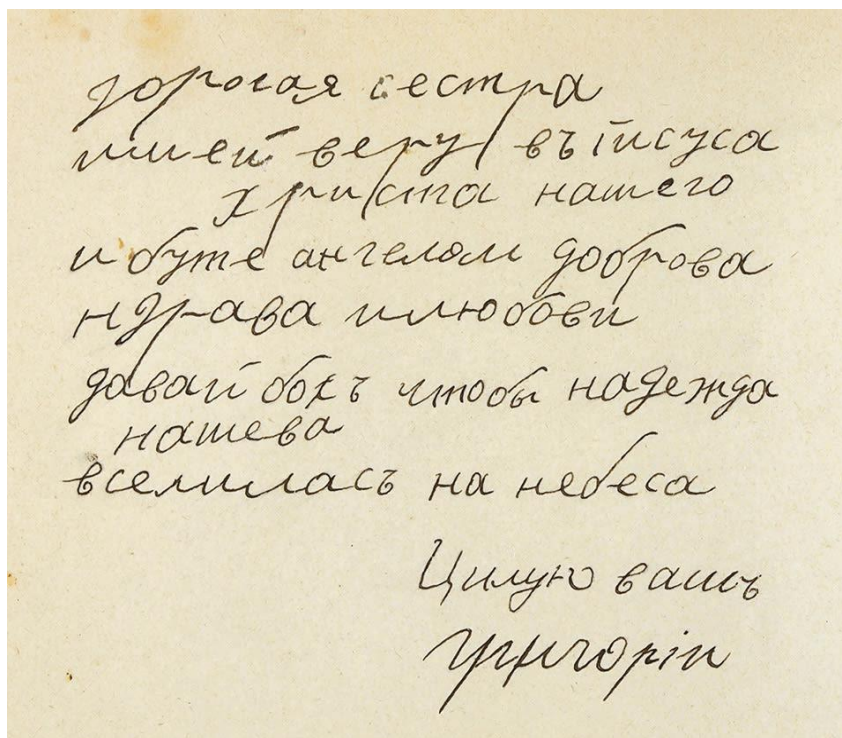
Original letter from Grigori Rasputin to the Privy Councillor Peter von Wittorf, 1910s
(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

Милый
дорогой
люблюсь
бесстыжностью
надеюсь
необязательно
судить
малограмотно
взвешивая
только забавно
комично
Григорий

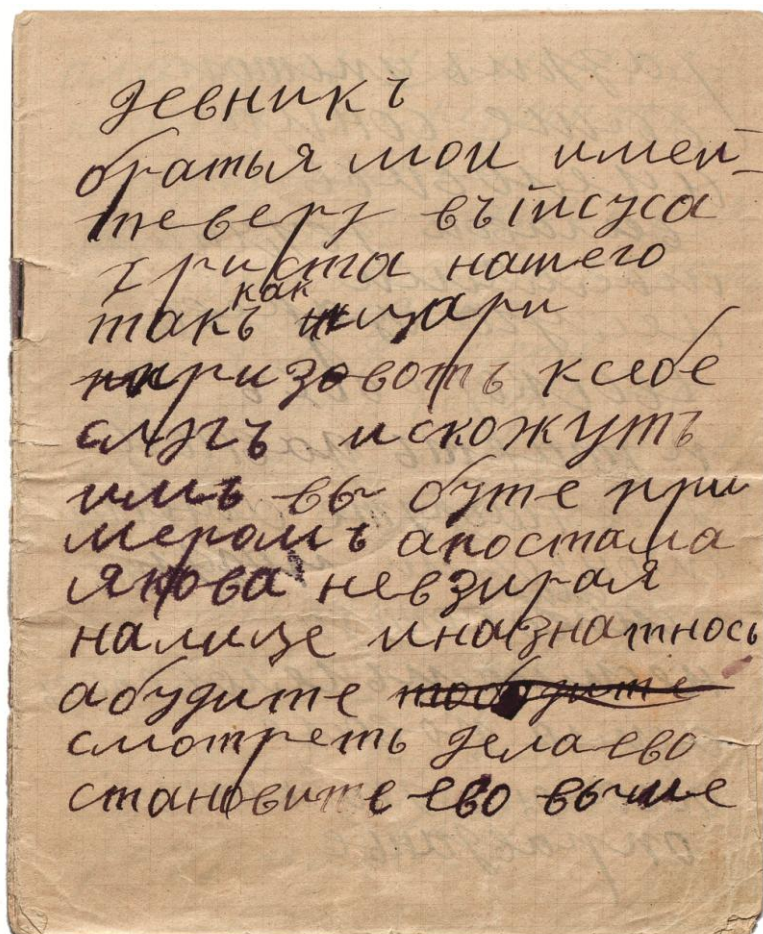
Подлинное письмо Г. Е. Распутина
дворцовому коменданту В. Н. Воейкову, январь 1915 г.
(ГАРФ, Москва. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 628. Л. 5)

Original letter from Grigori Rasputin
to Imperial Palace Commandant Vladimir Voeikov, January 1915
(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

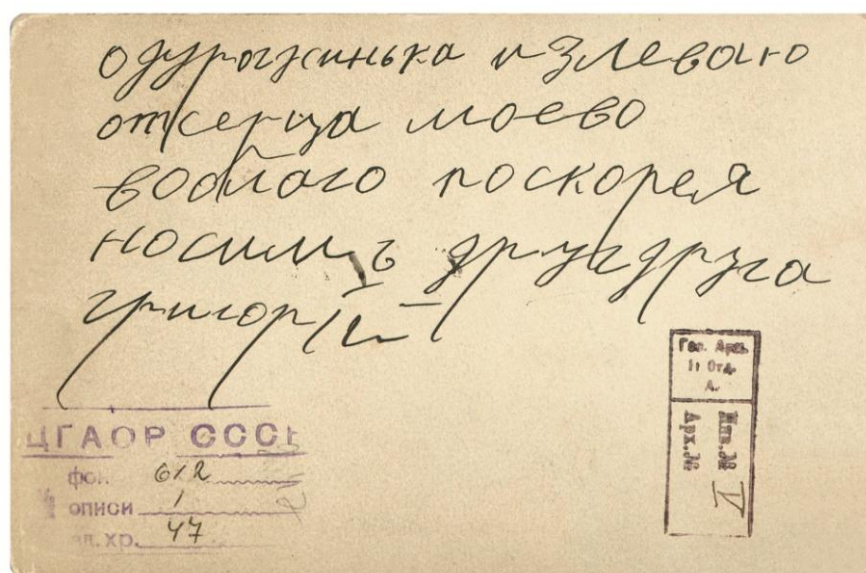

Позднейшая имитация дарительной надписи Г. Е. Распутина на Евангелии,
2010-е гг.

Spurious inscription from Grigori Rasputin on printed Gospel, 2010s

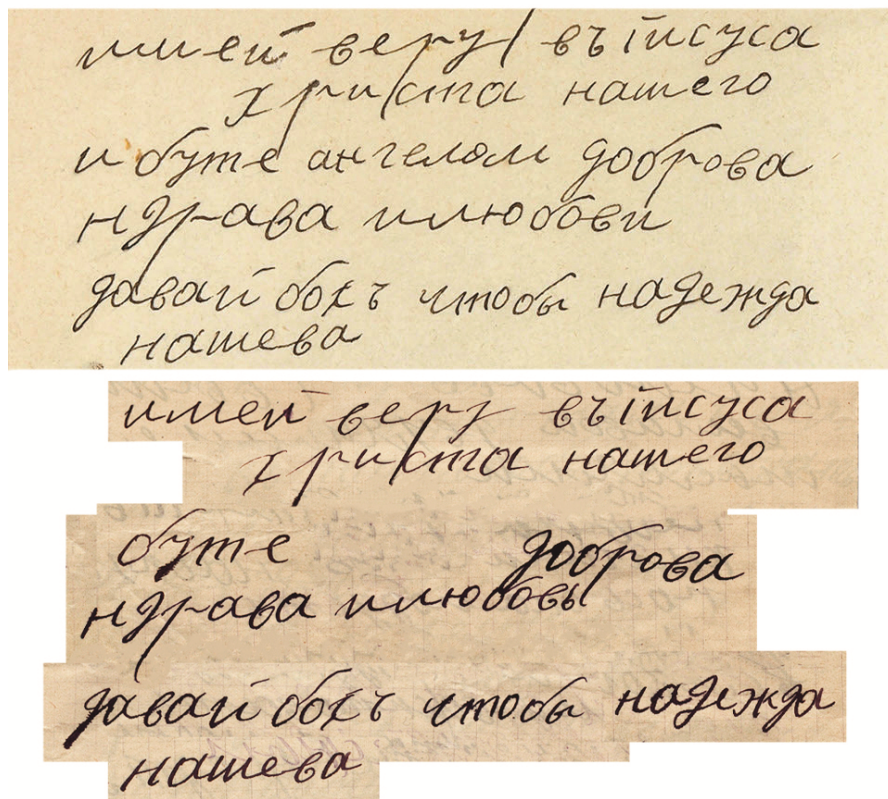

Подлинная рукопись «Дневника» Г. Е. Распутина, начало 1910-х гг.
(РГИА, Санкт-Петербург. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 644. Л. 2)
Original handwritten "Diary" from Grigori Rasputin, early 1910s
(Russian State Historical Archive, St. Petersburg)

Подлинная дарительная надпись Г. Е. Распутина на фотографии, 1910-е гг.
(ГАРФ, Москва. Ф. 612. Оп. 1. Д. 47. Л. 13 об.)

Original inscription from Grigori Rasputin on the back of the photo, 1910s
(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

Сопоставление фальсифицированной дарительной надписи на Евангелии
и фрагментов оригинальной рукописи «Дневника» Г. Е. Распутина
Comparison on forged inscription on Gospel
with fragments of true original handwritten Rasputin's "Diary"

Дружинин П. А. Фальсификаты рукописей Григория Распутина

Информация об авторе

Петр Александрович Дружинин, кандидат исторических наук

Information about the Author

Petr A. Druzhinin, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 11.06.2023;
одобрена после рецензирования 12.07.2023; принята к публикации 12.07.2023
The article was submitted on 11.06.2023;
approved after reviewing on 12.07.2023; accepted for publication on 12.07.2023*

Научная статья

УДК 82-65

DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-112-140

**«Помогите мне в моем великом горе».
О хлопотах Ахматовой по освобождению сына (новые детали)
Статья вторая**

Ольга Ефимовна Рубинчик

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
rubinchik_olga@mail.ru

Аннотация

Работа состоит из двух частей (статей) и посвящена попыткам Анны Ахматовой освободить сына после ареста в 1949 г. Обнаружится ряд не публиковавшихся материалов 1954–1956 гг. из архива Герштейн в Российской государственной библиотеке (фонд 641). Эмма Герштейн – литературовед, многолетняя подруга Ахматовой – принимала в ахматовских хлопотах о сыне самоотверженное участие.

В первую статью, вышедшую в предыдущем номере журнала, включены два письма Ахматовой писателю, влиятельному литературному и партийному функционеру Михаилу Шолохову, а также ходатайства крупных ученых о Льве Гумилеве с просьбой в ускоренном порядке пересмотреть дело выдающегося историка.

Во вторую статью включено ахматовское письмо поэту и «советскому вельможе» Алексею Суркову – не из архива Герштейн, но тематически связанное со всем остальным. Машинописная копия этого письма хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в архиве Ахматовой (фонд 1073). Сурков на протяжении десятилетий старался, когда это было возможно, помогать Ахматовой, способствовал выходу ее книг. Будучи первым секретарем Союза писателей, он активно участвовал в хлопотах по освобождению Льва Гумилева.

Также в статье публикуется неизвестное письмо Ахматовой писателю, партийному деятелю и крупнейшему литературному чиновнику сталинской эпохи Александру Фадееву. В связи с постановлением 1946 г. он по долгу службы принимал участие в травле Ахматовой, при этом неофициально старался ей помочь и впоследствии немало сделал для возвращения ее в советскую литературу. Фадеев также прилагал усилия, чтобы помочь Ахматовой освободить сына. Письмо Фадееву приводится по машинописному черновику с поправками рукой Герштейн.

Публикация документов сопровождается хранящимися в фонде 641 вместе с ахматовскими письмами «Объяснениями» Герштейн и обширным комментарием, включающим в себя рассказ о взаимоотношениях Ахматовой с Сурковым и Фадеевым и о ее положении в период «хрущевской оттепели».

© Рубинчик О. Е., 2023

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4. С. 112–140

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 4, pp. 112–140

Ключевые слова

А. Ахматова, Э. Герштейн, Л. Гумилев, А. Фадеев, А. Сурков, письма, сталинские репрессии

Благодарности

Благодарю Р. Д. Тищенко и О. А. Щеглову за консультации по ходу работы

Для цитирования

Рубинчик О. Е. «Помогите мне в моем великом горе». О хлопотах Ахматовой по освобождению сына (новые детали). Статья вторая // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4. С. 112–140. DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-112-140

**“Please, Help Me in My Great Sorrow”.
Concerning Akhmatova’s Efforts to Free Her Son (New Details)
Article two**

Olga E. Rubinchik

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
rubinchik_olga@mail.ru

Abstract

This paper consists of two parts (articles) and focuses on Anna Akhmatova’s efforts to free her son after his arrest in 1949. A series of unpublished material from 1954–1956 from Gershtein’s archive at the Russian State Library (fond 641) is published. Emma Gerstein, a literary scholar and long-time friend of Akhmatova, was selflessly involved in Akhmatova’s concern for her son.

The first article in the previous issue included two letters from Akhmatova to the writer and influential literary and party functionary Mikhail Sholokhov, as well as petitions from major scholars about Lev Gumilev asking for an expedited review of the prominent historian.

The second article includes a letter from Akhmatova to the poet and “Soviet grandee” Aleksei Surkov – not from the Gerstein archive, but thematically related to the rest of them. A typewritten copy of this letter is held in the Manuscripts Department of the Russian National Library at the Akhmatova Archive (fond 1073). Over the decades Surkov tried, wherever possible, to help Akhmatova and contributed to the publication of her books. As the first secretary of the Union of Writers, he was actively involved in the efforts to free Lev Gumilev.

The article also publishes an unknown letter from Akhmatova to Aleksandr Fadeev, a writer, party official and major literary official of the Stalinist era. In connection with the 1946 decree, he was involved ex officio in harassing Akhmatova, while unofficially trying to help her, and subsequently did much to bring her back into Soviet literature. Fadeev also made efforts to help Akhmatova free her son. The letter to Fadeev is reproduced from a typewritten draft with corrections in Gerstein’s hand.

The publication of the documents is accompanied by Gerstein’s “Explanations” in the fond 641, together with Akhmatova’s letters, and an extensive commentary, which includes an account of Akhmatova’s relationship to Surkov and Fadeev and her situation during the Khrushchev Thaw.

Keywords

A. Akhmatova, E. Gerstein, L. Gumilev, A. Fadeev, A. Surkov, letters, Stalinist repression

Acknowledgments

I am grateful to R. D. Timenchik and O. A. Shcheglova for their advice in the course of the work

For citation

Rubinchik O. E. "Please, Help Me in My Great Sorrow". Concerning Akhmatova's Efforts to Free Her Son (New Details). Article two. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 4, pp. 112–140. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-112-140

«Объяснения» Герштейн, часть 3:

В то же время в хлопотах по ускорению пересмотра дела Л. Н. Гумилева принимал энергичное участие А. А. Сурков, который был тогда первым секретарем Союза писателей¹. Так как я ходила в Военную прокуратуру по этому делу, то

¹ Сурков Алексей Александрович (1899–1983) – поэт, журналист; участник Гражданской войны и Польского похода, во время Финской кампании и Великой Отечественной войны – военный корреспондент. Автор всенародно любимой песни «В землянке» («Бьется в тесной печурке огонь...», музыка К. Я. Листова, 1941). Л. А. Аннинский о Суркове: «Как патроны, слова входят в строки:

На эпоху нам пенять негоже –
С отрочества жили на юру,
Гладили винтовочное ложе,
Жгли в окопах крепкую махру.
Выстрела еще нет, но казенная часть полна...

Привыкали к резким граням стали,
Смерть носили в нарезном стволе,
Босые, голодные, мечтали
О всеобщем счастье на земле.

Обойма почетных званий и официальных должностей – счастье? Депутат трех Верховных Советов, дважды лауреат, член Всемирного Совета Мира, руководитель Союза писателей, член Центрального Комитета партии, Герой Социалистического Труда, орденосеиц <...> / 22 июня 1941 года! / В тот же день написано: "Наше сердце – каменная сталь штыка". <...> / Западный фронт. Газета, срочные задания, очерки о бойцах, фельетоны о врагах, летучие выпуски, тоненькие брошюры, сходу идущие в войска. / И стихи – каждый день, во "фронтовую тетрадь", в летопись войны. <...> / Из всех поэтов войны – только у Суркова такая жаркая, чистая, прямая жажда расплаты. "Пуля за пулю. Снаряд за снаряд". <...> Ненависть запредельна. Проклятия – не только оккупантам, которых надо рвать зубами, проклятия – невестам, женам, матерям: горе вам, не дождетесь своих, не увидите живыми! <...> / Как надо было скрутить душу для такого бешенства? Куда схоронить жалость, нежность, любовь? Или их уже не было? / Были. Спрятанные в письме к жене, шестнадцать "домашних" строк, которые запросто и сгинули могли вместе с письмом тогда же, осенью 1941-го, когда Сурков прорывался из окружения под Истрой со штабом одного из полков. / Вышел к своим, вынес написанное ночью, в окружении, упрятанное от ненависти:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

<...> Апофеоз любви посреди ненависти – этим шедевром и суждено было Суркову войти в вечный синодик русской лирики. <...> / В конце 50-х годов <...> мне довелось наблюдать Алексея Александровича в роли официального гостя как на трибуне, так и в кулуарах. Веселый, крепкий, находчивый, он был в центре подчеркнутых симпатий и скрытых антипатий. Злые языки шептали: “гиена в сиропе” (чуяли за широкой улыбкой хватку железного бойца), добрые просители уповали: помогите издать Ахматову (и помог, и “пробил” <...> – а когда-то за одно слово “сероглазый” в стихах Суркова зоилы 30-х годов припирали к стенке, уличая в запретных чувствах)» [Аннинский, 2009, с. 363, 371–376].

«После приличествующей ему легкой брани по адресу Ахматовой, согласно центральных указаний 1940 года, он был один из герольдов “военного” возвращения Ахматовой в советскую поэзию <...> и взялся в 1946 году печатать книжечку ее стихов в библиотеке подведомственного ему журнала “Огонек”, за что и должен был в грозном августе каяться» [Тименчик, 2015, т. 1, с. 50–51] (см. о Суркове также мн. др. страницы двухтомника). Готовый тираж сборника 1946 г. пошел под нож. Н. А. Ольшевская о времени сразу после ждановского постановления: «...привезла ее к нам в Москву. <...> / Сурков мне говорил: “Как я вам благодарен, что вы ее привезли к себе”» (Герштейн Э. Г. Беседы с Н. А. Ольшевской-Ардовой // [Воспоминания..., 1991, с. 270]). Сурков был одной из основных фигур в деле восстановления Ахматовой в Союзе писателей в 1951 г. [Огрызко, 2015, с. 3]. «С Ахматовой его связывали долгие и не схематичные: начальник – подчиненная – отношения. Он напечатал цикл ее верноподданных стихов после Постановления и второго ареста сына – и он же искал ее одобрения своим стихам, говоря о себе: “Я – последний акмеист”. Он издал после многолетнего перерыва первый со времени Постановления сборник ее стихотворений, прозванный по причине темно-красного переплета и “официального” шрифта “Манифестом коммунистической партии”, – жутковатую книжку, со стихами о мире (которые она, даря экземпляр, заклеивала автографами других своих стихотворений), с многочисленными безликими ее переводами, – но издал» [Найман, 1989, с. 183–184]. О тех же событиях, но с позиции Суркова – в передаче другого литературного функционера: «Алексей Сурков, редактировавший журнал “Огонек”, рассказывал мне, как ему в 1950 году, впервые после долгого перерыва, удалось напечатать подборку стихотворений Ахматовой. Он написал Сталину, что мы не по-хозяйски относимся к крупным явлениям поэзии, в частности к Ахматовой. На другой же день в кабинете Суркова раздался телефонный звонок:

- Писали Иосифу Виссарионовичу?
- Писал.
- Почему решили печатать?
- Нужно вернуть в строй большого поэта.
- Валийте.

<...> / Затем тот же Сурков взялся за выпуск в издательстве “Художественная литература” книги Анны Андреевны, которая вышла в 1958 году. Ахматова была не очень довольна составом сборника. “Друзья” натравливали ее на Суркова. Но сама Ахматова в душе понимала, как трудно было Алексею Александровичу буквально пробивать книгу через многочисленные преграды» [Хренков, 1989, с. 201]. «Моя красненькая книжка обязана своим существованием Суркову. Он сам приезжал ко мне в Ленинград. И, знаете, меня поразило, что он знает почти все мои стихи наизусть. Мы отбирали стихи, а он читал, читал...» [Глэкин, 2015, с. 51]. Следующий сборник (Ахматова А. А. Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1961. Сер. «Б-ка советской поэзии») вышел также при содействии Суркова: для «проходимости» книги он написал к ней послесловие, которое Ахматова назвала «повторением постановления <...> только без ждановских непечатных слов»; «Пусть моя книга – смрадная моя книга – идет в мир с бубновым тузом на спине» [Глэкин, 2015, с. 153]. В 1956 г., о котором идет речь в «Объяснениях» Герштейн, эти сборники еще не вышли, но попытки издать первый из них шли с 1951 г.; веи прохождения книги см. в изд.: [Черных, 2016, с. 534–635]. История мытарств сборника 1961 г. подробно освещена в изд.: [Чуковская,

я поддерживала связь и с Сурковым. В частности, я показывала ему копии характеристик (Окладникова, Струве и Артамонова), подлинники которых отнесла в Прокуратуру. Сурков при мне позвонил зам. Воен. прокурора Терехову и еще раз горячо просил ускорить дело и дал положительную характеристику сыну Ахматовой, а также с большой похвалой отзывался о гражданском поведении ее самой².

1997, т. 2, с. 367, 372 и мн. др., по с. 465; Черных, 2016, с. 652, 654, 656 и далее, по с. 676; Тименчик, 2015, т. 1, с. 209–213, 233–235, т. 2, с. 307–311] и др. Участвовал Сурков и в пробивании в печать последнего прижизненного сборника Ахматовой «Бег времени» (М.: Л.: Сов. писатель, 1965) (см., например, [Черных, 2016, с. 814, 821; Чуковская, 1997, т. 3, с. 63, 109] и др.). 22 июня 1959 г. Сурков обратился с письмом к Хрущеву, где подробно описал политическое и литературное лицо Ахматовой, исправившейся после «критики» 1946 г. («Критика эта, предельно резкая по тону, по существу была правильна...»). В письме Сурков предлагал отметить скорое 70-летие поэтессы: «Какая-то форма государственного признания полустолетия творческого труда А. А. Ахматовой, до сих пор находящейся в строю активно действующих поэтов, была бы сильным ударом по тем реакционерам и колеблющимся интеллигентам, которые еще до сих пор не расстаются с пресловутым “делом Пастернака”» [Далош, 2010, с. 154–155; Тименчик, 2015, т. 1, с. 168–169]. В 1964 г. Сурков пробил поездку Ахматовой в Италию для получения литературной премии «Этна-Таормина» [Тименчик, 2015, т. 1, с. 377–379; Далош, 2010, с. 176–179]. Не без его участия стала возможна и поездка Ахматовой в Англию в 1965 г. для получения в Оксфорде почетного звания доктора филологии, а из Англии – в Париж (см., например, [Черных, 2016, с. 814, Чуковская, 1997, т. 3, с. 271]). После смерти Ахматовой Сурков возглавил комиссию по ее литературному наследию, а в 1976 г. с его вступительной статьей вышло первое научное издание стихов Ахматовой, которое с 1966 г. готовил В. М. Жирмунский (Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. А. А. Суркова; сост., подгот. текста и примеч. В. М. Жирмунского. Л.: Сов. писатель, ЛО, 1976. (Б-ка поэта. Большая сер.)). Об этом: «Первоначально сборнику ББП предшествовало предисловие В. М. Жирмунского, но после смерти Виктора Максимовича оно было изъято и заменено сурковским» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 447]; «Предисловие к тому написал не академик В. М. Жирмунский, хорошо знавший Ахматову с давних-давних лет, а поэт Алексей Сурков. Написана статья с твердых партийных позиций, что, несомненно, способствовало прохождению издания» [Друян, 2013].

² Попыткой помочь не только Ахматовой, но и ее арестованному сыну, была уже публикация ахматовских стихов в «Огоньке» в 1950 г. Впрямую же в хлопоты об освобождении Гумилева Сурков включился, вероятно, в июле-августе 1955 г. (датировка: [Черных, 2016, с. 584–585]). Об этом – у Герштейн: «...Н. Я. Мандельштам пошла на прием к <...> Суркову, чтобы просить помощи в своем трудоустройстве и говорить о литературном наследии Осипа Мандельштама. <...> По ее тогдашним словам, Сурков, возмущаясь былыми нарушениями законности, говорил об Анне Андреевне: “А как настрадалась Ахматова, пока не вернулся ее сын”. – “Как вернулся? Он до сих пор в лагере”, – вскричала Надежда Яковлевна. <...> Сурков попросил меня прийти к нему на прием в союз вместе с Н. Мандельштам, что и произошло на следующий день» [Герштейн, 1989б, с. 59–60]] Ср. свидетельство Н. Я. Мандельштам: «Летом 55-го года <...> Под нажимом Ахматовой я пошла к Суркову»; далее – о той встрече с Сурковым, о которой Надежда Яковлевна рассказала Герштейн, и о последующих встречах с ним [Мандельштам, 2001, с. 424–425 и др.]. Звонок Суркова по поводу Гумилева заместителю Главного военного прокурора, руководителю «особой группы» по расследованиям наиболее резонансных дел Дмитрию Павловичу Терехову (1920–1980) состоялся, по-видимому, в конце декабря 1955 г., после того, как 19 де-

Письмо А. А. Ахматовой А. А. Суркову
(Из Москвы в Москву, конец сентября (?) 1955 г.)³

Дорогой, глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Приехав в Москву, я узнала, с каким участием и сочувствием Вы отнеслись к моему горю⁴. Мне хочется от всей души поблагодарить Вас за товарищеское отношение ко мне в тяжелейшие часы моей жизни.

Мне хочется, чтоб Вы знали, что то, что Вы сделали, останется для меня навсегда светлым и священным воспоминанием.

Будьте счастливы.

Анна Ахматова

Я все еще в тревоге и сомнениях, и все еще все не ясно⁵.

«Объяснения», ч. 3:

Но благополучного конца все еще не было, и Анна Андреевна решила обратиться к А. А. Фадееву⁶. Тогда шел XX съезд. Фадеев уже выступал, выступал

кабря Артамонов написал свой отзыв о Гумилеве (датировка звонка: [Черных, 2016, с. 591]).

³ О письме Ахматовой Суркову Герштейн не упоминает, в ее архиве копии этого документа нет. Машинописная неавторизованная копия письма хранится в фонде Ахматовой в ОР РНБ (Ф. 1073. Ед. хр. 685). Текст публикуется по этой копии, датируется по содержанию.

⁴ Если исходить из убедительного предположения, что Сурков подключился к хлопотам о сыне Ахматовой в июле-августе 1955 г., то ахматовское письмо, видимо, написано в конце сентября 1955 г. – в это время Анна Андреевна в очередной раз приехала в Москву (после 21-го сентября, когда она виделась в Ленинграде с Л. В. Шапориной; см.: [Черных, 2016, с. 587]).

⁵ Ср. дневниковую запись Шапориной от 21 сентября 1955 г.: «...сегодня пришла Маргарита Константиновна (Гринвальд. – О. Р.) <...>, а затем А. А. Ахматова. Первое, что ее спросила М. К., как дела ее сына. “Все это время я сама не своя, – сказала А. А., – прямо с ума схожу”. Ей сказал полковник Ковалев (точно не знаю: это Министерство внутренних дел или прокуратура военная), что дело Л. Н. пересматривается и скоро, вероятно, будет ответ» [Шапорина, 2012, т. 2, с. 317]. Ср. также запись Чуковской от 27 сентября 1955 г. (Москва): «Была у Анны Андреевны. <...> Очень нервна. При мне совещалась с Эммой Григорьевной по Левиному делу. Эмма Григорьевна от нее отправилась за очередной справкой в прокуратуру. Надежды растут. У Анны Андреевны какое-то новое выражение глаз – тревога, доведенная до физической боли» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 159–160].

⁶ Фадеев Александр Александрович (1901–1956) – прозаик, публицист. Лауреат Сталинской премии за роман «Молодая гвардия» (1946). С 1939 г. по начало 1944 г. – секретарь президиума Союза писателей СССР, в 1946–1954 гг. – генеральный секретарь и председатель правления СП СССР. В 1939–1956 гг. – член ЦК ВКП(б). «Противоречие между художником и политиком – одно из главных противоречий Фадеева...»; «Подчиняясь партийной дисциплине и партийному долгу, подчиняясь “руководящим указаниям” ЦК, он мог идти против своей совести, против собственных нравственных принципов. Это было источником тяжелейших противоречий Фадеева, ломавших его, приводивших к тяжелым срывам. И вне этих противоречий он не может быть понят»; в делах репрессированных писателей встречаются документы с подписью Фадеева «С арестом согласен», «...не стоит

и Шолохов, и еще до окончания съезда Фадеев лег в Кремлевскую больницу⁷. Анна Андреевна хотела посетить его там. Нужно было передать ему письмо, про-

ли при этом вспомнить, сколько заявлений о реабилитации – писателей, друзей-дальневосточников, избирателей – написал Фадеев в Военную прокуратуру <...>, как упорно добивался он полной реабилитации Н. Заболоцкого? Сохранилось письмо Н. Заболоцкого из лагеря (оно не дошло до адресата), написанное в 1945 г. “...писать Вам мне легче, чем кому-либо, – признавался Н. Заболоцкий. – Потому что я считаю Вас честным человеком. Потому что Вы поймете меня так, как надо понять <...>”. Ю. Либединский, друживший с Фадеевым, вспоминал: “Мне доподлинно известно, что в самое тяжелое время Саша не боялся выступать в защиту несправедливо обвиненных» [Дикушина, 2004, с. 87, 77–79]. «На такой должности в то время трудно представить человека, который вел бы себя безупречно в этическом плане и при этом сколько-нибудь долго продержался. А Фадеев – продержался и сделал много хорошего. Гидаш: “Уверен, что, будь кто-нибудь другой на его месте, “суровое время” унесло бы еще гораздо больше писателей. Толчки землетрясений – я выступаю тут как свидетель – Фадеев смягчал как мог”» [Авченко, 2017, с. 256–257].

⁷ XX съезд партии проходил с 14 по 25 февраля 1956 г. Фадеев на нем не выступал (см.: [XX съезд, 1956]), речь Шолохова была произнесена 20 февраля. Соответственно, Фадеев лег в больницу не раньше 21 февраля и не позднее 24-го. «Фадеев задолго до XX съезда и “оттепели” начинал выступать против сложившейся системы управления искусством в стране. Еще в феврале 1950 года на пленуме правления СП он произносит речь “За коллегиальное руководство литературой!”. Называет гарантией от ошибок – коллективность: время “вожачков” прошло» [Авченко, 2017, с. 274]. Смерть Сталина стала для него потрясением, в одном из писем он назвал ее «ужасным несчастьем, обрушившимся на нашу страну»; не писавший о вожде, пока тот был жив, 12 марта 1953 г. Фадеев опубликовал в «Правде» статью «Гуманизм Сталина», но позднее произнес фразу: «Дышать стало легче» [Там же, с. 243, 274]. В июне 1953 г. был арестован, а в декабре расстрелян Л. П. Берия. «После ареста Берии Фадеев на время воспрянул»; в 1953–1956 гг., еще до XX съезда, «Фадеев пишет десятки, если не сотни ходатайств о реабилитации. / <...> Едва ли заявления вроде “Фадеев не принял хрущевской оттепели” или “Фадеев испугался XX съезда” состоятельны – он-то как раз звал “оттепель”, уже начинавшуюся и помимо Хрущева» [Там же, с. 255, 258]. «Либединский вспоминает: в феврале 1953 года Фадеев говорил, что неправильно, если оценку книгам дает один человек, пусть даже Сталин. <...> / В мае 1953 года пишет Суркову о необходимости перестройки СП <...> / В. Герасимова пишет, как после смерти Сталина Фадеев на закрытом партсобрании московских писателей предложил распустить СП, заменив его чем-то вроде творческого клуба: “Боже, какую ярость вызвало это предложение! Бездарные люди, которые уже пристроились к административному пирогу Союза, в первую очередь нажились на него... Саша был буквально оплеван <...> Потом ушел – один. “Совсем один, как и был все последнее время”. <...> / С августа по октябрь 1953 года Фадеев пишет Маленкову и Хрущеву (тогдашним первым лицам СССР) несколько докладных записок <...> / в записках этих – смелые, даже резкие оценки. Он выступает за самостоятельность художника, против робости мысли и оглядки на приказы. <...> Писатель решил, что сейчас можно и нужно сделать то, что еще недавно казалось нереальным. / Оказалось – и теперь нельзя. Фадеева уже не слушают. <...> / Ни Хрущев, ни Маленков, ни Суслов, несмотря на уже начинавшуюся, пусть и осторожно, либерализацию, даже не приняли Фадеева. <...> / Он считал, что Сурков приложил руку к тому, чтобы в ЦК создалось мнение: письма – плод фадеевской алкогольной депрессии, а значит, принимать их всерьез не стоит. / В декабре 1954 года на Втором всесоюзном съезде писателей Фадеев произнес речь, похожую на исповедь. Даниил Гранин <...> отметил “необычную для того времени самокритичность его, как он говорил об ошибках в работе секретариата и более всего о своих собственных ошибках... Подобное слышать с трибуны мне никогда не приходилось”. / По итогам съезда Фадеев покинул пост руководителя СП СССР. Пер-

сительное, с изложением сути дела⁸. Она была не в силах его написать и вспомнила: «У Вас же есть черновик письма к Шолохову, составим по этому экземпля-

вым секретарем правления становится Сурков, Фадеев – в числе одиннадцати секретарей. У него противоречивые чувства: наконец-то станет меньше забот и можно будет завершить роман – но, с другой стороны, неужели он больше не нужен как организатор? Чуковский: “Он был не создан для неудачничества, он так привык к роли вождя, решителя писательских судеб – что положение отставного литературного маршала для него было лютым мучением”»; «...Уже с 1953 года Фадеев был лишь номинальной фигурой в руководстве Союза писателей – ключевые решения принимали Сурков и Софронов. Непростое, двойственное положение: сделать ничего не можешь, а ответственность, прежде всего моральную, несешь» [Авченко, 2017, с. 275–278]. «По поводу присутствия на съезде Фадеева есть разные мнения. Жуков пишет, что Фадеев попал в число делегатов, но участвовать не смог, поскольку почти всю зиму провел в больнице. Д. Бузин утверждает, что Фадеева не включили в число делегатов XX съезда, что было знаком опалы (в списке делегатов Фадеев действительно не значится), но он как член ЦК был вправе принять участие в работе съезда. По словам Бузина, Фадеев сбежал от врачей и пришел на съезд» [Там же, с. 278]. На XX съезде Фадеева избрали уже не членом, а лишь кандидатом в члены ЦК КПСС. Кроме того, его долго критиковал в своей речи Шолохов: «...Фадеев оказался достаточно властолюбивым генсеком и не захотел считаться в работе с принципом коллегиальности. <...> Общими и дружными усилиями мы похитили у Фадеева пятнадцать лучших творческих лет его жизни, а в результате не имеем ни генсека, ни писателя. А разве нельзя было в свое время сказать Фадееву: “Властолюбие в писательском деле – вещь никчемная. Союз писателей – не воинская часть и уж никак не штрафной батальон, и стоять по стойке “смирно” никто из писателей перед тобой не будет, тов. Фадеев”. / Чем занимался Фадеев на протяжении этих 15 лет? <...> / Неужто для административно-хозяйственной работы не нашлось у нас в партии человека масштабом поменьше?..» [XX съезд..., 1956, т. 1, с. 585–586]. Если вслед за Герштейн считать, что Фадеев лег в больницу, не дождавшись конца съезда, то из этого следует, что речь Хрущева, в которой разоблачался культ личности Сталина, он не слышал: она прозвучала в последний день, 25 февраля. Что касается причин госпитализации, то их мог быть целый комплекс. «Чувство непреодолимого одиночества, черная меланхолия, приступы тоски преследовали Фадеева с середины 30-х годов до конца жизни – а все его фотографии свидетельствуют об обратном: они удостоверяют облик жизнерадостного, полного сил, открытого человека» [Иванова, 1998, с. 199]. Значительное ухудшение здоровья началось примерно с 1945 г.: бессонница, проблемы с сердцем, с печенью; в 1953 г. в письме пишет о себе: «...болен психически. Я совершенно, пока что, неработоспособен». Биограф о нем: «Да, пил, да, срывался, да, лечился – но это беда многих. / Другое дело, что нервы его в последние годы никуда не годились / <...> В феврале 1956 года Фадеев пишет Ильяхову: “Жизнь моя проходит в непрерывном чередовании больницы с многообразными делами, которых накапливается тем больше, чем чаще я выбываю из строя”» [Авченко, 2017, с. 325, 328].

⁸ Пересечения Ахматовой и Фадеева связаны главным образом с положением Фадеева как крупного литературного и партийного функционера. Его отношение к Ахматовой отмечено характерными для него противоречиями. В 1928 г. Михаил Зенкевич закончил беллетристические мемуары «Мужицкий сфинкс» и дал их прочесть Фадееву, тогда одному из руководителей РАППа, – «чтоб помог напечатать. Тот удивился, прочитав написанное: “Зачем все эти Ахматовы, Гумилевы, Нарбуты, Сологубы?.. Сейчас нужно не прошлое ворошить, а творчески устремляться в будущее”» (Вступ. заметка В. Лаврова к тексту: Зенкевич М. А. У камнина с Ахматовой // [Воспоминания..., 1991, с. 91]). О том же – в авторском предисловии к «Мужицкому сфинксу»: [Зенкевич, 1994, с. 413]. Глава об Ахматовой была впервые опубликована в 1989 г., а целиком мемуары вышли в 1991 г. Когда в 1939 г. ахматовские стихи впервые после пятнадцатилетнего перерыва должны были появиться

в печати – в «Московском альманахе», Фадеев написал в редакцию этого издания: «...альманах по существу должен быть альманахом молодежи. <...> / Поэтому я предлагаю изъять из альманаха вещи “стариков” (Асеева, Зошенко, Ахматовой). Раньше я придерживался другого мнения, недооценив одного очень существенного обстоятельства <...> первая же книга альманаха получит плохой политический резонанс...» [Фадеев, 1971, т. 7, с. 120–121]. Произведения «стариков» напечатаны в альманахе не были. В том же 1939 г. Ахматова была принята в Союз писателей СССР, что не могло осуществиться без одобрения Фадеева. В 1939–1940 гг. Фадеев деятельно участвовал в хлопотах о предоставлении Ахматовой «самостоятельной жилплощади», «установлении ей персональной пенсии» и выдачи ей правлением Литфонда безвозвратной ссуды [Черных, 2016, с. 372–373]. 17 января 1940 г. Фадеев писал зам. председателя Совнаркома СССР А. Ю. Вышинскому (курировавшему, в частности, культуру): «В Ленинграде в исключительно тяжелых материальных и жилищных условиях живет известная поэтесса АХМАТОВА <...> которая при всем несоответствии ее поэтического дарования нашему времени, тем не менее была и остается крупнейшим поэтом предреволюционного времени...». Вышинский обратился с указанием о предоставлении Ахматовой жилья к председателю Ленгорсовета П. С. Попкову, но результата не было [Чуковская, 1997, т. 1, с. 326; Черных, 2016, с. 374–375]. Хлопотавшим за Ахматову удалось добиться лишь безвозвратной ссуды. Подробно о длительной истории хлопот: [Соболев, 2017]. О выдвижении на Сталинскую премию ахматовского сборника «Из шести книг» в 1940 г.: «За нее горячо ратовали <...> А. Н. Толстой и Н. Н. Асеев, которых поддерживал А. А. Фадеев, да и остальные члены секции были твердо “за”. Потом вдруг что-то произошло. <...> после чего Фадеев не без смущения предложил секции снять кандидатуру Ахматовой, потому что она “все равно не пройдет на пленуме”» [Виленкин, 1991, с. 342–343]. Ахматова в разговоре с Шапориной: «...вскоре после появления моей книги “Из шести книг” она была запрещена, был устроен скандал редактору, издательству. Приезжал Фадеев, было бурное заседание в Союзе писателей, и Фадеев страшно ругал мою книгу. Я не присутствовала на этом заседании. Но была вскоре на каком-то вечере там же. Фадеев, увидев меня, соскочил с эстрады, целовал руки, объяснялся в любви» [Шапорина, 2012, т. 2, с. 38]. В том же 1940 г., еще в период ожидания Сталинской премии для Ахматовой, Фадеев впервые пытался вступить за ее сына. 27 августа в Переделькине К. И. Чуковский записал в дневнике: «Сидит внизу А. А. Вчера Фадеев прислал ей большое письмо, что он дозвонился до нужного ей человека, чтобы она завтра утром позвонила Фадееву, и он сведет ее с этим человеком» [Чуковский, 1994, с. 156]. О том же – запись Л. К. Чуковской от 31 августа: «Ее поразило и, конечно, обрадовало, что Фадеев принял ее очень любезно и сразу сделал все, от него зависящее. (Все последние дни перед отъездом она твердила: “Фадеев меня и на глаза не пустит”). Поражена также тем, что Фадеев и Пастернак выдвинули ее книгу на Сталинскую премию» [Чуковская, 1997, т. 1, с. 189]. К тем же дням относится дарственная надпись Ахматовой на сборнике «Из шести книг»: «Александр Александровичу / Фадееву – / автору прекрасных / страниц / русской прозы / с глубоким уважением / и безмерной благодарностью / Анна Ахматова. / 25 авг. 1940. / Переделькино» (Автограф приводится по скану оригинала в публ.: [Сеславинский, 2014, с. 16]. 28 сентября 1941 г. Ахматова вылетела из блокадного Ленинграда в Москву по вызову, организованному ей и Зошенко; вызов был подписан Фадеевым [Томашевская, 1990, с. 422]; из Москвы в Чистополь Ахматова также была отправлена по указанию Фадеева [Пастернак, 1989, с. 556] (из Чистополя Ахматова вскоре перебралась в Ташкент).

После августовского постановления 1946 г. имени Ахматовой и Зошенко многократно звучали в докладах и статьях Фадеева. Например: «...что общего между Анной Ахматовой и Михаилом Зошенко <...> оба они принадлежали к тем литературным течениям, которые проповедовали отрицание идейности и политики в литературе. <...> / Анна Ахматова <...> сложилась, главным образом, под влиянием Гумилева, который был прямым и открытым противником революции. <...> / Для нее весь наш мир – чуждый мир. / Как и свойственно

всем литературным декадентам, в стихах Ахматовой много мистицизма, чрезмерного внимания к сексуальным мотивам, и если бы мы пытались воспитывать на этих стихах нашу молодежь, они очень далеко увели бы ее» (Фадеев А. А. Задачи советской литературы // [Фадеев, 1971, т. 5, с. 492, 494]). «...Зощенко и Ахматова сильны не сами по себе, они являются как бы двумя ипостасями глубоко чуждого и враждебного нам явления. <...> писания Зощенко и Ахматовой являлись отражением на нашей почве того процесса, который в условиях Западной Европы дошел до своего логического конца и выражает там глубокий духовный кризис. <...> / Обывательское злопыхательство Зощенко и религиозная эротика Ахматовой не случайно шли рядом» (Фадеев А. А. Задачи литературной теории и критики // [Там же, с. 534–535]). «Что же касается Ахматовой, то Ахматова – это поэт, можно сказать, старой России, последнее наследство декадентства, оставшееся у нас. Стихи ее полны пессимизма, упадка. Что общего они имеют с нашей советской жизнью <...> Так почему же мы должны мириться с тем, чтобы нашу молодежь развращала, заводила в тупик безверия, пессимизма и упадка госпожа Ахматова?» (доклад Фадеева на собрании Чехословацкого общества культурной связи с СССР в Праге 5 ноября 1946 г. – стенограмма, направленная Фадеевым Жданову; цит. по: [Черных, 2016, с. 508]). Дневниковая запись Шапориной от 16 ноября 1946 г. (в этот день пражский доклад Фадеева был в сокращенном виде напечатан в «Литературной газете» в статье «Собрание писателей и интеллигенции в Праге»): «Из речи Фадеева в Праге: “Я не понимаю, зачем местной газете “Свободные Новины” понадобилось на своих страницах печатать произведения Зощенко и Ахматовой? Зачем нужно собирать объедки с чужого стола, выброшенные в мусорный ящик..., такой путь собирания объедков с чужого стола может привести только в болото”. Кто дал ему право так говорить? Какая отвратительная подлость»; от 20 января 1947 г.: «Я ей сказала, что была у нее под впечатлением выступления Фадеева в Праге. Все, что было до этого, не могло меня удивить, т. к. ничего, кроме гнусностей, я и не ждала, но писатель, русский интеллигент, – это возмутило меня до глубины души. “А мне его только очень жаль, – ответила А. А. – Ведь он был послан нарочно для этого, ему было приказано так выступить, разъяснить. Я знаю, что он любит мои стихи, и вот исполняет приказание. Я ни на кого ничуть не обижаюсь, я это искренно говорю; ничего от этого всего не случится, стихи мои не станут хуже”» [Шапорина, 2012, т. 2, с. 30, 38]. О подлинном состоянии Фадеева после постановления см.: [Либединская, 2011, с. 273–276] (впервые книга была опубликована в 1966 г.). В конце сентября 1946 г. по инициативе Фадеева Ахматова и Зощенко были восстановлены в правах членов Литфонда, что означало возвращение продовольственных карточек и других видов нормированного снабжения; «Приехав с этим решением в Ленинград, Фадеев в кругу товарищей говорил: “Братцы, я привез пайки для двух пострадавших писателей”» [Эвентов, 1991, с. 200; Воспоминания..., 1991, с. 470]. Через много лет, 4 июня 1959 г. Глэкин записал после встречи с Ахматовой: «...Ал. Фадеева считает очень порядочным человеком, несмотря на его речь о том, что Ахматова “сгноила три поколения советской молодежи” (1946)» [Глэкин, 2015, с. 62]. Однако примерно в то же время, в мае 1959 г., Ахматова упомянула Фадеева в красноречивом перечне: «...я, уже бесчисленное количество раз начисто уничтоженная, снова подверглась уничтожению в 1946 дружными усилиями людей (Сталин, Жданов, Сергиевский, Фадеев, Еголин), из которых последний умер вчера, а стихи мои более или менее живы, но имя мое в печати не упоминается...» ([Ахматова, 1989, с. 6]; см. также запись 1962 г.: [Записные книжки..., 1996, с. 265]).

По свидетельству Е. Б. Пастернака, именно Фадеев посоветовал Ахматовой написать верноподданнические стихи, чтобы помочь сыну [Пастернак, 1997, с. 646]. 7 декабря 1949 г. Ахматова послала стихи из цикла «Слава миру» Фадееву с сопроводительным письмом (по-видимому, через Ольшевскую); 1 марта 1950 г. Фадеев написал об Ахматовой секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову: «...посылаю Вам для сведения ее новые стихи. Стихи неважные, абстрактные, но, вместе с тем, они свидетельствуют о некоторых сдвигах в ее “умонастроении”»; Суслов передал стихи Суркову, напечатавшему их в «Огонь-

ру, там все изложено». Я и оборвала обращение к Михаилу Александровичу в моем черновике. А потом заметила, что там есть ахматовские поправки, пожалела и сохранила. Писали мы, очевидно, вместе. То, что написано моей рукой, вероятно, было набросано тут же, с ее слов. Я очень плохо помню, как это было, но хорошо помню, как Анна Андреевна вставила своей рукой в белой экземпляр – «мне кажется, что я стою перед открытой могилой своего сына»⁹, перепечатывать уже не было времени, она подписала письмо, и так с помарками я поспешила его отнести в Кремлевскую больницу.

Письмо А. А. Ахматовой А. А. Фадееву
(Из Москвы в Москву, 21 февраля – 1 марта 1956 г.)¹⁰:

Дорогой Александр Александрович!

Помогите мне в моем великом горе.

Мой сын, Лев Николаевич Гумилев, 7-й год находится в спецлагере. Его обвиняют в антисоветской агитации. Он осужден на 10 лет лишения свободы с последующим поражением в правах Особым совещанием по ст. 17-58, 8, 10. Вот уже 10 месяцев Главная военная прокуратура пересматривает его дело, которое находится под особым контролем (№ для справок 7-50043-49). Мой сын клянется, что никакого повода для репрессий не давал, что он – невинно осужденный. Он отрицал свою вину и на следствии в Лефортовской тюрьме в 1949–50 г., когда его допрашивал Абакумов со своими приспешниками, и недавно, на допросе в сен-

ке» [Огрызко, 2015, с. 3; Герштейн, 1989б, с. 56]. Фадеев стремился вернуть Ахматову в Союз писателей, в связи с чем, по словам Суркова, «консультировался в соответствующих органах, и ему сказали, что это надо сделать» [Огрызко, 2015, с. 3]. Также сохранилось письмо и. о. секретаря партгруппы ССП Н. М. Грибачева и Фадеева Суслову с просьбой разрешить восстановить Ахматову [Огрызко, 2017, с. 4]. После получения положительного ответа процесс восстановления был запущен. 19 января 1951 г. Президиум ССП СССР, заслушав выступление Фадеева, постановил восстановить Ахматову в правах члена Союза [Черных, 2016, с. 534]. 19 сентября 1952 г. Ахматова послала Фадееву рукопись сборника «Слава миру», в который вошли стихи, публиковавшиеся в «Огоньке», а также стихи о Великой Отечественной войне и некоторые переводы (см.: [Ахматова, 1990, с. 49–62, примеч. на с. 331–333]), редактором сборника был Сурков [Чуковская, 1997, т. 2, с. 69]. Рукопись сопровождалась письмом, в котором была, в частности, фраза: «После моего инфаркта ленинградский климат стал для меня совершенно невыносим, и я очень прошу Вас при распределении новой жилплощади вспомнить обо мне» [Фадеев, 2001, с. 283]. Фадеев, ставший первым внутренним рецензентом рукописи, в целом ее одобрил [Черных, 2016, с. 550], однако сборник не вышел. В качестве жилья московский Союз писателей предложил Ахматовой не квартиру, а комнату в коммунальной квартире, от которой она отказалась [Чуковская, 1997, т. 2, с. 77, 83]. Осенью 1953 г. Фадеев хотел назвать Ахматову, Пастернака и Зощенко «в положительном плане» на Пленуме Правления ССП – это не было разрешено [Черных, 2016, с. 557]. Следующие попытки помочь Ахматовой, о которых есть сведения, относятся уже к 1956 г.

⁹ По-видимому, аберрация памяти. Фраза об «открытой могиле» есть в более позднем ахматовском письме Фадееву, которое будет приведено в примечании № 29.

¹⁰ РГБ. Ф. 641. Кар. 3. Ед. хр. 7. Л. 3–4 об. Черновик письма: машинопись с поправками и рукописными вставками рукой Герштейн (фиолетовые чернила), без подписи. В той же ед. хр. на л. 1–2 об. – наброски этого письма рукой Герштейн (синий карандаш).

тябре 1955 г., к¹¹оторо>му он был подвергнут прокурором, приехавшим из Москвы. Он думает, что положение его осложнено и тем, что до ареста в 1949 г. он дважды привлекался к ответственности: в 1935 г., тогда он был через 10 дней после ареста выпущен из тюрьмы на свободу, и в 1938-м, когда он был осужден на 5 лет лишения свободы за то, что «считал свой арест неоправданной жестокостью», причем этого он в действительности не говорил.

Нач¹²альник> следственного отдела Главной военной прокуратуры тов. Занчевский ¹² говорит, что дело проверяется так долго из-за того, что имеется очень много материалов. А сын мой удивляется, сколько можно проверять «пустое место»? Я думаю, что Прокуратура располагает свидетельскими показаниями, которые исходят от людей, мало его знавших. Вы как психолог и беллетрист знаете, как часто люди передают за верное то, что подсказано им их досуговой фантазией. Такие домыслы уже много лет опутывают моего сына. Люди, которые видели его лишь однажды, утверждают, что «хорошо его знают», рассказывают о нем то, что, по их мнению, должно характеризовать сына Гумилева и Ахматовой, их слушатели передают это при случае дальше, и таким образом возникают свидетельские показания, из-за которых гибнет мой сын.

Я со своей стороны могу сказать, что годы перед арестом он жил вместе со мной; никогда, нигде, ни с кем он не обсуждал Постановления ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград», не проронил ни одного слова по этому поводу, понимая, что каждое его слово может быть перетолковано в дурную сторону. Может быть, от него ждали, чтобы он публично выступил по этому поводу? Но кто же мог требовать этого от моего родного сына? Между тем этот пункт фигурирует в обвинении. Его спрашивают, где, когда и при каких обстоятельствах он критиковал Постановление. – Нигде! Никогда!

За 4 года, что он прожил на свободе, он окончил университет, защитил кандидатскую диссертацию, подготовил к печати книгу и ряд статей. Он упорно работал, чтобы стать полезным Родине советским историком, <а> какую ценность имеют его труды, Вы увидите из отзывов крупных советских ученых, копии которых я прилагаю ¹³.

За 4 года, что он прожил на свободе, он окончил исторический факультет университета, защитил диссертацию, подготовил к печати исследовательскую книгу и ряд статей ¹⁴. Ему это было трудно, потому что его научные враги добились того, что его уволили из ИВАН, создавали ему репутацию антисоветского человека, хотели даже объявить его сумасшедшим, провокационно предложив работу в библиотеке психиатрической больницы. Как он мог, живя в таком напряжении и под пристальным наблюдением, заниматься антисоветской агитацией? И зачем

¹¹ Первоначально было: «...когда его допрашивал прокурор, приехавший в лагерь из Москвы». Из наброска письма на л. 1: «Отрицал его (обвинение. – О. Р.) и на допросе, которому был подвергнут в сент. 55 выехавшим к нему в лагерь прокурором (в г. Омск)».

¹² Имеется в виду Сергей Константинович Занчевский (1918–1998). В 1941–1955 гг. прошел путь от военного следователя до старшего помощника Главного военного прокурора. В 1967 г. – заместитель Главного военного прокурора. В 1973 г. – Заслуженный юрист РСФСР, назначен первым заместителем Главного военного прокурора ([Военная юстиция..., 2017, с. 237]; подробнее о Занчевском: [Петров, 2018].

¹³ В наброске письма на л. 1: «Струве, Окладников» Артамонов».

¹⁴ Так (повтор)!

бы он стал это делать, <когда так упорно работал над собой, чтобы овладеть подлинно марксистским взглядом на исторический процесс,>¹⁵ так страстно хотел быть полезным Родине советским историком? Что ж он, самоубийца? Или хотел подвергнуть меня новому испытанию?

О зрелости его исторических воззрений можно судить хотя бы по его работе, которую он написал в лагере. По вечерам, лежа на нарах, на подставленной дощечке он написал «Историю Срединной Азии», труд в 20 печ<атных> листов¹⁶. Эту его книгу читал член-корреспондент АН СССР Николай Иосифович Конрад¹⁷. Вы можете позвонить ему по телефону В2-24-32. Он, наверно, не откажется

¹⁵ Часть предложения, заключенная мной в угловые скобки, зачеркнута.

¹⁶ Между строк основного текста вставлено дополнение: «А его обвиняют в том, что он кого-то (не знаю, кого) подговаривал совершить террористический акт (не знаю, против кого). Мой сын – серьезный историк, человек, умеющий смотреть на события исторически, а не авантюрист политический!»

¹⁷ Конрад Николай Иосифович (1891–1970) – основатель и глава советской школы японоведения, китаевед, корейист. О неоднократно менявшихся взаимоотношениях Конрада с советским режимом см.: [Алпатов, 2002, с. 209–211]. В 1922 г. Конрад создал первую в России кафедру японской словесности в Петроградском (с 1924 г. Ленинградском) университете. В 1922–1938 гг. руководил всеми петроградскими (ленинградскими) японоведческими центрами. С 1926 г. – профессор. С 1934 г. – член-корреспондент Академии наук СССР. В 1938–1941 гг. прошел через тюрьму, пытки и лагерь, затем – через шарашку, где смог продолжить занятия наукой. Был выпущен в 1941 г. в связи с тем, что стране срочно понадобились японоведы для переводов японской военной литературы. Возглавил японскую кафедру Московского института востоковедения и др. Будучи наполовину латышским немцем, наполовину русским, в период борьбы с «космополитизмом» был вынужден уйти со всех должностей и в 1950 г. перешел на пенсию по инвалидности. В 1951 г., когда ситуация стала несколько спокойнее, вернулся в академический Институт востоковедения в Москве. «В такой ситуации поистине безумным выглядел поступок человека с подозрительно-космополитичной фамилией Конрад, уже прошедшего лагерь и прекрасно знающего об арестах «повторников»: на заседании бюро Отделения литературы и языка АН он осмелился возражать против увольнения из Пушкинского Дома выдающегося литературоведа Б. М. Эйхенбаума; единственный из всего состава бюро! <...> / Память об ушедших учителях, погибших друзьях и коллегах, помощь тем из них, кому удалось выжить, пройдя сквозь ад сталинских тюрем и лагерей, материализовалась в жизни Николая Иосифовича Конрада в многолетний, каждодневный труд по изданию самого ценного для ученого – их научного наследия. Пожалуй, трудно назвать другое имя академика, столь же много сделавшего в этой области в 50–60-е годы!» [Сорокина, 1995, с. 139]. В 1958 г. Конрад был избран действительным членом Академии наук. В 1970 г. получил в Японии высшую награду для иностранцев – орден Восходящего солнца. Автор более двухсот научных работ; итоговый труд Конрада – «Запад и Восток». «Первое, что бросается в глаза при рассмотрении научного наследия Н. И. Конрада – широта и многогранность его интересов <...> В пределах же китаистики и особенно японоведения <...> он писал о классической и современной литературе, древней, средневековой и новой истории, старописьменном и современном языке, системе образования и культурной политике, традиционном и современном театре, этнографии, культурных связях Японии и Китая с Европой и Россией и т. д., переводил древних и современных авторов. <...> / При большом разбросе тематики вся научная деятельность Н. И. Конрада имела четкий стержень – изучение духовной культуры в широком смысле этого слова» [Конрад, 1996, с. 4–5].

подтвердить свое мнение о ней, о том, что «это очень интересная работа и имеет большое научное значение»¹⁸.

¹⁸ «Конрад прежде не был знаком с Гумилевым, но заинтересовался судьбой ученого, который даже в лагере продолжал заниматься наукой» [Беляков, 2013, с. 258], ведь Конрад и сам – во время пересмотра своего дела – занимался наукой в тюрьме. Свидетельство Герштейн: летом 1955 г. у Ахматовой «установилась связь с известным востоковедом Николаем Иосифовичем Конрадом. Но, несмотря на его усилия, ему тоже не удалось добиться хотя бы одного обнадеживающего слова. Кажется, я даже не рассказала Анне Андреевне об одной неудачной попытке Конрада. Он был прикреплен к Кремлевской поликлинике, и к нему приезжал врач, лечащий также П. Н. Поспелова, секретаря ЦК, руководителя идеологической работы, академика. Конрад попросил своего лечащего врача передать Поспелову письмо, в котором ходатайствовал о пересмотре дела востоковеда Л. Н. Гумилева. Врач передал просьбу Конрада, Поспелов прочел, но ничего не ответил, ни устно, ни письменно. / Анна Андреевна познакомилась с Конрадом, когда работала над переводами из корейской и китайской поэзии для Гослита. В это время началось издание многотомной Всеобщей истории, и Конрад хотел привлечь к участию в этой работе Л. Н. Гумилева, не дожидаясь его освобождения (с крупными специалистами это иногда делалось). Особенно горячо отнесся Конрад к Гумилеву, когда прочел его рукопись (20 листов) по истории Срединной Азии, которую Лев написал в лагере и ухитрился переслать мне в октябре 1955 года. Перепечатал на машинке, я отнесла ее Конраду. С какой нежностью он держал в руках, как будто взвешивал каждую, четыре красные папки, в которые я вложила рукопись! Но <...> рекомендации и усилия этого авторитетного ученого не дали желаемого результата» [Герштейн, 1989б, с. 60]. Конрад писал не только Поспелову: сохранился ответ ему за 30 июля 1956 г. от прокурора отдела Главной военной прокуратуры с сообщением о прекращении дела Л. Н. Гумилева (АРАН. Ф. 1675 (фонд Н. И. Конрада). Ед. хр. 257). Поскольку Конрад хлопотал самостоятельно, его ходатайств нет в подборке Герштейн; на сегодняшний день их тексты неизвестны. Привлечь Гумилева к работе над «Всемирной историей» Конраду не удалось (подробно об этом: [Беляков, 2013, с. 258–260]). Гумилева интерес к нему Конрада очень обрадовал. 27 июля 1955 г. он писал Герштейн: «Николай Иосифович – это такой человек, перед коим не зазорно и на пузо лечь. Это титан востоковедения, и его мнение о моих работах – это такая награда, что лучше и быть не может» [Герштейн, 1998, с. 363; см. также с. 364, 368, 370, 376].

17 ноября 1961 г. Гумилев защитил докторскую диссертацию, в связи с чем Чуковская записала: «Я поздравила Анну Андреевну с Левиной диссертацией, передала ей – со слов Оксмана, – что Конрад считает его великим ученым» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 479. Запись от 1 января 1962 г.]. Сохранились документальные свидетельства контактов Ахматовой и Конрада. Конрад получил от Ахматовой издание «Корейской классической поэзии» (1956) с инскриптом: «Николаю Иосифовичу / Конраду – / с глубоким уважением / и благодарностью / на строгий суд – / Ахматова. / 13 апреля / 1956 / Москва» (воспроизведение автографа: [Варава, 2014, с. 32]). 6 мая 1956 г. он ответил: «Глубокоуважаемая Анна Андреевна! / От души благодарю Вас за “Корейскую поэзию”. Этот Ваш подарок мне дорог вдвойне: поэзия эта создана народом, среди которого я прожил несколько очень хороших лет и который я очень люблю, русский же облик этой поэзии создан Вами, творчество которой уже давно и прочно вошло в мое сознание, как, вероятно, и очень, очень многих людей, особенно – тех, кому выпало счастье быть Вашим современником. / Спасибо. Н. Конрад» [Конрад, 1996, с. 322]. 20 мая 1956 г. Ахматова подарила Конраду машинопись «Реквиема» и «Поэмы без героя» [Черных, 2016, с. 600]. Инскрипт на титуле ахматовского сборника «Из шести книг»: «Николаю Иосифовичу / Конраду / в знак / глубокой благодарности / Ахматова / 28 апреля / 1957 / Москва» [Конрад, 1996, с. 506] (воспроизведение автографа в блоке иллюстраций, неточная публикация). 8 марта 1958 г. Чуковская привезла Ахматовой в подмосковный санаторий в Болшеве ее ленинградскую почту: «Из приве-

Александр Александрович! Я работаю из последних сил: впервые перевела на русский язык две поэмы китайского классика века Цюй Юаня¹⁹, антологию корейской поэзии, перевела для юбилейного издания В. Гюго «Марион Делорм»²⁰, в альманахе «Литературная Москва» печатаются мои новые стихи²¹. Сейчас мне

зенной мною пачки она извлекла также письмо от Конрада по поводу каких-то ее хлопот о какой-то Левиной книге. Хотя известия, насколько я могла понять, были благоприятные – письмо взволновало ее.

– Мне не под силу больше хлопотать, – сказала она...» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 280]. «Левина книга» – «Хунну. Срединная Азия в древние времена», которая выйдет в 1960 г. По-видимому, Ахматова ответила Конраду не сразу. Черновик ахматовского письма от начала апреля (?) 1958 г. (датировка: [Черных, 2016, с. 628]): «Глубокоу<ажаемый> и дорогой / Ник<олай> Иосиф<ович>. / Мне бесконечно тяжело думать, что Вы хоть на минуту могли поверить, что я могу не откликнуться на такое письмо, кот<орое> Вы прислали мне в Ленинград. Дело в том, что в это время я была в Болшеве, а моя воспитанница не пересылает мне письма. Я очень прошу Вас, Ник<олай> Иос<ифович>, верить, что все, что Вы сделали для моего сына, а следовательно для меня, останется самым светлым воспоминанием на фоне моих страшных лет. Еще и еще раз благодарю Вас. Анна Ахматова» [Записные книжки..., 1996, с. 7]. Письмо Конрада Ахматовой от 23 июня 1958 г.: «Глубокоуважаемая Анна Андреевна. / Я получил Вашу – совместную с Львом Николаевичем телеграмму с поздравлением по случаю моего избрания в действительные члены Академии наук СССР. Поверьте, я очень тронут таким знаком Вашего внимания и Вашего доброго расположения. / Спасибо вам обоим. С наилучшими пожеланиями / Н. Конрад» [Конрад, 1996, с. 324]. Дарственная надпись от 30 декабря 1958 г. на сборнике «Стихотворения» (1958): «Николаю Иосифовичу Конраду с глубоким уважением. А. Ахматова» [Черных, 2016, с. 639]. Имя Конрада есть и в списке тех, кому Ахматова собиралась подарить сборник 1965 г. «Бег времени» [Записные книжки..., 1996, с. 573].

¹⁹ Пропуск на месте века. Даты жизни Цюй Юаня: ок. 340 – ок. 278 г. до н. э. Под двумя поэмами подразумеваются «Лисао» и «Призывание души». Впервые ахматовские переводы появились в изд.: Цюй Юань. Стихи. М.: Гослитиздат, 1954 (переизд. в 1956 г.).

²⁰ [Гюго, 1953]. «Марьон Делорм» – драма в пяти действиях. Авторское прозаическое предисловие к ней [Там же, с. 7–12] Ахматова не переводила, перевод этого текста был взят редакцией из предшеств. изд.: Гюго В. Марион Делорм / Пер. Б. К. Лившица // [Гюго, 1937, с. 69–227]. Предисловие к «Марион Делорм» – [Там же, с. 69–74]. Имя Лившица под переводом предисловия в издании 1953 г. указано быть не могло, поскольку поэт Бенедикт Лившиц в 1938 г. был расстрелян как «враг народа».

²¹ Речь идет о подготовке первой после постановления 1946 г. публикации нескольких ахматовских текстов не из цикла «Слава миру». Воспоминания М. И. Алигер: «В конце 1955 года, став членом редколлегии одного московского альманаха, я попросила стихи и у Анны Андреевны. Она долго отбирала, заменяла, раздумывала и передумывала...» (Алигер М. В последний раз // [Воспоминания..., 1991, с. 361]). В первом выпуске альманаха «Литературная Москва» (М.: Гослитиздат, 1956. С. 537–539) было напечатано несколько строф из «Поэмы без героя» под названием «Петроград. 1916» (фрагменты заканчиваются строкой «Настоящий Двадцатый Век» – таким образом, под его началом подразумевается 1917 г.) и три стихотворения, объединенные в цикл «Азия» («Третью весну встречаю вдали...», «Разве я стала совсем не та...», «Ты, Азия – родина родин!...»). Об отношении Ахматовой к произведениям разных авторов в этом выпуске см.: [Чуковская, 1997, т. 2, с. 186–188, запись от 29 февраля 1956 г.]. В том же году вышел и второй выпуск альманаха. Сборники были подготовлены Э. Г. Казакевичем, М. И. Алигер, В. А. Кавериним и др. Наряду со стихами, прозой, статьями официально признанных писателей там, кроме произведений Ахматовой, напечатаны стихи эмигрантки М. Цветаевой, бывшего лагерника Н. Заболоцкого и т. д.; тексты многих авторов проникнуты «оттепель-

предлагают переводить поэтов Индии²², но как я могу работать, живя в таком отчаянии! Я про²³ не знаю, как буду работать дальше. Сын мой тоже болен, только что перенес операцию крайне запущенного аппендицита. Я не видела его, и, если сейчас его не реабилитируют, наверное, больше его никогда не увижу. Теперь можно сказать без преувеличения сказать²⁴, что катастрофа и для меня, и для моего сына неминуема.

Простите, что я, против своего обыкновения, пишу Вам так длинно²⁵. Но я невольно вылила Вам душу и хотела, чтобы Вы как можно лучше поняли положение дела моего сына. Если Вы можете мне помочь, я буду Вам безмерно благодарна. Если же считаете это для себя невозможным, ради бога, известите меня. Я так уже измучена пыткой ожидания, что прошу Вас не держать меня в неведении, каково бы ни было положение дела. Может быть, мне нужно самой обратиться к Правительству?²⁶ Я убеждена, что при своей великой человечности наше новое руководство не оставит нас в таком безвыходном положении²⁷.

ным» духом. Первый выпуск «Литературной Москвы» был принят благожелательно, второй же был подвергнут разгромной критике. Хотя уже был подготовлен третий выпуск (в котором вновь должны были появиться стихи Ахматовой), издание больше не выходило. О травле редколлегии альманаха см.: [Чуковская, 1997, т. 2, с. 693–694]. Об истории альманаха см. главу «Литературная Москва» в мемуарах [Каверин, 1989, с. 344–368], ряд писем Э. Г. Казакевича [Казакевич, 1990, с. 369–376, 402, 433–437, 443 и др.] и т. д.

²² Ахматова переводила стихи двух индийских поэтов: Рабиндраната Тагора (1861–1941) и Сумитранандана Панта (1900–1977). Над Тагором Ахматова работала с 1956 г. Первые ахматовские переводы были напечатаны в 1957 г. в седьмом томе изд.: [Тагор, 1955–1957]. Последующие делались для седьмого и восьмого томов изд.: [Тагор, 1961–1965]. В работе принимал участие Найман. Подробнее о переводах Ахматовой и о ее отношении к Тагору см., например: [«Ваша осинка...», 2022, с. 114–115]. Над стихами Панта Ахматова работала в 1959 г. См. [Записные книжки..., 1996, с. 30, 77]. Ср. также письмо Ахматовой к Герштейн от 29 января 1959 г.: «Очень прошу Вас переписать эти четыре стихотворения Панта в моем переводе и доставить их тов. Зимину в И<здательство>во Ин<остранной> Литературы – хотя бы по почте» [Герштейн, 1989а, с. 264]. Первая публ. ее переводов: [Пант, 1959].

²³ Так! По-видимому, должно было быть «я просто не знаю» или «я про себя не знаю».

²⁴ Так (повтор)!

²⁵ В ахматовском эпистолярии длинные, подробные письма – редкость. Ахматова не раз сообщала корреспондентам о своей «аграфии» («несчастливая особенность моего характера, которая делает для меня писание писем предприятием почти невозможным») [Н. Гумилев, А. Ахматова..., 2005, с. 104]. Детальное описание судьбы Гумилева в публикуемых ходатайствах принадлежит Герштейн. Она – о ходатайстве Шолохову: «...сочиняла и печатала на машинке я, а Анна Андреевна правила карандашом», Фадееву (по шолоховскому образцу): «Писали мы, очевидно, вместе». Ср. эти письма, написанные Ахматовой совместно с Герштейн и напечатанные Эммой Григорьевной на машинке, с короткими письмами тем же адресатам, написанными без участия Герштейн, от руки.

²⁶ О письменных обращениях Ахматовой к верховным властям (8 февраля 1954 г. – к председателю Президиума Верховного Совета СССР, члену Президиума ЦК КПСС Ворошилову, а несколько позднее в том же году – к государственному и партийному деятелю, академику Г. М. Кржижановскому, чтобы передал ее письмо «выше») см.: [Ахматова, 1994, 22; Герштейн, 1998, с. 317–318, 350–351; Герштейн, 1989б, с. 57–58]. Поскольку эти хлопоты были безуспешны, Ахматова, по словам Герштейн, поняла: новое правительство не собирается давать ей никакой поправки, при все еще действующем поста-

новлении 1946 г. «всяческое обращение от ее имени будет для Льва не только бесполезным, но и губительным. Значит, надо действовать кружным путем» [Герштейн, 1998, с. 317–318]. Впоследствии напрямую к правительству Ахматова не обращалась.

²⁷ Ср. последнее сообщение агента КГБ об Ахматовой (23 ноября 1958 г., уже после закрытия ахматовского дела в 1956 г.): «...О правительстве Хрущева отзывается положительно, считая его милосердным и справедливым...» [Калугин, 1994, с. 79]. Такое отношение к Хрущеву Ахматова высказывала не только, когда оно могло дойти до властей. После того, как стало известно содержание доклада Хрущева на XX съезде, навесившая Ахматову Чуковская записала ее речь [Чуковская, 1997, т. 2, с. 188–192. Запись от 4 марта 1956 г.]. «Она говорила тихим голосом, но как будто не для меня одной, а с трибуны.

– Сталин – самый великий палач, какого знала история. <...> Мы и раньше насчет него не имели иллюзий, не правда ли? а теперь получили документальное подтверждение наших догадок. <...> Теперь выяснилось, что лично товарищ Сталин указывал, кого бить и как бить. <...>

Фадеев послал письмо о Леве. Радость – но даже и эта радость тонет в лучах хрущевской речи.

– <...> Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили. Началась новая эпоха. И мы с вами до нее дожили» [Там же, с. 188–190]. «В мае 1957 г. первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев подтвердил, что “в решениях партии по идеологическим вопросам определены важнейшие задачи и основные принципы политики партии в области культуры и искусства, сохраняющие свою силу в настоящее время”, а в редакционной статье, напечатанной в “Литературной газете” 15 августа 1957 г., прямо указывалось, что “постановление ЦК партии о журналах “Звезда” и “Ленинград” <...> продолжает оставаться направляющим для наших литературно-художественных журналов» [Черных, 2016, с. 15–16]. В октябре 1961 г. состоялся XXII съезд КПСС, после которого «в отделе культуры ЦК стали поговаривать об отмене постановления о “Звезде” и “Ленинграде”. И. С. Черноуцан <...> подготовил проект отмены постановления» [Тименчик, 2015, т. 1, с. 246]. В ноябре 1962 г. Хрущев сказал Твардовскому, что постановление 1946 г. «можно игнорировать» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 552. Запись от 16 ноября 1962 г.]. Запись Глэкина от 16 декабря 1962 г.: «Ан. Андр. сказала, что пресловутое постановление 46 года отменять не будут... “Но мне это все равно. Я понимаю. Им это (ее стихи. – Г. Г.) не нравится, а они хозяева положения. Мое отношение к Хрущеву это никак не изменит. Я – партии Хрущева...”» [Глэкин, 2015, с. 204]. Постановление было отменено только в 1988 г., перед столетием со дня рождения Ахматовой. Неотступное внимание Ахматовой к происходившим в стране событиям, к выступлениям и поступкам Хрущева нашло отражение в дневниках и воспоминаниях людей ее круга. Н. Н. Глен вспоминала: «Я помню, как пришла к Анне Андреевне и застала ее очень взволнованной. И она, как это в некоторых случаях делалось, на бумажке написала: “Новочеркасск. Слышали?” А потом бумажку сожгла. Об этих кровавых событиях тогда в печати не было ни звука» [Подвал..., 1996, с. 6]. Речь шла о событиях лета 1962 г.: о протестах и расстреле рабочих Новочеркасска, «возмущенных нехваткой мяса и картошки (“Хрущева на мясо”, – писали мелом на тепловозе) и вообще условиями жизни. Инженер, написавший анонимное письмо с описанием события К. Г. Паустовскому, был за это письмо присужден к 7 годам заключения за антисоветскую деятельность» [Тименчик, т. 1, с. 275]. «Лев Николаевич вышел из лагеря с последней волной “реабилитации”. Анна Андреевна стала о себе говорить: “Я хрущевка. Я из партии Хрущева”. Долго она продолжала это твердить, настаивая, что Хрущеву можно простить многое за то, что он выпустил из тюрьмы невинных людей. Пожалуй, только процесс Иосифа Бродского оборвал ее симпатии к Хрущеву» (Роскина Н. «Как будто прощаюсь снова...» // [Воспоминания..., с. 534]). 14–15 октября 1964 г. Хрущев был смещен со всех постов. Ахматова отметила в дневнике: «15 окт<ября> / Каков день! Мы ехали по Кировскому <мосту> с Толей. Я сказала: “Посмотрите направо, над крепостью”.

«Объяснения», части 3 и 4:

Я передала письмо в пропускной, а когда вернулась на Ордынку, узнала, что Фадеев уже звонил Ахматовой и пригласил к себе в больницу²⁸.

Результатом этого визита было известное письмо Фадеева в Главную военную прокуратуру СССР от 2 марта 1956 года (напечатано в «Новом мире», 1961 г., № 12)²⁹.

А там вместо солнца шел по небу огромный багровый столп. <...> сказала (Т<оля> в ужасе спросил: “Что это?”): “Наш народ называет это – небесное знаменье”. Кроме того, что сегодня день рождения Лермонтова, сегодня же и *сюр д’Etat*. Посмотрим?» [Записные книжки..., 1996, с. 493] («*Сюр д’Etat*» (фр.) – переворот). О том же см.: [Найман, 1989, с. 209]. 7 ноября 1964 г. Чуковская записала слова Ахматовой: «Расстались при Хрущеве, встречаемся при Брежневе. Бег времени! Правительство-то новое, да новая ли эпоха?» [Чуковская, 1997, т. 3, с. 240]. Свидетельство Евгения Евтушенко об общении Ахматовой и Хрущева (якобы на «очередном съезде писателей», сидя на сцене в президиуме, Хрущев и Ахматова разговаривали) не соответствует реальности [Евтушенко, 2014, с. 806]. Ахматова действительно была в президиуме на одном из писательских съездов: это был Второй съезд писателей РСФСР, состоявшийся 3–7 марта 1965 г. Но в это время Хрущев уже находился на пенсии и на съезде не присутствовал (об этом – в докладе Р. Д. Тименчика о надежности источниковедческой базы ахматовских штудий, двенадцатое заседание Ахматовского онлайн-семинара, 28 июля 2022 г., Пушкинский Дом). Ахматова была также делегатом на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, проходившем 15–26 декабря 1954 г. Хрущев вместе с Политбюро присутствовал на его открытии, но общаться с ним она возможности не имела.

²⁸ В беседе с Р. А. Рубинштейном и И. М. Басалаевым Ахматова сказала (или так запомнил Басалаев), что была у Фадеева «два раза, когда он лежал в Кремлевской больнице. Привозила все документы, и от Артамонова и от... (ученые, профессора, знавшие Л. Н. Гумилева как молодого ученого), мы с ним говорили, он обещал сделать, что мог...» [Басалаев, 1998, с. 578. Запись от 26 декабря 1961 г.]. В коммент. к публ.: «В машинописной копии этого текста, снятой Э. Герштейн, имеется ее примечание к этим словам Ахматовой: “А мне кажется, один раз. Э. Г.”» [Там же, с. 592].

²⁹ Текст письма Фадеева: «В Главную военную прокуратуру // 2 марта 1956 года / Направляю Вам письмо поэта Ахматовой Анны Андреевны по делу ее сына Льва Николаевича Гумилева и прошу ускорить рассмотрение его дела. Я не знал и не знаю Л. Н. Гумилева, но считаю, что ускорить рассмотрение его дела необходимо, поскольку в справедливости его изоляции сомневаются известные круги научной и писательской интеллигенции. Сам он (согласно имеющимся в деле и дополнительно прилагаемым здесь документам крупных советских деятелей науки) является серьезным ученым и притом в той области, которая сейчас, при наших связях со странами Азии, нам особенно нужна: он – историк-востоковед. / Его мать – А. А. Ахматова – после известного постановления ЦК о журналах “Звезда” и “Ленинград” проявила себя как хороший советский патриот: дала решительный отпор всем попыткам западной печати использовать ее имя, и выступила в наших журналах с советскими патриотическими стихами. Она является в настоящее время высокохудожественной переводчицей лучших произведений поэзии наших братских республик, а также Запада и Востока. Патриотическое и мужественное поведение старого крупного поэта, после столь сурового постановления, вызвало глубокое уважение к ней в писательской среде, и А. Ахматова была делегатом на 2-м Всесоюзном съезде советских писателей. / При разбирательстве дела Л. Н. Гумилева необходимо также учесть, что (несмотря на то, что ему было всего 9 лет, когда его отца Н. Гумилева уже не стало) он, Лев Гумилев, как сын Н. Гумилева и А. Ахматовой всегда мог представить “удобный”

4.

Анне Андреевне было немного неудобно, что она обращалась и к Суркову, и к Фадееву, но последний, услышав от нее об этом, очень добродушно ответил, что, мол, тем лучше, один подкрепит другого.

Одновременно с Фадеевым в Кремлевской больнице лежал также С. Я. Маршак³⁰. Они беседовали втроем. Анна Андреевна вспомнила, как она лежала в больнице. И даже изобразила, как больная из другой палаты, не заставая Анну Андреевну на месте, показывала пальцем на ее пустую койку и спрашивала:

материал для всех карьеристских и враждебных элементов для возведения на него любых обвинений. / Думаю, что есть полная возможность разобраться в его деле объективно. / Депутат Верховного Совета СССР писатель А. Фадеев». Письмо было опубликовано еще при жизни Ахматовой: [Фадеев, 1961, с. 195] (приводится по этой публ.). «Этот документ впервые печатно осветил основной фон ахматовской жизни предыдущих десятилетий» ([Тименчик, 2015, т. 1, 252]; о Фадееве см. и мн. др. страницы двухтомника). Ахматова записала в дневнике: «26 дек<абря> вчера вечером Ром<ан> Ал<ьбертович> (Рубинштейн, муж И. Н. Пуниной. – О. Р.) привез мне 12-ый номер “Нового мира”. Там письмо Фадеева в Верх<овную> Воен<ную> Прокуратуру по поводу моих хлопот о Леве» [Записные книжки..., 1996, с. 199; см. также с. 196, 212]. Свидетельство о том, каким потрясением для Ахматовой стало чтение этого письма: [Басалаев, 1998, с. 577–578]. Очевидно, ходатайство Фадеева способствовало процессу ускорения, поскольку через несколько дней, 10 марта 1956 г., Ахматова написала ему такое письмо: «Дорогой Александр Александрович! / Сейчас я узнала, что дело моего сына рассматривается в понедельник (12 марта). Трудно себе представить, какое это для меня потрясение. / Вы были так добры, так отзывчивы, как никто в эти страшные годы. Я умоляю Вас, если еще можно чем-нибудь помочь, сделайте это (позвонить, написать). / Мне кажется, что я семь лет стою над открытой могилой, где корчится мой, еще живой сын. Простите меня. / Ахматова» (Первая публ.: [Дикушина, 1993, с. 6]. Приводится по этой публ.). По всей видимости, письмо было передано Фадееву в больницу Ниной Ольшевской, у которой Ахматова в это время жила. «13 марта 1956 г. она передала Фадееву свою записку: “Дорогой Сашенька! / Я очень огорчаюсь, что тогда в воскресенье не могла к тебе попасть, а теперь и вовсе неизвестно, когда увидимся из-за карантина. Как твоё здоровье? Говорят, ты простудился. / Пишу я тебе потому, что Анна Андреевна хочет, чтобы ты знал, что дело вчера не разбиралось, потому что болен Руденко. А он сам будет решать это дело; вероятно, к следующему понедельнику будет здоров (дела в Прокуратуре СССР разбираются по понедельникам). Так сказали в приемной Главной Военной Прокуратуры лицу, которое постоянно справляется об этом деле. / Рада была слышать твой голос, рада, что ты поправляешься, рада, что ты работаешь, и все мы очень ждем тебя и твою новую книгу. / Целую тебя нежно и люблю. Витя целует”» [Фадеев, 2001, с. 586]. «Лицо, которое постоянно справляется об этом деле» – Герштейн. Она вспоминает: «В следующий раз, когда я пришла в Прокуратуру, я узнала, что Руденко, Генеральный Прокурор, уехал на процесс в Баку и нужно дожидаться его возвращения. И только 9 мая мне сообщили в Прокуратуре, что протест Руденко уже ушел в Военную Коллегию Верховного Суда СССР и недели через две надо будет начать справляться там. Я немедленно написала об этом Лева, но авиаоткрытка пришла обратно с надписью: “адресат был 14 мая”» [Герштейн, 1989, с. 63].

³⁰ В 1955 г. Фадеев «просил Булганина прикрепить к кремлевской больнице Маршака, оставшегося без родных» [Авченко, 2017, с. 253]; в 1953 г. умерли жена Маршака Софья Михайловна и его брат, писатель и инженер-химик Илья Яковлевич Маршак (псевдоним М. Ильин). О дружбе Ахматовой с Маршаком см., например, в статье: [«Ваша осинка...», 2022, с. 96–97].

«А что, та бабка уже умерла?»³¹ «Им было неудобно надо мной смеяться, – рассказывала мне Анна Андреевна, – да еще когда я пришла по такому делу, но им было ужасно смешно, и во время разговора то один, то другой – вспомнит и тихонько прыснет».

Э. Герштейн³²

ноябрь
1970

На этом «Объяснения» Герштейн к сохраненному ею блоку документов кончаются. Позволю себе немного их дополнить.

Вскоре Ахматова послала Фадееву издание «Корейской классической поэзии» с дарственной надписью: «Александру Александровичу / Фадееву / большому писателю / и / доброму Человеку / А. Ахматова / 13 апреля 1956 / Москва»³³. 27 апреля Фадеев ответил благодарственным письмом: «...Переводы – выше всяких похвал...»³⁴. 13 мая Фадеев застрелился³⁵.

³¹ О том же: [Чуковская, 1997, т. 2, с. 171]. Речь идет о московской 2-й Градской больнице, куда Ахматова попала по поводу аппендицита 23 декабря 1955 г.

³² Подпись и дата проставлены Герштейн от руки.

³³ Корейская классическая поэзия / Пер. А. Ахматовой; общ. ред., предисл. и примеч. А. А. Холодовича. М.: Гослитиздат, 1956. Дарственная надпись приводится по скану оригинала в изд.: [Анна Ахматова, 2016, с. 149].

³⁴ Цит. по: [Фадеев, 1971, т. 7, с. 569].

³⁵ Накануне самоубийства Фадеева его навещал друживший с ним с юности писатель Ю. Н. Либединский с женой; см. воспоминания о состоянии и мыслях Фадеева в этот день: [Либединский, 2000, с. 246–251; Либединская, 2011, с. 351–356]. «Он был измучен, взвинчен, расстроен, порою какая-то звериная тоска слышалась в его словах. Мы чувствовали, что ему плохо, что, говоря об ошибках прошлого, он не складывает с себя ответственности, что он мучается и напряженно думает, как исправить ошибки, в которых он был и не был виноват, потому что обусловлены они пережитым нами временем» [Либединская, 2011, с. 355]. «В официальном сообщении от имени ЦК КПСС, появившемся 15 мая 1956 года в “Правде”, самоубийство Фадеева объяснялось просто-напросто запоями: “...в последние годы А. А. Фадеев страдал тяжелым прогрессирующим недугом – алкоголизмом...” Что же касается до предсмертного письма, адресованного Фадеевым в ЦК и объяснявшего истинные причины самоубийства, – то самое его существование в течение 34-х лет замалчивалось или даже отрицалось» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 661]. Предсмертное письмо Фадеева: «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы – в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власти имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет. / Литература – это святая святых – отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с самых “высоких” трибун – таких, как Московская конференция или XX-й партсъезд, – раздался новый лозунг “Ату ее!” Тот путь, которым собираются “исправить” положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, входящих в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду, – и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же “дубинкой”. / С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы

«По протесту Генерального Прокурора СССР определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 2 июня 1956 г. постановление Особого совещания при МГБ СССР от 13 сентября 1950 г. в отношении ГУМИЛЕВА Льва Николаевича отменено и дело на него за отсутствием состава преступления прекращено», – сообщалось Ахматовой в извещении, посланном на адрес Герштейн 30 июля 1956 г.³⁶ Этот важный документ несколько запоздал: Гумилев был освобожден 11 мая 1956 г. ревизионной комиссией в Омске, занимавшейся ускоренным пере-

необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать! / Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это – “партийностью”. И теперь, когда все можно было бы исправить, сказалась примитивность, невежественность – при возмутительной дозе самоуверенности – тех, кто должен был все это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Единицы тех, кто сохранил в душе священный огонь, находятся в положении париев и – по возрасту своему – скоро умрут. И нет никакого уже стимула в душе, чтобы творить... / Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, наделенный богом талантом незаурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединенная с прекрасными идеалами коммунизма. / Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плелся под клядью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня, – кем наш чудесный народ вправе был бы гордиться в силу подлинности и скромности внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература – это высший плод нового строя – унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти – невежды. / Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни. / Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять. / Прошу похоронить меня рядом с матерью моей. / 13/V 56. А. Фадеев» (Впервые: [Предсмертное письмо..., 1990, с. 6]. Текст дан по этой публ., с учетом двух воспроизведенных страниц рукописи). «В апреле – мае 1956-го Фадеев не пил (о чем существует множество свидетельств), но в депрессию вошел, пытаюсь выйти из нее самостоятельно. Хрущев его не любил – а Фадееву необходима была *любовь* (“я знаю, меня любил Иосиф Виссарионович”). Нелюбовь Хрущева сказалась и в том, что после правительственного некролога в центральных газетах было помещено недвусмысленно свидетельствующее об алкоголизме как унижительной причине самоубийства медицинское заключение» [Иванова, 1998, с. 199]. Запись Чуковской от 1 июня 1956 г.: «Вчера Анна Андреевна была у меня. <...> Речь шла о самоубийстве Фадеева. О неприличии официального сообщения. О том, узнаем ли мы когда-нибудь, какова была истинная причина самоубийства? Об оставленном им письме. Получим ли его когда-нибудь мы – современники, адресаты?

– Фадеевская легенда растет, – сказала Анна Андреевна. – А тут нужна не легенда. Срочный опрос свидетелей. Подлинные документы. Протоколы. Настоящее следствие по свежим следам. Знаем мы, как потом наврут в мемуарах. <...>

– Я Фадеева не имею права судить, – сказала Анна Андреевна. – Он пытался помочь мне освободить Леву» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 209–210].

³⁶ [Герштейн, 1989б, с. 64].

смотром дел политических заключенных, находившихся в омском лагере³⁷. 15 мая мать и сын встретились³⁸.

Список литературы

- Авченко В. О. Фадеев. М.: Молодая гвардия, 2017. 366 с. (ЖЗЛ)
- Алпатов В. М. Филологи и революция // НЛЮ. 2002. № 53. С. 199–216.
- Анна Ахматова. Материалы из собрания Гос. лит. музея: Альбом-каталог / Авт.-сост. О. Л. Залиева. М., 2016. 200 с.
- Аннинский Л. А. Алексей Сурков: «...В нарезном стволе» // Аннинский Л. А. Красный век: Эпоха и ее поэты: В 2 кн. М.: ПрозаиК, 2009. Кн. 1. С. 363–376.
- Ахматова А. Автобиографическая проза / Вступ. ст., публ., подгот. текста, примеч. Р. Д. Тименчика, В. А. Черных // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 3–17.
- Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. Н. Скатова, сост., подгот. текста и примеч. М. М. Кралина. М.: Правда, 1990. Т. 2. 432 с. (Б-ка «Огонек»)
- Ахматова А. А. «Отчаяние меня разрушает...» (Письмо Ахматовой Ворошилову и ответ Генерального прокурора Руденко) / Вступ. заметка А. Воронцова; публ. А. И. Кокурина // Шпион = Spy. 1994. № 3 (5). С. 22.
- Басалаев И. Записи бесед с Ахматовой (1961–1963) / Публ. Е. М. Царенковой, примеч. И. Колосова, Н. Крайневой // Минувшее: Исторический альманах. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. № 23. С. 561–593.
- Беляков С. С. Гумилев сын Гумилева. М.: АСТ, 2013. 797 с.
- Варава Б. Н. Еще раз об автографах Анны Ахматовой // Про книги. Журнал библиофила. М., 2014. С. 23–32.
- «Ваша осинка трепещет под моим окном...». Переписка Анны Ахматовой и Марии Петровых / Публ. писем и телеграмм Ахматовой А. И. Головкиной,

³⁷ «По решению XX съезда на места выехали (или были там же созданы, я не знаю) специальные, так называемые “микояновские” комиссии, чтобы ускорить возвращение домой заключенных, ожидающихся реабилитации. Такая комиссия <...> отпустила и реабилитировала Л. Н. Гумилева. 15 мая он был уже в Москве и вскоре уехал в Ленинград. А заседание Верховного Суда, своим чередом отменившее приговор Л. Гумилеву, состоялось через три недели. Об этом мы узнали из официального извещения, присланного Ахматовой на мой адрес» [Герштейн, 1989б, с. 63]. О том же – [Герштейн, 1998, с. 338–339]. Ср. также свидетельство Гумилева: «В 56-м году, после XX съезда, о котором я вспоминаю с великой благодарностью, приехала комиссия, которая обследовала всех заключенных (кто за что сидит), и комиссия единогласно вынесла мне “освобождение с полной реабилитацией”. Этому помогло то, что профессор Артамонов, профессор Окладников, академик Струве, академик Конрад написали по поводу меня положительные характеристики» (Гумилев Л. Автонекролог // [Гумилев, 2003, с. 24]). О комиссиях «на местах» – на уровне республик и областей, а также в больших лагерных комплексах см.: Эли М. Невозможная реабилитация. Ревизионные комиссии 1956 г. и неопределенности «оттепели» / Пер. Я. Завацкой // Сайт «Варлам Шаламов». URL: <https://shalamov.ru/research/61/17.html> (дата обращения 11.02.2023).

³⁸ О встрече матери и сына в доме Ардовых см.: [Беляков, 2013, с. 298–299] (в главе «Невстреча»). В памяти Ахматовой возвращение сына из лагеря и гибель Фадеева остались тесно связаны: «Приезд его в Москву – 15 мая. Самоубийство Фадеева», – отметила она в автобиографических записях в 1965 г. [Записные книжки..., 1996, с. 666].

вступ. ст., подгот. текстов и коммент. О. Е. Рубинчик // Русская литература. 2022. № 1. С. 114–115.

Виленкин В. Я. Воспоминания с комментариями. М.: Искусство, 1991. 495 с.

Военная юстиция в России: история и современность / Под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. М.: РГУП, 2017. 562 с.

Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных; коммент. А. В. Курт, К. М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991. 720 с.

Герштейн Э. Г. Из воспоминаний. Письма Анны Ахматовой // Вопросы литературы. 1989а. № 6. С. 248–270.

Герштейн Э. Г. Мемуары и факты (об освобождении Льва Гумилева) // Горизонт. 1989б. № 6. С. 55–65.

Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 528 с.

Глёкин Г. В. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Н. Г. Гончаровой. М.: Азбуковник, 2015. 304 с.

Гумилев Л. Автобиография. Воспоминания о родителях. Автонекролог. Лавров С. Лев Гумилев: Судьба и идеи. Воспоминания. М.: Айрис-пресс, 2003. 608 с.

Гюго В. Избранные драмы: В 2 т. Л.: Гослитиздат, 1937. Т. 1 / Под ред. А. А. Смирнова; вступ. ст. С. С. Мокульского. 404 с.

Гюго В. Марьон Делорм / Пер. А. Ахматовой; коммент. С. Брахман // Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 3 / Под ред. В. Н. Николаева, А. И. Пузикова, М. С. Трескунова. С. 5–166.

Далаш Д. Гость из будущего. Анна Ахматова и сэр Исайя Берлин. М.: Текст, 2010. 219 с.

Дикушина Н. «Не вижу возможности дальше жить...». Вокруг предсмертного письма Александра Фадеева // Литературная газета. 1993. № 21 (25449), 6 мая. С. 6.

Дикушина Н. И. Александр Фадеев в публикациях и критике последних лет // Творчество и судьба Александра Фадеева. Статьи, эссе, воспоминания. Архивные материалы. Страницы летописи. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 76–88.

Друян Б. Том агатовый: В 2 ч. 15.10.2013. Ч. 2. // Сайт «Союз журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области». URL: <https://spbsj.ru/articles/tom-aghatovuyi-2?ysclid=lbtagz19iva780344504> (дата обращения 10.02.2023).

Евтушенко Е. Анна Ахматова (Горенко) // Поэт в России – больше, чем поэт. Десять веков русской поэзии Антология: В 5 т. / Авт.-сост. Е. Евтушенко. Т. 3. М.: Русский Мир, 2014. С. 806–843.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консульт., ввод. заметки, указатели В. А. Черных. М.: Torgino, 1996. 849 с.

Зенкевич М. А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-Пресс, 1994. 688 с.

Иванова Н. Личное дело Александра Фадеева // Знамя. 1998. № 10. С. 188–203.

Каверин В. А. Эпилог. М.: Московский рабочий, 1989. 571 с.

Казакевич Э. Г. Слушая время. Дневники. Записные книжки. Письма. М.: Сов. писатель, 1990. 525 с.

Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М.: Рудомино, 1994. С. 72–79.

Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма / Сост. М. Ю. Сорокиной, А. О. Тамазишвили; предисл. В. М. Алпатов. М.: РОССПЭН, 1996. 543 с.

Либединский Ю. О Фадееве // Вопросы литературы. 2000. Май – июнь. С. 236–252.

Либединская Л. Б. Зеленая лампа. М.: АСТ, Астрель, 2011. 475 с.

Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М.: Олимп; Астрель; АСТ, 2001. 512 с.

Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989. 300 с.

Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Н. Лукницкого / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. А. И. Павловский, вступ. ст. Т. М. Двинятиной, подгот. Т. М. Двинятиной и др. СПб.: Наука, 2005. 343 с.

Огрызко В. Как Ахматову восстанавливали в Союзе писателей // Литературная Россия. 2015. № 37 (2720), 23 окт. С. 3.

Огрызко В. Трагедия продолжилась. Рассекреченные документы об Анне Ахматовой // Литературная Россия. 2017. № 28 (2803), 4–24 авг. С. 4.

Пант С. Избранные стихи / Пер. с хинди А. Ахматовой, А. Арго, Н. Гусевой и др.; [предисл., ред. и сост. Е. Чельшева]. М.: Иностран. лит., 1959. 118 с.

Пастернак Е. Б. Борис Пастернак. Биография. М., 1997. 726 с.

Пастернак Е. Б. Борис Пастернак (Материалы для биографии). М.: Сов. писатель, 1989. 688 с.

Петров И. К 100-летию со дня рождения выдающегося военного юриста генерал-лейтенанта юстиции С. К. Занчевского // Красная звезда. 2018. 11 июля.

Подвал памяти. Ахматовские дневники Лидии Чуковской [Интервью Н. Ивановой-Гладилицыковой с Н. Н. Глен] // Литературная газета. 1996. № 47, 20 нояб. С. 6.

Предсмертное письмо Александра Фадеева // Гласность. 1990. № 15, 20 сент. С. 6.

Сеславинский М. В. Библиофильский венок Анне Ахматовой // Про книги. Журнал библиофила. М., 2014. С. 4–21.

Соболев А. Л. «Постояла в золотой пыли»: пенсионное дело Анны Ахматовой // Соболев А. Л. Тургенев и тигры. Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017. С. 198–234.

Сорокина М. Ю. Николай Конрад: жизнь между Западом и Востоком // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 128–143.

Тагор Р. Соч.: В 8 т. / Под ред. В. Новиковой. М.: Гослитиздат, 1955–1957.

Тагор Р. Собр. соч.: В 12 т. / Под ред. Е. Быковой, А. Гнатюка-Данильчука, В. Новиковой. М.: Гослитиздат, 1961–1965.

Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы: В 2 т. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2015.

Томашевская З. Б. «Я – как петербургская тумба» // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралин. Л.: Лениздат, 1990. С. 417–438.

Фадеев А. А. Из переписки (К 60-летию со дня рождения) / Публ. и коммент. С. Преображенского // Новый мир. 1961. № 12. С. 190–199.

Фадеев А. А. Собр. соч.: В 7 т. М.: Худож. лит., 1971.

Фадеев А. А. Письма и документы / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. И. Дикушиной. М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2001. 358 с.

Хренков Д. Т. Анна Ахматова в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л.: Лениздат, 1989. 220 с.

Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М.: Азбуковник, 2016. 944 с.

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. / Изд. подгот. Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной при участии Е. Б. Ефимова. М., 1997.

Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969 / Сост., подгот. текста, коммент. Е. Ц. Чуковской. М.: Современный писатель, 1994. 558 с.

Шапорина Л. В. Дневник: В 2 т. / Вступ. ст. В. Н. Сажина; подгот. текста и коммент. В. Ф. Петровой, В. Н. Сажина. М., 2012.

Эвентов И. С. Давние встречи: Воспоминания и очерки. Л.: Сов. писатель, 1991. 381 с.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет: В 2 т. М.: Госполитиздат, 1956.

References

Akhmatova A. A. “Otchayanie menya razrushaet...” (Pis'mo Ahmatovoy Voroshilovu i otvet General'nogo prokurora Rudenko) [“Desperation is destroying me...” (Akhmatova’s letter to Voroshilov and the response of the Prosecutor General Rudenko)]. Entry. note by A. Vorontsov; publ. by A. I. Kokurin. *Shpion = Spy*, 1994, no. 3 (5), p. 22. (in Russ.)

Akhmatova A. A. Works. In 2 vols. Intr. art. by N. Skatov, comp., prepared. text and notes by M. M. Kralin. Moscow, Pravda, 1990, vol. 2, 432 p. (in Russ.)

Akhmatova A. Avtobiograficheskaya proza [Autobiographical prose]. Intr. art., publ., prepared text, notes by R. D. Timenchik, V. A. Chernykh. *Literaturnoe obozrenie*, 1989, no. 5, pp. 3–17. (in Russ.)

Alpatov V. M. Filologi i revolyutsiya [Philologists and revolution]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2002, no. 53, pp. 199–216. (in Russ.)

Anna Akhmatova. Materialy iz sobraniya Gos. lit. muzeya: Al'bom-katalog [Materials from the collection of the State. lit. Museum: Album-catalog]. Ed. and comp. by O. L. Zalieva. Moscow, 2016, 200 p. (in Russ.)

Anninsky L. A. Aleksei Surkov: “...V nareznom stvole” [Alexei Surkov: “...In a rifled barrel”]. In: Anninsky L. A. Krasnyi vek: Epokha i ee poety. In 2 books. Moscow, Prozaik, 2009, book 1, pp. 363–376. (in Russ.)

Avchenko V. O. Fadeev. Moscow, Molodaya gvardiya, 2017, 366 p. (in Russ.)

Basalaeв I. Zapisi besed s Akhmatovoi (1961–1963). [Recordings of conversations with Akhmatova (1961–1963)]. Publ. by E. M. Tsarenkova, comment. by I. Kolosov, N. Kraineva. In: Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. St. Petersburg, Atheneum, Feniks, 1998, no. 23, pp. 561–593. (in Russ.)

Belyakov S. S. Gumilev syn Gumileva [Gumilyov son of Gumilyov]. Moscow, AST, 2013, 797 p. (in Russ.)

Chernykh V. A. Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. 1889–1966 [Chronicle of the life and work of Anna Akhmatova. 1889–1966]. Moscow, Azbukovnik, 2016, 944 p. (in Russ.)

Chukovskaya L. K. Zapiski ob Anne Akhmatovoi [Notes about Anna Akhmatova]. In 3 vols. Ed., prepared by E. Ts. Chukovskaya and Zh. O. Khavkina with the participation of E. B. Efimov. Moscow, 1997. (in Russ.)

Chukovsky K. I. Dnevnik [Diary]. In 2 vols. Comp., prep. text, comments by E. Ts. Chukovskaya. Moscow, Sovremennyyi pisatel', 1994, vol. 1: 1930–1969, 558 p. (in Russ.)

Dalosh D. Gost' iz budushhego. Anna Akhmatova i sier Isaiya Berlin [Guest from the future. Anna Akhmatova and Sir Isaiah Berlin]. Moscow, Tekst, 2010, 219 p. (in Russ.)

Dikushina N. “Ne vizhu vozmozhnosti dal'she zhit'...”. Vokrug predsmernogo pis'ma Aleksandra Fadeeva [“I don't see the possibility to continue to live...”. Around the suicide letter of Alexander Fadeev]. *Literaturnaya gazeta*, 1993, no. 21 (25449), May 6, p. 6. (in Russ.)

Dikushina N. I. Aleksandr Fadeev v publikatsiyakh i kritike poslednikh let [Aleksandr Fadeev in publications and criticism of recent years]. In: *Tvorchestvo i sud'ba Aleksandra Fadeeva. Stat'i, esse, vospominaniya*. Arkhivnye materialy. Stranitsy letopisi. Moscow, IWL RAS, 2004, pp. 76–88. (in Russ.)

Eventov I. S. Davnie vstrechi: Vospominaniya i ocherki [Old Encounters: Memoirs and Essays]. Leningrad, Sov. pisatel', 1991, 381 p. (in Russ.)

Evtushenko E. Anna Akhmatova (Gorenko). In: *Poet v Rossii – bol'she, chem poet. Desyat' vekov russkoi poezii Antologiya*. In 5 vols. Comp. by E. Evtushenko. Moscow, Russkii Mir, 2014, vol. 3, pp. 806–843. (in Russ.)

Fadeev A. A. Iz perepiski (K 60-letiyu so dnya rozhdeniya) [From Correspondence (To the 60th Anniversary of Birth)]. Publ. and comment. by S. Preobrazhensky. *Novyi mir*, 1961, no. 12, pp. 190–199. (in Russ.)

Fadeev A. A. Pis'ma i dokumenty [Letters and documents]. Comp., entry. art. and comment. by N. I. Dikushina. Moscow, Lit. in-t im. A. M. Gor'kogo, 2001, 358 p. (in Russ.)

Fadeev A. A. Collected works. In 7 vols. Moscow, Khud. liter., 1971. (in Russ.)

Gershtein E. G. Iz vospominanii. Pis'ma Anny Akhmatovoi [From memories. Anna Akhmatova's letters]. *Voprosy literatury*, 1989, no. 6, pp. 248–270. (in Russ.)

Gershtein E. G. Memuary [Memoirs]. St. Petersburg, INAPRESS, 1998, 528 p. (in Russ.)

Gershtein E. G. Memuary i fakty (ob osvobozhdenii L'va Gumileva) [Memoirs and facts (on the release of Lev Gumilyov)]. *Gorizont*, 1989, no. 6, pp. 55–65. (in Russ.)

Glyokin G. V. Chto mne dano bylo... Ob Anne Akhmatovoi [What was given to me... About Anna Akhmatova]. Comp., prep. text, enter. art., comment. by N. G. Goncharova. Moscow, Azbukovnik, 2015, 304 p. (in Russ.)

Gumilev L. Avtobiografiya. Vospominaniya o roditelyakh. Avtonekrolog. Lavrov S. Lev Gumilev: Sud'ba i idei. Vospominaniya [Autobiography. Memories of parents. Auto obituary. Lavrov S. Lev Gumilyov: Fate and Ideas. Memories]. Moscow, Airis-press, 2003, 608 p. (in Russ.)

Hugo V. Izbrannye dramy [Selected Dramas]. In 2 vols. Leningrad, Goslitizdat, 1937, vol. 1. Ed. by A. A. Smirnov, intr. art. by S. S. Mokulsky, 404 p. (in Russ.)

Hugo V. Mar'on Delorm [Marien delorme]. Per. by A. Akhmatova; comments by S. Brakhman. In: Hugo V. Collected Works. In 15 vols. Moscow, Goslitizdat, 1953, vol. 3, pp. 5–166. (in Russ.)

Ivanova N. Lichnoe delo Aleksandra Fadeeva [Personal file of Alexander Fadeev]. *Znamya*, 1998, no. 10, pp. 188–203. (in Russ.)

Kalugin O. Delo KGB na Annu Akhmatovu [The KGB case against Anna Akhmatova]. In: *Gosbezopasnost' i literatura na opyte Rossii i Germanii (SSSR i GDR)*. Moscow, Rudomino, 1994, pp. 72–79. (in Russ.)

Kaverin V. A. Epilog [Epilogue]. Moscow, Moskovskii rabochii, 1989, 571 p. (in Russ.)

Kazakevich E. G. Slushaya vremya. Dnevnik. Zapisnye knizhki. Pis'ma [Listening to time. Diaries. Notebooks. Letters]. Moscow, Sov. pisatel', 1990, 525 p. (in Russ.)

Khrenkov D. T. Anna Akhmatova v Peterburge – Petrograde – Leningrade [Anna Akhmatova in St. Petersburg - Petrograd - Leningrad]. Leningrad, Lenizdat, 1989, 220 p. (in Russ.)

Konrad N. I. Neopublikovannye raboty. Pis'ma [Unpublished works. Letters]. Comp. by M. Yu. Sorokina, A. O. Tamazishvili. Moscow, ROSSPEN, 1996, 543 p. (in Russ.)

Libedinskaya L. B. Zelenaya lampa [Green lamp]. Moscow, AST, Astrel', 2011, 475 p. (in Russ.)

Libedinsky Yu. O Fadeeve [About Fadeev]. *Voprosy literatury*, 2000, May–June, pp. 236–252. (in Russ.)

Mandelstam N. Ya. Vtoraya kniga [Second book]. Moscow, Olimp, Astrel', AST, 2001, 512 p. (in Russ.)

N. Gumilev, A. Akhmatova: Po materialam istoriko-literaturnoi kollektzii P. N. Luknitskogo [N. Gumilyov, A. Akhmatova: Based on the materials of the historical and literary collection of P. N. Luknitsky]. IRLI (Pushkinskij Dom) RAN, resp. ed. by A. I. Pavlovsky, entry. art. by T. M. Dvinyatina, prep. by T. M. Dvinyatina et al. St. Petersburg, Nauka, 2005, 343 p. (in Russ.)

Naiman A. G. Rasskazy o Anne Akhmatovoi [Stories about Anna Akhmatova]. Moscow, Khudozh. lit., 1989, 300 p. (in Russ.)

Ogryzko V. Kak Akhmatovu vosstanavlivali v Soyuze pisatelei [How Akhmatova was reinstated in the Writers' Union]. *Literaturnaya Rossiya*, 2015, no. 37 (2720), October 23, p. 3. (in Russ.)

Ogryzko V. Tragediya prodolzilas'. Rassekrechennyye dokumenty ob Anne Akhmatovoi [The tragedy continued. Declassified documents about Anna Akhmatova]. *Literaturnaya Rossiya*, 2017, no. 28 (2803), August 4–24, p. 4. (in Russ.)

Pant S. Izbrannyye stikhi [Selected poems]. Transl. from Hindi by A. Akhmatova, A. Argo, N. Guseva et al., foreword, ed. and comp. by E. Chelyshev. Moscow, Inostr. lit., 1959, 118 p. (in Russ.)

Pasternak E. B. Boris Pasternak (Materialy dlya biografii) [Boris Pasternak (Materials for a biography)]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1989, 688 p. (in Russ.)

Pasternak E. B. Boris Pasternak. Biografiya [Biography]. Moscow, 1997, 726 p. (in Russ.)

Petrov I. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya voennogo yurista general-leitenanta yustitsii S. K. Zanchevskogo [To the 100th anniversary of the birth of the outstanding military lawyer Lieutenant-General of Justice S. K. Zanchevsky]. *Krasnaya Zvezda*, 2018, July 11. (in Russ.) URL: <http://redstar.ru/ih-povenchala-vojna/?ysclid=lcj09mch6j961175394> (accessed 11.02.2023).

Podval pamyati. Akhmatovskie dnevniky Lidii Chukovskoi (Interv'yu N. Ivanovoi-Gladil'shchikovoi s N. N. Glen) [Cellar of memory. Akhmatova's diaries of Lydia Chukovskaya (Interview of N. Ivanova-Gladil'shchikova with N. N. Glen)]. *Literaturnaya gazeta*, 1996, no. 47, November 20, p. 6. (in Russ.)

Predsmertnoe pis'mo Aleksandra Fadeeva. *Glasnost'*, 1990, no. 15, September 20, p. 6. (in Russ.)

Seslavinsky M. V. Bibliofil'skii venok Anne Akhmatovoi [Bibliophile wreath to Anna Akhmatova]. In: Pro knigi. Zhurnal bibliofila. Moscow, 2014, pp. 4–21. (in Russ.)

Shaporina L. V. Dnevnik [Diary]. In 2 vols. Intr. art. by V. N. Sazhin; prep. text and comments by V. F. Petrova and V. N. Sazhin. Moscow, 2012. (in Russ.)

Sobolev A. L. "Postoyala v zolotoi pyli": pensionnoe delo Anny Akhmatovoi ["Stood in gold dust": the pension case of Anna Akhmatova]. In: Sobolev A. L. Turge-nev i tigry. Iz arkhivnykh razyskaniy o russkoi literature pervoi poloviny XX veka. Moscow, 2017, pp. 198–234. (in Russ.)

Sorokina M. Yu. Nikolai Konrad: zhizn' mezhdru Zapadom i Vostokom [Nikolai Konrad: life between West and East]. In: Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR. Moscow, Nauka, 1995, pp. 128–143. (in Russ.)

Tagor R. Collected works. In 12 vols. Ed. by E. Bykova, A. Gnatyuk-Danilchuk, V. Novikova. Moscow, Goslitizdat, 1961–1965. (in Russ.)

Tagor R. Works. In 8 vols. Ed. by V. Novikova. Moscow, Goslitizdat, 1955–1957. (in Russ.)

Timenchik R. Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody [The last poet. Anna Akhmatova in the 60s]. In 2 vols. Ierusalim, Gesharim, Moscow, Mosty kul'tury, 2015. (in Russ.)

Tomashevskaya Z. B. "Ya – kak peterburgskaya tumba" ["I'm like a Petersburg tumba"]. In: Ob Anne Akhmatovoi: Stikhi, esse, vospominaniya, pis'ma. Comp. by M. M. Kralin. Leningrad, Lenizdat, 1990, pp. 417–438. (in Russ.)

Varava B. N. Once again about the autographs of Anna Akhmatova. In: Pro knigi. Zhurnal bibliofila. Moscow, 2014, pp. 23–32. (in Russ.)

"Vasha osinka trepeshchet pod moim oknom...". Perepiska Anny Akhmatovoi i Marii Petrovykh ["Your aspen trembles under my window...". Correspondence of Anna Akhmatova and Maria Petrovykh]. Publ. letters and telegrams of Akhmatova by A. I. Golovkina, entry. art., prep. texts and comments by O. E. Rubinchik. *Russkaya literatura*, 2022, no. 1, pp. 114–115. (in Russ.)

Vilenkin V. Ya. Vospominaniya s kommentariyami [Memories with comments]. Moscow, Iskusstvo, 1991, 495 p. (in Russ.)

Voennaya yustitsiya v Rossii: istoriya i sovremennost' [Military justice in Russia: history and modernity]. Ed. by V. V. Ershov, V. V. Khomchik. Moscow, RGUP, 2017, 562 p. (in Russ.)

Vospominaniya ob Anne Akhmatovoi [Memories of Anna Akhmatova]. Comp. by V. Ya. Vilenkin, V. A. Chernykh, comments by A. V. Kurt, K. M. Polivanov. Moscow, Sov. pisatel', 1991, 720 p. (in Russ.)

XX s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza: Stenograficheskii otchet [XX Congress of the Communist Party of the Soviet Union: Verbatim record]. In 2 vols. Moscow, Gospolitizdat, 1956. (in Russ.)

Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966) [Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)]. Comp. and prep. text by K. N. Suvorova; enter. art. by E. G. Gershtein;

scientific consulting, input. notes, indexes by V. A. Chernykh. Moscow, Torino, 1996, 849 p. (in Russ.)

Zenkevich M. A. Skazochная era: Stikhotvoreniya. Povest'. Belletristicheskie memuary [Fairy tale era: Poems. Tale. Fiction memoir]. Moscow, Shkola-Press, 1994, 688 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Ольга Ефимовна Рубинчик, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the Author

Olga E. Rubinchik, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023;
одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 05.02.2023
The article was submitted on 01.02.2023;
approved after reviewing on 05.02.2023; accepted for publication on 05.02.2023*

Сюжетология и сюжетография

Научный журнал

2023. № 4

Учредитель
Институт филологии СО РАН

Адрес учредителя, издателя и редакции
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090

